

7Р 594

1-76
Р 11463

801-16
1746

НАРОДНЫЙ БЫТЪ

Великаго сѣвера.

Его нравы, обычаи, преданія, предсказанія, предразсудки, притчи, пословицы, присловія, прибаутки, перегудки, припѣвы, сказки, присказки, пѣсни, скороговорки, загадки, счеты, задачи, заговоры и заклинанія.

Томъ II.

Составилъ Александръ Евгеніевичъ Бурцевъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 21 Октября 1897 г.

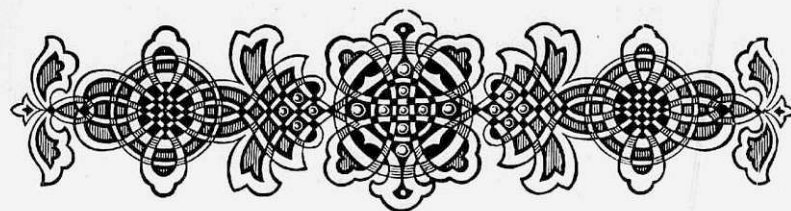
Печатано въ количествѣ 100 экземпляровъ.

Типографія И. Ефрона. Прачешный пер., № 6.

58676-0

2015170102

Иванушко дурачекъ.

Не въ которомъ царствѣ, не въ которомъ государствѣ, не именно въ томъ, въ которомъ мы живемъ, жилъ-былъ старикъ со старухою; у нихъ было три сына: двое-умные, третій-Иванушко-дурачекъ. Умные-то овецъ въ полѣ пасли, а дуракъ ничего не дѣлалъ, все на печкѣ сидѣлъ, да мухъ ловилъ. Въ одно время наварила старуха аржаныхъ клѣцокъ и говоритъ дураку: «ну-ка, снеси эти клѣцки братьямъ; пусть поѣдятъ.» Налила полной горшокъ и дала ему въ руки; побрѣлъ онъ къ братьямъ. День былъ солнечной; только вышелъ Иванушко за околицу, увидалъ свою тѣнь съ боку, и думаетъ: «что это за человѣкъ? со мной рядомъ

идеть, ни на шагъ не отстаётъ; вѣрно клѣцокъ захотѣлъ!» И началъ онъ бросать на свою тѣнь клѣцки, такъ всё до единой и повыкидалъ; смотри, а тѣнь всё съ боку идетъ: «эка ненасытная утроба!» сказалъ дурачекъ съ сердцемъ, и пустилъ въ нее горшкомъ—разлетѣлись черепки въ разные стороны. Вотъ приходитъ съ пустыми руками къ братьямъ; тѣ его спрашиваютъ: «ты, дуракъ, зачѣмъ?»—Вамъ обѣдъ принёсъ. «Гдѣ-же обѣдъ?—давай живѣе.»—Да вишь, братцы, привязался ко мнѣ дорогою незнамо-какой человекъ, да и всё поѣлъ! «Какой-такой человекъ?—Вотъ онъ! и теперь рядомъ стоитъ! Братья ну его ругать, бить, колотить; отколотили и заставили овецъ пасти, а сами ушли на деревню обѣдать. Принялся дурачекъ пасти: видитъ, что овцы разбрелись по полю, давай ихъ ловить да глаза выдирать; всёхъ переловилъ, всёхъ глаза выдолбилъ, собралъ стадо въ одну кучу, и сидитъ себѣ радехонекъ, словно дѣло сдѣлалъ. Братья пообѣдали, воротились въ поле: «что ты, дуракъ натворилъ? отчего стадо слѣпое?»—Да почто имъ глаза-то? Какъ ушли вы, братцы, овцы-то врозь разсыпались; я и придумалъ: сталъ ихъ ловить, въ кучу собирать; глаза выдирать; во какъ умаялся! «Постой еще не такъ умаешься!» говорятъ братья и давай угощать его кулаками; порядкомъ таки досталось дураку на орѣхи.

Ни много, ни мало прошло времени; послали старики Иванушка дурачка въ городъ къ празднику по хозяйству закупать. Всего закупилъ Иванушко: и столъ купилъ, и ложекъ, и чашекъ, и соли; цѣлой возъ навалилъ всякой всячины. Ыдетъ домой, а лошадевка была такая, знать, неудалая, везетъ—не везетъ! «А что, думаетъ себѣ Иванушко, вѣдь у лошади четыре ноги, и у стола тожъ четыре; такъ столъ-отъ и самъ добѣжить!» Взялъ столъ и выставилъ на

дорогу. Ыдетъ-Ыдетъ, близко ли, далеко ли, а воробы такъ и выюта надъ нимъ да все каркаютъ. «Знать сестрицамъ поѣсть покушать охота, что такъ раскричались!» подумалъ дурачокъ; выставилъ блюдо съ ѣствами наземъ и началъ подбивать: «сестрицы-голубушки! кушайте на здоровье.» А самъ все впередъ да впередъ подвигается. Ыдетъ Иванушко перелѣскомъ; по дорогѣ все пни обгорѣлые. «Эхъ, думаетъ, ребята-то безъ шапокъ; вѣдь озябнуть сердечные!» Взялъ-понадѣвалъ на нихъ горшки да корчаги. Вотъ добѣхалъ Иванушко до рѣки, давай лошадь поить, а она не пьетъ. «Знать бѣзъ соли не хочетъ!» и ну солить воду. Высыпалъ полонъ мѣшокъ соли, лошадь все не пьетъ. «Что-жъ ты не пьешь, волчье мясо! развѣ задаромъ я мѣшокъ соли высыпалъ?» Хватилъ ее полѣномъ, да прямо въ голову, и убилъ на повалъ. Остался у Иванушки одинъ кошель съ ложками, да и тотъ на себѣ понёсъ. Идетъ; ложки назадъ такъ и брякаютъ: брякъ, брякъ, брякъ! а онъ думаетъ, что ложки-то говорятъ: Иванушко дуракъ! бросилъ ихъ, и ну топтать да приговаривать: «вотъ вамъ Иванушко дуракъ! вотъ вамъ Иванушко дуракъ! Еще вздумали дразнить негодныя!» Воротился домой и говоритъ братьямъ: «все искупилъ, братики!»—Спасибо, дуракъ, да гдѣ-жъ у тебя закупки-то? «А столъ-отъ бѣжить, да знать отсталъ, изъ блюдъ сестрицы кушаютъ, горшки да корчаги ребятамъ въ лѣсу на головы понадѣвалъ, солью-то поиво лошади посолилъ, а ложки дразнятся—такъ я ихъ на дорогѣ покинулъ.»—Ступай, дуракъ, поскорѣе! собери все, что разбросалъ по дорогѣ. Иванушко пошелъ въ лѣсъ, снялъ съ обгорѣлыхъ пней корчаги, повышибалъ дщица и надѣлъ на батоги корчаги съ дюжину—всякихъ: и большихъ, и малыхъ. Несетъ домой. Отколотили его братья; поѣхали сами въ городъ за покупками, а ду-

рака оставили домовничать. Слушает дуракъ, а пиво въ кадкѣ такъ и бродить, такъ и бродить. «Пиво, не броди! дурака не дразни!» говоритъ Иванушко. Нѣтъ, пиво не слушаетъ, взялъ да и выпустилъ все изъ кадки, самъ сѣлъ въ корыто, по избѣ разбѣзжаетъ да пѣсенки распѣваетъ.

Приѣхали братья, крѣпко осерчали, взяли Иванушка— зашили въ кулъ и потащили къ рѣкѣ. Положили кулъ на берегу, а сами пошли прорубь осматривать. На ту пору ѣхалъ какой-то баринъ мимо на тройкѣ бурыхъ; Иванушко и ну кричать: «садятъ меня на воеводство судить да рядить, а я ни судить ни рядить не умѣю!»—Постой, дуракъ! сказалъ баринъ; я умѣю и судить, и рядить; вылезай изъ куля! Иванушко вылезъ изъ куля, зашилъ туда барина, а самъ сѣлъ въ его повозку и уѣхалъ изъ виду. Пришли братья, спустили кулъ подъ ледъ, и слушаютъ, а въ водѣ такъ и буркаетъ. «Знать бурка ловить!» проговорили братья и побрели домой. На встрѣчу имъ, откуда ни возьмись, ѣдетъ на тройкѣ Иванушко, ѣдетъ да прихвастываетъ: «вотъ-ста какихъ поймалъ я лошадушекъ! а еще остался тамъ сивко—такой славной!» Завидно стало братьямъ; говорятъ дураку: зашивай теперь насъ въ кулъ да спускай поскорѣй въ прорубь! Не уйдетъ отъ насъ сивко...» Опустилъ ихъ Иванушко-дурачекъ въ прорубь и погналъ домой пиво допивать да братьевъ поминать. Былъ у Иванушка колодезь, въ колодезѣ рыба елецъ, а моей сказкѣ конецъ.

Записано въ Кадниковѣ М. Перавинымъ.

Про волдянку бияночку.

Жилъ былъ старикъ да старуха, а дѣтей у нихъ не было. Пошли старикъ да старуха въ лѣсъ по грибы и нашли тамъ волдянку биянку, принесли домой, положили въ горшечекъ и закрыли волошкомъ. Черезъ часъ вдругъ въ горшечекъ подъ волохомъ заговорило: дѣдушка да бабушка, откройте! Открыли, а тамъ—дѣвушка—Аннушка.

Вототка живетъ Аннушка и растеть не по годамъ, а по часамъ, въ сутки, въ двое ужъ большая выросла. Пошли дѣвки въ лѣсъ по грибы и стали упрашивать, чтобы отпустили съ ними и Аннушку. А дѣдушка да бабушка говорить: куды! какъ да заблудитесь!—Нѣтъ, не заблудимся, опустите. И опустили Аннушку.—Шли они да и заблудились

эти дѣвицы и пришли къ еги-бабиной избушкѣ. Еги-баба и закричала: фу, фу, фу! русскій духъ: слыхомъ не слыхано, видомъ не видано, самъ на домъ пришелъ, съѣмъ, гть, те-перь!—А дѣвки и говорятъ: ой ты баушеньки! ты бы на-кормила да напоила, втожно-бы и ѣла!—Еги-баба затопила печь, заварила завару и давай дѣвокъ кормить. Иныя дѣвки ѣдятъ, да въ пазушку кладутъ, а Анна все ѣла спроста до чиста. Отѣбли, еги-баба и говоритъ: подайте мою завару! Всѣ подали завару, а Аннушкѣ и нечего отдать. Еги-баба отпустила дѣвокъ домой, а Анну оставила у себя. Пришли дѣвицы домой и сказали, что еги-баба не отпускаетъ Ан-нушку. Затужили старикъ да старуха, да дѣлать нечего, не воротись.

А еги-баба подала Аннушкѣ лошады копыто, да и гово-рить: ищи въ головѣ да приговаривай. Та и стала искать въ головѣ да приговаривать: спи глазокъ, спи другой, спи ушко, спи другое, спи ручка, спи другая, спи ножка, спи другая! Еги баба и уснула, а дѣвица вышла на крыльцо да и плачетъ.

Вдругъ бѣжитъ стадо коней.—О чемъ красная дѣвица плачешь? Да вотъ еги баба домой не опускаетъ.—Сядись на меня да держись за уши, такъ я тебя домой довезу.

Дѣвица только сѣла, а еги-баба и завозилась. Видить, что дѣло не ладно, сѣла въ ступу и погналась за Аннушкой. Только бы схватить, а лошадь и сунулась къ старику на повить. А старикъ былъ тутъ и съ ружьемъ; собрался идти въ лѣсъ искать Аннушку. Увидалъ онъ сперва коня съ дѣ-вицей, потомъ еги-бабу въ ступѣ съ помеломъ и выстрѣ-лилъ въ нее изъ ружья. Тутъ еги-баба и ноги протянула.

Закопали ее на задворье и палку на могилѣ поставили, а коня повели въ анбаръ къ овеу къ цѣльному сусѣку. Ан-нушка и старики и топере живутъ по прежнему, всего наживаютъ да Анну наряжаютъ, да взамужъ обѣщаютъ.

Котокъ золотой лобокъ.

Не въ которой большой деревнѣ жилъ старикъ со старухой близъ лѣсу въ худой избенкѣ. Разъ старуха и посылаетъ старика въ лѣсъ: ступай, говоритъ, старикъ, наруби дровъ, я хоть печку отоплю да каши наварю. Взялъ старикъ топоръ и пошелъ въ лѣсъ дрова рубить. Подходить къ пню, только ударилъ по нему топоромъ, какъ выскочилъ котокъ золотой лобокъ и крикнулъ: меня кота будишь, мнѣ спать не даешь! что тебѣ, старикъ, надо?—Старикъ не зналъ что сказать, думалъ, думалъ, наконецъ и придумалъ: избенку надо-бы, избенка у насъ плоха стала...—Ступай домой, говоритъ котокъ, будетъ у васъ новая изба....

Приходитъ старикъ домой и видитъ: стоитъ большая новая изба. Вышла къ нему на встрѣчу старуха и говоритъ: домъ-то у насъ богатый, да дровецъ нѣтъ, поди, наруби дровъ. Пошелъ опять старикъ въ лѣсъ, стукнулъ топоромъ въ пенъ,

выскочилъ котокъ и говоритъ: меня кота будишь, мнѣ спать не даешь! чего тебѣ, старикъ, надо?—Старуха дровецъ просить, сказалъ старикъ.—Хорошо, иди домой, будутъ у васъ дровца. Приходитъ старикъ домой и видитъ: около его дома цѣлые костры дровъ навалены. А старуха вышла изъ дому и говоритъ: всего-то у насъ много, только хлѣба нѣтъ, поѣсть нечего.

Взялъ опять-старикъ топоръ и пошелъ въ лѣсъ. Стукнулъ топоромъ о пенъ... и т. д. чего тебѣ надо?—Муки старуха просить, ѣсть, говоритъ, нечего.—Хорошо, ступай домой, будетъ у васъ мука.—Приходитъ старикъ домой и видитъ: хлѣба полные амбары навалены. Вышла старуха и говоритъ старику: всего-то у насъ много, только сидѣть не на чемъ. Взялъ старикъ... и т. д. чего тебѣ надо?—Мебели просить старуха, сидѣть, говоритъ, не на чемъ.—Ступай съ Богомъ домой, будетъ у васъ и мебель—Приходитъ старикъ домой и видитъ: мебелью весь домъ установленъ. Старуха опять и говоритъ: всего-то у насъ много, только одѣжи нѣтъ, надѣть нечего.

(Котъ даетъ старику и старухѣ одежду. Тогда старуха заявляетъ желаніе сдѣлаться царицей, а чтобы старикъ былъ царемъ. И это исполняется. Наконецъ старуха посылаетъ мужа къ коту, чтобы тотъ сдѣлалъ ее Богородицей. На это котъ ничего не отвѣтилъ и ушелъ въ пенъ. Старикъ вернулся домой и вмѣсто дворца нашелъ прежнюю ветхую избенку и жену свою въ прежнемъ видѣ).

Записано мною лично въ Кадниковѣ.

Ивановъ цвѣтъ.

Не въ которомъ царствѣ, не въ которомъ государствѣ, не именно въ томъ, въ которомъ мы живемъ, жить въ одномъ городѣ богатый трактирщикъ, у котораго было много служащихъ, или какъ ихъ зовутъ—половыхъ. Однажды половые разговорились между собою о томъ, какъ можно сдѣлаться богатымъ и знатымъ. Одинъ и говорить: я знаю средство сдѣлаться богатымъ.—Что же ты не испытасяшь его, коли знаешь? спрашиваютъ другіе.—Боюсь, опасно.— По крайней мѣрѣ Расскажи намъ, въ чемъ это дѣло заключается.—Нужно, говорить, достать Ивановъ цвѣтъ, т. е. цвѣтокъ папоротника, который разцвѣтаетъ только въ ночь на Ивановъ день. Кто этотъ цвѣтокъ добудетъ, отъ того никакой кладъ не укроется и онъ можетъ все сдѣлать, что захочетъ.—Ладно, попробуемъ! сказалъ одинъ изъ половыхъ по имени Сидорка.

И вотъ, когда насталъ канунъ Иванова дня, поздно вечеромъ, Сидорка отправился въ лѣсъ къ знакомому кусту папоротника. Въ полночь онъ увидѣлъ, что на папоротникѣ разцвѣлъ цвѣтокъ. Сидорка сорвалъ его и побѣжалъ домой. И вдругъ онъ видитъ большой огненный шаръ катится ему прямо подъ ноги. Сидорка понялъ, что это дьявольское навожденіе и закричалъ: чуръ меня! Шаръ тотчасъ же пропалъ. Пошелъ онъ дальше. Долго шелъ, наконецъ увидалъ вдали огонекъ. Пошелъ на огонекъ и подошелъ къ избушкѣ. Заглянулъ въ нее и видитъ на печи лежитъ старый-пре-старый старикъ. И говоритъ ему старикъ: тебѣ одному не справиться съ Ивановымъ цвѣткомъ, я тебѣ помогу въ этомъ. Слѣзъ старикъ съ печки, взялъ ножикъ и разрѣзалъ у Сидорки на ладони кожу, всунулъ подъ нее цвѣтокъ и въ ту же минуту заростилъ рану. Потомъ взялъ со стѣны сумочку, подалъ ему и сказалъ: городъ, въ которомъ ты живешь, окруженъ врагами и тебѣ, чтобы освободить его, стоитъ только сказать: ранецъ, ранецъ, задай врагамъ танецъ! Когда же захочешь, чтобы все прекратилось, то скажи: ребята въ сумку!

Только, что это вымолвилъ старикъ, какъ Сидорка очутился у города. Городъ дѣйствительно былъ окруженъ неприятелемъ. Увидавши враговъ, Сидорка закричалъ: ранецъ, ранецъ, задай врагамъ танецъ! И вышло изъ ранца войско видимо-невидимо, напало оно на враговъ и прогнало ихъ отъ города. Послѣ этого Сидорка былъ встрѣченъ царемъ съ большимъ почетомъ, произведенъ въ фельдмаршалы и находился при царѣ до самой его смерти.

Записано въ Вѣльскѣ.

Степанъ Богатый

Въ нѣкоторомъ царствѣ—государствѣ жилъ былъ Степанъ Богатый; не имѣлъ ни двора, ни кола, ни куриного пера. Только и зналъ, что шатался въ лѣсъ за грибами. Наварить, поѣсть и опять поидеть въ лѣсъ. Вотъ его лисичка признала и говоритъ: «что ты, Степанъ Богатый, не женишься?» — Да на комъ мнѣ, Лиса Васильевна, жениться? За меня никто не поидеть. — «Да женись; я тебѣ царскую дочь выватаю.» — За меня и крестьянская не поидеть. А хочешь, такъ посватай! — Черезъ долгое время нашла Лиса Васильевна копѣчку и побѣжала къ царю. «Ваше величество, пожалуйте мѣрки!» На что тебѣ? — Степану Богатому мѣды мѣрять. Царь далъ мѣрку. Мѣрка была съ щер-

бинкой. Лиса Васильевна положила въ щербинку копѣчку, приносить царю мѣрку обратно. Царь посмотрѣлъ, увидѣлъ въ щербинкѣ копѣчку: «и въ правду онъ мѣды мѣрять».

Прошло много времени; нашла Лиса Васильевна серебряный; прибѣгаетъ къ царю! «Ваше величество! пожалуйте мѣрки!» На что тебѣ? «Степану Богатому серебро мѣрять.» Царь далъ. Въ мѣркѣ была щербинка; она опять въ щербинку положила пятакъ; отнесла царю. «И въ правду онъ серебро мѣрять.» — Черезъ долгое время нашла Лиса Васильевна золотой, прибѣгаетъ къ царю. «Ваше величество, пожалуйте мѣрки!» На что тебѣ? «Степану Богатому золото мѣрять!» Взяла мѣрку, положила въ щербинку золотой.

Приходить къ царю, приносить мѣрку, благодарить. Царь беретъ мѣрку въ руки, стукнулъ, выдѣтаетъ золотой... «Сколь вашъ Степанъ Богатый богат?» Скоро съ вами поровняется: Приказать Степану Богатому доложить: не отдадите-ли вы свою дочку за него? Царь согласился. Лиса Васильевна назначила въ какой день свадьба. Тамъ собираются, а она Степану Богатому сказала, чтобъ онъ послѣднюю лошаденку утопилъ въ болотѣ, выпачкался бы и пришелъ на свадьбу. А сама пошла къ царю.

Приходить день свадьбы. Лиса Васильевна все мѣста избѣгала. «Ахъ, какъ онъ долго не ѣдетъ! Какъ онъ долго не ѣдетъ!» И сама побѣжала ему на встрѣчу. Онъ идетъ весь въ грязи, шутъ шутомъ. Сама бѣжитъ къ царю и говорить: «ваше величество! несчастье случилось» — Какое? — «Степана Богатаго все десять каретъ, все лошади потонули въ болотѣ, а Степана Богатаго какъ-то Богъ спасъ. Дайте ему во что одѣться! Вотъ его умыли, одѣли и привели, посадили. Ему царь далъ самое лучшее платье. Онъ все и

и глядитъ самъ на себя. Царь и *отвѣчаетъ* (говорить): «ахъ, что это, Лисанька, онъ самъ на себя глядитъ! Онъ, говорить, такого дряннаго платья никогда не нашивалъ! «Ну, говорить, у меня нѣтъ лучше.» Такъ и повѣнчали ихъ въ этотъ день. Ну, вотъ они гуляютъ. Царь и говорить: «ну, говорить, зятюшка, нынче у меня и завтра у меня, когда же у тебя?» Степанъ Богатый молчитъ. Вотъ царь опять говорить: «ну, любезный зятюшка, нынче у меня и завтра у меня; когда же у тебя?» Степанъ Богатый все молчитъ.

Вотъ Степанъ Богатый и говорить своей Лисѣ Васильевнѣ! какъ мнѣ быть?—Ну, говорить, какъ скажетъ онъ тебѣ еще разъ, ты его и попроси: «милости просимъ, батюшка, ко мнѣ!» Вотъ черезъ нѣсколько времени царь опять говорить Степану Богатому: «ну, любезный зятюшка! нынѣ у меня и завтра у меня, когда же у тебя?» Онъ ему отвѣчаетъ: «милости просимъ, батюшка, ко мнѣ!» Собрались они. Лисица и говорить Степану Богатому: «куда я, говорить, пойду, туда и ты поѣзжай!» Вотъ они и ѣдутъ за ней.

Вотъ Лисица подходитъ. Пасутъ стадо коровъ. Она и спрашиваетъ: пастухи, чьи вы?—Пастухи отвѣчаютъ: «барина Цыгарина». Лисица имъ говорить: не говорите, что вы барина Цыгарина, а скажите, что Степана Богатаго. А то ѣдетъ царь Громъ и царица Молонья; царь Громъ громомъ побьетъ; царица Молонья молоньей пожжетъ!» Вотъ подъѣзжаетъ царь, спрашиваетъ: чьи вы, пастухи?—«Степана Богатаго».

Подходитъ лисица: пасутъ стадо овецъ. Она и спрашиваетъ: «пастухи, чьи вы?»—Барина Цыгарина! Не гово-

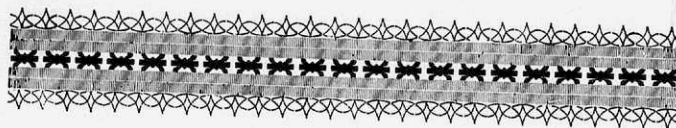
рите, что вы барина Цыгарина; а то ѣдутъ царь Громъ и царица Молонья; царь Громъ громомъ побьетъ; царица Молонья молоньей пожжетъ. Скажите, что вы Степана Богатаго.» Вотъ подъѣзжаетъ царь, спрашиваетъ: пастухи, чьи вы? «Степана Богатаго.»

Подходитъ лисица: стерегутъ стадо лошадей. «Пастухи, чьи вы?» Барина Цыгарина. «Не говорите, что вы барина Цыгарина; скажите, что вы Степана Богатаго. А то ѣдетъ царь Громъ и царица Молонья; царь Громъ громомъ побьетъ, царица Молонья молоньей пожжетъ!»—Вотъ подъѣзжаетъ царь, спрашиваетъ: пастухи, чьи вы?—«Степана Богатаго.»

Вотъ приходитъ она (лисица) въ домъ къ барину Цыгарину. А у барина Цыгарина все было *парадно*: жена была имянинница. Эта барыня Цыгарыня сидитъ у себя въ комнатѣ. Вотъ она (лисица) вѣбжала къ ней въ комнату. «Ахъ, говорить,—барыня Цыгарыня! что же, говорить.—«ѣдетъ царь Громъ и царица Молонья.»—Куда же, говорить, намъ дѣться? «Да подите, говорить, я васъ хоть въ дупло спрячу; покажетъ царь пройдетъ.» Они спрятались въ дупло. Она (лисица) и людямъ сказала, чтобъ они не говорили, что они барина Цыгарина.

Пріѣзжаетъ царь, спрашиваетъ: чьи вы люди? «Степана Богатаго.» Взошли въ комнаты; лисица распорядилась: накрыто на столъ и поданы всякія закуски, закусили. Лисица предложила царю прогуляться по Степана Богатаго зеленому саду. Садъ былъ такъ пространствомъ великъ на 120 десятинъ. Вотъ они ходили, ходили и пришли къ этому дуплу. Баринъ Цыгаринъ и барыня Цыгарыня спятъ въ дуплѣ; имъ и душно стало; они и кричатъ. Царь и спрашиваетъ: «что, говорить, здѣсь за люди кричатъ?»

А лисица и говорить: это, говорить, у насъ тутъ черти живутъ. Прикажете, ваше величество, огня принести и это дупло сжечь.—Принесли огня, сгорѣло это дупло. И остался Степанъ Богатый при всемъ этомъ богатствѣ.

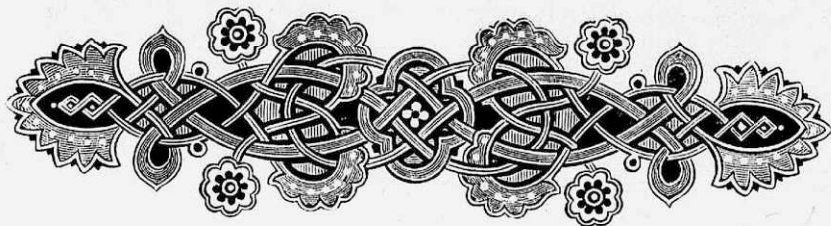
З м ѣ я.

Въ одной деревнѣ былъ женатый мужикъ и съ нимъ жила его мать старуха. Сынъ и невестка не влюбились старуху и часто ее ругали и бранили. Однажды въ самый Христовъ день пришли они отъ обѣдни и сѣли за столъ разговляться. Сынъ за что-то осердился на мать и сказалъ: лучше бы я змѣю видѣлъ за столомъ, чѣмъ тебя!

Черезъ нѣсколько времени жена его пошла въ погребъ за молокомъ и видитъ—на кадучкѣ сидитъ огромная змѣя. Какъ только змѣя увидѣла бабу, тотчасъ же вспрыгнула на нее и обвилась вокругъ ея шеи. Никакими усилиями не могли оторвать змѣи отъ шеи бабы. Такъ змѣя и жила на ней, питаясь молокомъ изъ ея груди. Если баба придетъ въ баню мыться, змѣя сползетъ съ нея и сядетъ на потолокъ у дверей, а какъ только баба пойдетъ, она тотчасъ же опять вспрыгнетъ ей на шею. Такъ баба и умерла со змѣею.

Записано мною лично въ Вологодск. уѣздѣ, деревня Оларево.

Иванъ глиняный.

Въ нѣкоторомъ селѣ жилъ старикъ со старухою. Однажды старикъ сказалъ старухѣ: старуха, принеси-ка мнѣ глины, я слѣплю мальчика, такъ онъ будетъ намъ замѣсто сына. Старуха принесла глины, размочила ее и они стали лѣпить, слѣпили и положили въ печку сохнуть, а старуха сѣла у печки пряхъ. Прядетъ она, вздремнула и уронила клубокъ съ веретенцемъ въ голбецъ. Встала и хотѣла было идти за нимъ, какъ вдругъ слышитъ изъ печки: мама, отвори! Старуха отворила печку и оттуда вышелъ Иванъ, по прозванью глиняный и сказалъ: я схожу, мама, за клубкомъ, и пошелъ. Старуха сѣла и дожидаетъ. Выходить изъ голбца Иванъ

глиняный и говоритъ: мама, мама, какую я тебѣ сказку скажу: былъ я въ голубцѣ, съѣлъ я клубокъ да веретенце, и тебя съѣмъ съ пряслицемъ!

Съѣлъ свою мать и пошелъ на улицу. Видитъ—отецъ дрова рубить, подошелъ и говоритъ: тятя, тятя, какую я тебѣ сказку скажу: былъ я въ голбцѣ, съѣлъ я клубокъ да веретенце, мать съпряслицемъ, и тебя съѣмъ съ топоромъ. Съѣлъ отца и пошелъ по улицѣ. На встрѣчу ему идутъ дѣвки съ ведрами.—Дѣвки, дѣвки, какую я вамъ сказку скажу: былъ я въ голбцѣ, съѣлъ я клубокъ да веретенце, мать съ пряслицемъ, отца съ топоромъ и васъ съѣмъ съ ведрами! Съѣлъ дѣвокъ и пошелъ дальше. Попадаются ему бабы съ граблями. (Слѣдуетъ та же сказка; затѣмъ онъ съѣдаетъ мужиковъ съ косами, мужика съ дровами въ лѣсу и, наконецъ, натывается на медвѣдя). Какъ тутъ быть? Слыхалъ онъ, что медвѣдь очень силенъ. Началъ онъ было сказку свою, но медвѣдь не испугался и заворчалъ. Иванъ глиняный струсилъ и спрятался за толстое дерево. Но медвѣдь поймалъ его и сталъ мять; мять, мять, да и раздавилъ. И выкатились изъ него: клубокъ да веретенце, старуха съ пряслицемъ, старикъ съ топоромъ, дѣвки съ ведрами, бабы съ граблями, мужики съ косами и мужикъ съ дровами. Увидѣвши медвѣдя, и всѣ начали бить его чѣмъ попало. Медвѣдь испугался и убѣжалъ, а они возвратились всякъ къ своему мѣсту, покатился и клубокъ съ веретенцемъ за своей старухой.

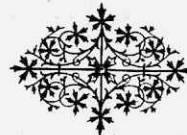

Страшный ребенокъ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ-государствѣ жили были мужикъ да баба. Жили они богато, только дѣтей у нихъ не было, а дѣтей имѣть имъ очень хотѣлось. Вотъ баба и пошла къ колдуну и рассказала про свое горе и просила помочь ей чѣмъ нибудь. Колдунъ и далъ ей два корешка и сказалъ: съѣшь эти корешки въ полночь съ мягкимъ хлѣбомъ и станешь беременна. Баба съѣла корешки и вскорѣ дѣйствительно забеременѣла.

Какъ-то мужику понадобилось ѣхать въ городъ и баба осталась въ домѣ одна. Наступилъ вечеръ. Бабѣ стало страшно одной, она и пошла къ сосѣдямъ, чтобы позвать кого нибудь ночевать къ себѣ, но никого не могла найти. Дѣлать было нечего, вернулась домой и легла на печь. Въ полночь у ней

родился ребенокъ. Она спеленала его и положила къ себѣ на колѣни. И видитъ: ребенокъ смотритъ на нее такъ, словно съѣсть хочетъ. Испугалась она, положила ребенка въ зыбку, а сама стала молиться Богу. Вдругъ слышитъ, кто то постучался у окна. Баба обрадовалась и спрашиваетъ: кто тамъ?—Странникъ. Баба побѣжала отпирать. Странникъ вошелъ въ избу и улѣзъ на печь. За нимъ улѣзла и баба и спряталась за него. И видитъ она: выскочилъ ребенокъ изъ зыбки и тоже лѣзетъ на печь и говоритъ: я тебя съѣмъ! Но старикъ перекрестилъ его и ударилъ по головѣ. Ребенка не стало, а на полу очутились два корешка. Старикъ взялъ корешки, сжегъ ихъ на огнѣ и пошелъ вонъ изъ избы.

Колдунъ.

Неизвѣстно въ какой странѣ, далеко за синимъ моремъ, въ одномъ захолустномъ селѣ сторожъ при церкви былъ колдунъ. Церковь и сторожка, въ которой онъ жилъ съ женою и двумя дѣтьми, мальчикомъ и дѣвочкой, стояли на отставу отъ селенія. Жена прожила съ нимъ много лѣтъ, а не знала, что мужъ ея былъ колдунъ и чернокнижникъ. И вотъ, когда онъ почувствовалъ приближеніе смерти, то сказалъ женѣ: я чувствую, что скоро помру и тогда ты не оставайся при мнѣ дома ночевать, а иди въ деревню. — Дѣйствительно, вскорѣ онъ умеръ. Но жена не послушалась и осталась дома съ покойникомъ.

Въ полночь мальчикъ проснулся и говорить матери: мама! тятя глаза открылъ! — Полно, дитятко, спи! отвѣчала мать. Но мальчикъ опять говорить: мама! тятя встаетъ! — Полно, дитятко, перекрестись да спи! — Наконецъ, мальчикъ закричалъ: ой, мама! тятя идетъ къ намъ.

Мать открыла глаза и видитъ: покойникъ дѣйствительно всталъ и, скрестивши руки на груди, съ оскаленными зубами, идетъ къ нимъ. Не зная, что дѣлать, женщина обратилась съ молитвою о помощи къ Алексію человеку Божію, во имя котораго была построена ихняя церковь. И вдругъ явился старецъ въ свѣтломъ одѣяніи съ жезломъ въ рукахъ и сказалъ: не бойся, раба божія! Покойникъ же при появленіи старца тотчасъ упалъ на полъ. И до самаго утра старецъ стоялъ между покойникомъ и постелью женщины и ея дѣтей. Утромъ колдуна похоронили и въ могилу его вбили три осиновыхъ кола.

Записано въ Кадниковскомъ уѣздѣ.

Три покупки.

Не въ которомъ царствѣ, не въ которомъ государствѣ жилъ былъ царь, а у царя были три сына. Разъ и говоритъ своимъ сыновьямъ государь: даю я вамъ по сту рублей, идите и купите все по штукѣ, кому что нужно. И отправились братья въ путь дорожку и дошли до столба. И написано на столбѣ и показываютъ руки на все три стороны, въ которыя стороны все были дороги. И пошли братья по разнымъ дорогамъ: старшій прямо, средній вправо, а младшій влево.

И приходитъ старшій братъ въ городъ, подходитъ къ рынку и видитъ: сидитъ мужчина, а у него стоятъ три ко-

ляски. И спрашиваетъ старшій братъ: сколько стоятъ твои коляски? Мужчина отвѣчаетъ: эти двѣ тридцать рублей, эта одна сто рублей.—Почему же эта дороже? Потому, что эта коляска можетъ въ часъ объѣхать весь бѣлый свѣтъ. Подаль старшій братъ деньги и отправился домой со своей покупкой.

Средній братъ входитъ въ городъ и видитъ: сидитъ въ кошица *), а у нея лежатъ три зеркала. И спрашиваетъ: сколько стоятъ эти зеркала?—Эти два сорокъ рублей, а это зеркало одно сто рублей.—Что за особенность въ этомъ зеркалѣ?—А въ него посмотришь и увидишь, что гдѣ дѣлается на бѣломъ свѣтѣ. Подаль деньги за зеркало и отправился домой.

Третій братъ тоже входитъ въ городъ и видитъ: лежатъ на лавочкѣ яблоки. И спрашиваетъ онъ: много-ли стоятъ эти яблоки? Отвѣчаетъ торговецъ: эти яблоки по двадцать рублей, а это одно сто рублей.—Почему же это дороже? Потому, что кто бы не былъ у васъ въ семьѣ или гдѣ на бѣломъ свѣтѣ нездоровъ какой либо болью, можешь вылѣчить одной частью отъ этого яблока. Подаль деньги торговцу за яблоко и отправился домой.

И встрѣтились все три брата и приходятъ домой и кажутъ своему отцу покупки и рассказали у кого для чего существуютъ.

Черезъ нѣсколько времени вышли афишки по всемъ правлениямъ, не токма по городамъ, что не въ которомъ царствѣ, не въ которомъ государствѣ жилъ былъ царь, у него была больная дочь, которая нѣсколько годовъ лежитъ

*) Въкошица—мелочная торговка, продающая свой товаръ съ вѣка, крышки отъ короба.

въ постелѣ, и государь объясняетъ, что, кто можетъ вылѣчить мою дочь, за того отдаю ее замужъ.

Вотъ и стали собираться наши три брата. Посмотрѣлъ средній братъ въ зеркало и увидѣлъ, въ какомъ государствѣ больная, сѣли въ коляску и отправились въ это государство! И вѣхали въ городъ и сейчасъ донесли государю, что прѣхали лѣкаря изъ иныхъ земель. Государь велѣлъ допустить ихъ до своей больной дочери. Младшій братъ вырѣзалъ изъ своего яблока часть и подалъ больной. Она съѣла эту выточку *) и сейчасъ почувствовала легче, черезъ трое сутокъ выздоровѣла и отгадайте: за котораго слѣдуетъ ее отдать? За меньшова, потому что у меньшака **) яблоко убыло, у тѣхъ не убыло.

*) Вырѣзку.

**) Меньшакъ — младшій.

Три копѣчки.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, въ одномъ небольшомъ городѣ жилъ-былъ купецъ именитый (богатый); въ одно время приходитъ къ нему невѣдомый человекъ и наймывается въ работники. Проработалъ годъ и проситъ у купца расчету; тотъ ему даетъ заслуженное жалованье, а работникъ беретъ за свою работу только одну копѣчку, идетъ съ ней къ рѣкѣ и бросаетъ въ воду. «Если, говорить, я служилъ вѣрой и правдой, то моя копѣйка не утонетъ!» Копѣчка утонула. Онъ опять пошелъ къ тому-же купцу работать; проработалъ годъ, купецъ даетъ

ему денегъ, сколько надо, а работникъ опять беретъ одну копѣчку, идетъ съ ней къ рѣкѣ на старое мѣсто и бросаетъ въ воду. Копѣчка утонула. Пошелъ въ третій разъ къ купцу работать; проработалъ годъ, купецъ даетъ ему денегъ еще больше прежняго за усердную его службу, а работникъ беретъ опять одну копѣчку, идетъ съ нею къ рѣкѣ, и бросаетъ ее въ воду; глядь—все три копѣчки поверхъ воды! Онъ взялъ ихъ и пошелъ вдоль по дорогѣ въ свое мѣсто. Вдругъ ему попадается купецъ—къ обѣднѣ ѣдетъ; онъ даетъ тому копѣчку и проситъ свѣчу образамъ поставить. Купецъ взошелъ въ церкви, даетъ изъ кармана своего денегъ на свѣчи, и какъ то обронилъ ту копѣчку на полъ. Вдругъ отъ той копѣчки огонь возгорѣлся; люди въ церкви изумились, спрашиваютъ: кто копѣчку обронилъ? Купецъ говоритъ: «я обронилъ, а мнѣ ее далъ на свѣчу какой-то работникъ.» Люди взяли по свѣчѣ и зажгли отъ той копѣчки. А работникъ тѣмъ временемъ продолжалъ свой путь впередъ. На дорогѣ попадаетъ ему другой купецъ—на ярмарку ѣдетъ; работникъ вынимаетъ изъ кармана копѣчку, отдаетъ купцу и говоритъ: «купи мнѣ на эту копѣчку на ярмаркѣ товару». Купецъ взялъ, накупилъ себѣ товару, думаетъ: чего бы еще искупить? и вспомнилъ про копѣчку. Вспомнилъ и не знаетъ, чего бы на нее купить. Попадаетъ ему мальчикъ, продаетъ кота и проситъ за него ни больше, ни меньше, какъ одну копѣчку; купецъ не нашелъ другаго товару и купилъ кота. Поплылъ онъ на корабляхъ въ иное государство торгъ торговать; а на то государство наналъ великій гнусь. Стали корабли въ пристани; котикъ то и дѣло изъ корабля выбѣгаетъ, гнусь поѣдаетъ. Узналъ про то царь, спрашиваетъ купца: «дорогъ-ли этотъ звѣрь?» Купецъ говоритъ: «не мой этотъ звѣрь; мнѣ велѣлъ его купить одинъ молодецъ»—и нарочно молвилъ, что стоитъ трехъ кораблей. Царь отдалъ

три корабля купцу, а котика себѣ взялъ. Воротился купецъ назадъ, а работникъ вышелъ на рынокъ, нашелъ его и говоритъ: «купили ли ты мнѣ на копѣчку товару?» Купецъ отвѣчаетъ: «нельзя потантъ—купили три корабля!» Работникъ взялъ три корабля и поплылъ по морю. Долго ли, коротко ли—приплылъ къ острову: на томъ островѣ стоитъ дубъ; онъ взлѣзъ на него ночевать и слышитъ: внизу подъ дубомъ хвастается Ерахта своимъ товарищамъ, что вотъ завтра среди бѣла дня украдетъ онъ у царя дочь. Товарищи ему говорятъ: «если ты не утащишь, то мы тебя всего желѣзными прутьями изхлещемъ!» Послѣ того разговора они ушли; работникъ слѣзъ съ дуба и идетъ къ царю; пришелъ въ палаты, вынулъ изъ кармана послѣднюю копѣчку и зажегъ ее. Ерахта приближалъ къ царю, и никакъ не сможетъ украсть его дочери; воротился ни съ чѣмъ къ братьямъ, а они давай его хлестать желѣзными прутьями; хлестали хлестали и бросили въ невѣдомо мѣсто! А работникъ женился на царевнѣ и сталъ себѣ жить поживать, добра наживать.

Работникъ.

Не въ которомъ царствѣ, не въ которомъ государствѣ, не именно въ томъ, въ которомъ мы живемъ, жилъ мужикъ съ женою и дожили они до глубочайшей бѣдности: больше стало жить нечѣмъ. И говоритъ мужикъ бабѣ: ну, баба, я пойду поряжусь къ богатому мужику въ работники. Пошелъ и порядился, взялъ задатку 15 рублей и скоро прожилъ эти деньги, пошелъ порядился къ другому и у другого взялъ 15 рублей, и эти прожилъ, пошелъ къ третьему и у третьяго порядился, взялъ 15 рублей и эти прожилъ.

И пришлось мужику сходить къ обѣднѣ. Пришли и тѣ мужики богатые въ церковь. Жили они между собою дружно и завели разговоръ; одинъ другому началъ сказывать: вотъ что, братцы, я этта *) порядилъ работника какого, да вонъ

*) Недавно.

онъ стоитъ!—Да какъ же, и я его порядилъ! Третій: и у меня порядился! Поговорили мужики промежь себя, работники ничего не сказали, а онъ слышалъ ихніе разговоры, приходитъ домой и говоритъ своей женѣ: ну баба, я теперь пойду и поряжусь работать къ чорту.

Пошелъ въ лѣсъ и попадаетъ ему чортъ на встрѣчу, спрашиваетъ: куда мужикъ пошелъ? Отвѣчаетъ ему мужикъ: въ лѣсъ дрова рубить.—Такъ вотъ что: порядись ко мнѣ въ работники. Мужикъ отвѣчаетъ ему: съ удовольствіемъ, очень радъ.—Такъ приходи завтра въ такое-то мѣсто, обѣцнѣ нечего разговаривать, я цѣной не обижу.

Пришелъ мужикъ къ чорту работать. Чортъ наполнилъ его водой.—Ну, ступай, ложись спать, у меня ни одинъ работникъ до тронхъ сутокъ не работаетъ.—Вотъ прожилъ мужикъ трои сутки; на четвертыя всталъ его хозяинъ по утру рано, разбудилъ работника: ну-ка, работникъ, пойдемъ въ лѣсъ, нужно срубить три осины, толщиною вершковъ въ 16-ть, длиною шести сотенъ и сдѣлать черезъ рѣку лавы.

Вотъ взяли по топору и пошли въ лѣсъ; у чорта топоръ былъ вѣсомъ фунтовъ въ 30-ть. Пришли въ лѣсъ и начали рубить осину; чортъ какъ началъ хвастать—сразу половину пересѣкъ, а мужикъ не можетъ и корки сбить. Срубили они осину, очистили прутья, нужно тащить ее. Чортъ и говоритъ своему работнику: ну, братъ, давай, потащимъ осину на рѣку; взялъ подъ комель, а мужикъ не даетъ ему, говоритъ: отойди, чахотный, прочь, гдѣ тебѣ унести, ступай берись подъ вершину.—Дѣлать нечего, чортъ пошелъ къ вершинѣ, поднялъ вершину и давай подбираться. Мужикъ кричитъ: молодецъ хозяинъ, давай еще маленько!—Чортъ

поднадалъ *), осину всю и поднялъ. Мужикъ влѣпилъ топоръ въ осину, самъ сѣлъ на комель.—Ну, хозяинъ, пошелъ!—Чортъ поперъ осину до того, что присталъ **). Ну, мужикъ, давай, отдохнемъ!—Ну, какой тебѣ отдыхъ, давай, тащи, уродъ! Дѣлать нечего, не хочется чорту поддаться мужику, пошли опять впередъ. Притащили осину на рѣку. Чортъ и говоритъ работнику: ну, мужикъ, давай, кидай!—Нѣтъ, хозяинъ, стой, дай перебраться, у насъ съ тобой не на одномъ плечѣ. И свернулся мужикъ съ комля.—Ну, хозяинъ, кидай! Чортъ бросилъ осину и самъ свалился.—Что же ты, хозяинъ?—Я присталъ, ступай ты обѣдай, а я отдохну здѣсь.

Мужикъ приходитъ обѣдать и спрашиваетъ его чертовка: что, братъ, гдѣ оставилъ хозяина?—Онъ, чахоточный, притащилъ бревно, свалился, на рѣкѣ лежитъ, поди только не околѣетъ.

Работникъ пообѣдалъ и легъ спать на повѣти въ сани. Чортъ пришелъ домой и жалуется своей хозяйкѣ: ну, баба, вотъ такъ работникъ! Я то ли не едрѣнъ, онъ меня втрое едрѣнѣе, надо его уже ночью убить, а то жить намъ будетъ плохо.

Мужикъ выслушалъ чоровы разговоры, дожидъ до вечера, поужинавъ, пошелъ спать. Въ сани положилъ ступу и окуталъ тулупомъ, а самъ легъ на сѣно. Вотъ чортъ всталъ ночью, взялъ сорокъ пудовъ палицу и пошелъ бить мужика. Подошелъ къ санямъ и брякнулъ по ступѣ такъ сильно, что ступа прискочила, ударила въ верхъ стропила. Чортъ

*) Подвинулъ на себя.

**) Усталъ.

съ радостью пошелъ къ себѣ въ избу и говоритъ своей женѣ: ну, баба, такъ треснулъ мужика; нани онъ вверхъ вылетѣлъ. А мужикъ, вставши утромъ рано, пошелъ преспокойно въ избу. Чортъ увидалъ мужика, очень испугался и говоритъ ему: что, мужикъ, не знаешь, что такъ шибко треснуло вѣчоръ на дворѣ? А мужикъ отвѣчаетъ: тебѣ надало съ хорошей-то постройкой, — должно быть лопнула стропила.

И говоритъ чортъ своей женѣ: ну, жена, давай уѣдемъ изъ дому вонъ, пускай здѣсь живетъ работникъ одинъ. Забрали они всѣ деньги—онъ въ одинъ мѣшокъ, а чертовка въ другой. А мужикъ къ чорту въ мѣшокъ и залѣзъ. Потащилъ чортъ мѣшокъ; мужикъ разрѣзалъ мѣшокъ и видитъ, что тащитъ ихнимъ полемъ и сталъ говорить: стой, братъ, хозяинъ, тебѣ отъ меня не уйти!—Въ испугѣ чортъ не понималъ того, что мужикъ сидитъ въ мѣшкѣ и бросилъ мѣшокъ.—Давай, баба, кидай и ты! И чертовка бросила свой мѣшокъ и побѣжали неизвѣстно куда. Мужикъ, взявши мѣшки съ деньгами, притащилъ домой и первое его было дѣло—заплатить долги богатымъ мужикамъ, потомъ завелся хозяйствомъ и сталъ жить въ лучшемъ видѣ, а чортъ къ мужику не показался ногой.

Про чорта и пастуха.

Въ одной деревнѣ чортъ все воровалъ скотину. Вотъ и порядился такой пастухъ, что ужъ не дастъ чорту украсть что нибудь, порядился на три дня по сту рублей на день.— Выгоняетъ онъ въ первый разъ скотину, чортъ и выходитъ изъ озерка.— Пастухъ! давай, говорить, мнѣ самолучшую корову!—А пастухъ говоритъ: нѣтъ еще, погоди, не дамъ!—А ты что дѣлаешь? спрашиваетъ чортъ пастуха. Пастухъ говоритъ: вью веревки.— На что веревки?—А море морщить, да васъ чертей въ одно мѣсто корчить. Чортъ сейчасъ и бросился въ озерко, тамъ пересказалъ своему дѣдушкѣ: охъ, говоритъ, какой теперь сталъ пастухъ, не дастъ мнѣ и ско-

тины-то! Онъ веревки вьетъ, хочетъ море морщить, да насъ чертей въ одно мѣсто корчить. — Дѣдушка подумалъ да и говоритъ: видно удалый пастухъ! иди-ка съ нимъ врядки побѣгай.

Вышелъ чортъ изъ озерка и говоритъ пастуху: давай въ рядки бѣгать!—А пастухъ отвѣчаетъ: охота мнѣ врядки бѣгать! у меня есть младѣнь двухъ дѣнь, и тотъ тебя обгонитъ. А гдѣ же онъ?—А вотъ пойдемъ, такъ укажу. — А пастухъ зналъ заячье лежище въ одномъ кустѣ и привелъ чорта къ лежищу.—Вотъ лѣзь въ кустъ, онъ выскочитъ такъ и бѣгай съ нимъ врядки!—Чортъ сунулся въ кустъ, выгналъ зайца и зачалъ бѣгать.—Только заяцъ бѣгаетъ какъ попало, туды да сюда, а чортъ кричитъ: врядки, врядки!

Опять чортъ пошелъ къ своему дѣдушку и сталъ рассказывать: ой, дѣдушка, говорить, у него есть младѣнь двухъ дѣнь, и тотъ меня обогналъ, а самъ онъ со мной еще и не бѣгалъ. Намъ бы такого порядить въ работники, такъ чтобы онъ намъ и надѣлалъ!—Такъ иди, поряжай, не порядится-ли?

Вышелъ чортъ на берегъ, а пастухъ тутъ и стоитъ.— Пастухъ, порядись къ намъ въ работники, говорить чортъ.— Порядите. — И порядился къ чорту за 300 руб. на годъ. Оставалось ему еще два дня въ пастухахъ прожить, и уговорились они съ чортомъ заранѣе, что чортъ выйдетъ на берегъ встрѣтить.

На четвертый день приходитъ пастухъ, чортъ его и встрѣтилъ и повелъ лѣсомъ. Привелъ на мѣсто и пошли они на другой день дерево рубить. Пришли къ толстущей осинѣ. Сталъ чортъ рубить осину и живо срубилъ. И спрашиваетъ чортъ: вею ли вдругъ нести или мелкимъ потащимъ?—Вею

вдругъ унесемъ, говоритъ пастухъ. Навалилъ онъ на чорта комель, а самъ держится сзади за прутьи. Тащить да тащить чортъ, такъ что въ поту весь. Оглянется на работника и спрашиваетъ: что, не усталъ?—Нѣтъ, не усталъ.—А я такъ сильно усталъ.—Иди подъ комель, а я стану подъ вершину. — А я не знаю здѣсь дороги, такъ давай повернемся, ты иди подъ вершиной впередъ. Навалилъ на чорта всю осину, а самъ сѣлъ на комель.

Не дотащили осину, бросили и пошли оба домой. Пришли и говорить чортъ своему дѣдушкѣ: ой, дѣдушка, это намъ не работникъ, онъ меня замаетъ: я въ поту тащу, а онъ все идетъ въ леготѣ; падо его расчитать, а нѣтъ, такъ зарѣзать.

Пастухъ это слышалъ, положилъ на свою кровать корыто и закрылъ его, а самъ легъ подъ кровать. Чортъ пожуикъ наточилъ, бѣжитъ и началъ корыто рѣзать, а пастухъ подъ кроватью хрипѣть, будто онъ зарѣзанъ.

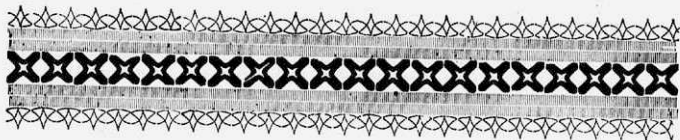
Ушелъ чортъ въ избу, а работникъ и идетъ къ нему. Старый чортъ и говоритъ: намъ тебя не надо, разсчитаемъ тебя. Разсчитали его, отдали деньги за весь годъ, пастухъ и пошелъ. Пошелъ, только не знаетъ, какъ изъ лѣсу выйти, заблудился совсѣмъ. Трои сутки блудился, увидалъ дуплю, влѣзъ на нее, чтобы посмотрѣть, не видно ли гдѣ жида и провалился въ дуплю.—Просидѣлъ онъ тутъ трое сутокъ, не ѣвши, и думаетъ, что ужъ смерть.

Вдругъ слышитъ: народъ кругъ дупли заговорилъ. Какой-то жуикъ подошелъ да и колонулъ по дуплѣ обухомъ. А пастухъ и забучалъ, будто что улей. Жуикъ и давай

рубить дуплю, подрубилъ дуплю, а пастухъ какъ закричить: охъ ты! мой домъ рубить! я тебѣ дамъ, постой-ка! Жуикъ испугался и—унеси Господи! а коней тройку тутъ и оставилъ. Пастухъ вылѣзъ, сѣлъ на коней и поѣхалъ домой.

Записано въ Вологодской губ.

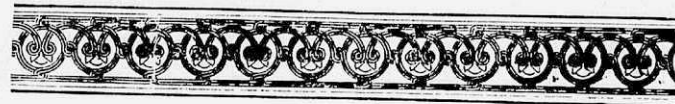
Диво-дивное, чудо-чудное.

Жилъ-былъ богатый купецъ съ купчихою; торговалъ дорогами и знатными товарами и каждой годъ ѣздилъ съ ними по чужимъ государствамъ. Въ нѣкое время снарядилъ онъ корабль, сталъ собираться въ дорогу, и спрашиваетъ жену: «скажи, радость моя, что тебѣ изъ иныхъ земель въ гостинецъ привезти?» Отвѣчаетъ купчиха: «я у тебя всѣмъ довольна; всего у меня много! а коли угодить да потѣнить хочешь, купи мнѣ «диво-дивное, чудо-чудное». — Хорошо; коли найду—куплю. Поплылъ купецъ за тридевять земель въ тридцатое царство, присталъ къ великому богатому городу, распродалъ всѣ свои товары, а новые закупилъ, ко-

рабль нагрузилъ; идетъ по городу и думаетъ: гдѣ бы найти диво-дивное, чудо-чудное? Попался ему навстрѣчу незнакомой старичокъ, спрашиваетъ его: «что такъ призадумался, раскручинился, добрый молодецъ?—Какъ мнѣ не кручиниться! отвѣчаетъ купецъ; ищу я купить своей женѣ диво-дивное, чудо-чудное, да не вѣдаю — гдѣ. «Эхъ, ты давно бы мнѣ сказалъ! Пойдемъ со мной; у меня есть диво-дивное, чудо-чудное—такъ и быть, продамъ». Пошли вмѣстѣ; старичокъ привелъ купца въ свой домъ и говоритъ: «видишь ли — вонъ на дворѣ у меня гусь ходитъ?»—Вижу. «Такъ смотри же, что съ нимъ будетъ... Эй, гусь, подь сюды!» Гусь пришелъ въ горницу. Старичокъ взялъ сковороду и опять приказываетъ: «эй, гусь ложись на сковороду!» Гусь легъ на сковороду, старичокъ поставилъ ее въ печь, изжарилъ гуся, вынулъ и поставилъ на столъ. «Ну, купецъ, доброй молодецъ! садись, закусимъ; только костей подъ столъ не кидай, всѣ въ одну кучу собирай». Вотъ они за столъ сѣли, да вдвоемъ цѣлаго гуся и сѣбли. Старичокъ взялъ оглоданныя кости, завернулъ въ скатерть, бросилъ на полъ и молвилъ: «гусь! встань, встрепенись и поди на дворъ». Гусь всталъ, встрепенулся и пошелъ на дворъ, словно и въ печи не бывалъ! «Подлинно, хозяинъ, у тебя диво-дивное, чудо-чудное!» сказалъ купецъ, сталъ торговать у него гуся и сторговалъ за дорогія деньги. Взялъ съ собой гуся на корабль и поплылъ въ свою землю. Приѣхалъ домой, поздоровался съ женой, отдастъ ей гуся и рассказываетъ, что съ той птицею хоть всякой день некупленное жаркое ѣшь! Зажарь ее — она опять оживетъ! На другой день купецъ пошелъ въ лавки, а къ купчихѣ полюбивникъ приближалъ. Такому гостю, другу сердечному, она куды какъ рада! Вздумала угостить его жаренымъ гусемъ, высунулась въ окно и закричала: «гусь, подь сюды!» Гусь пришелъ въ горницу. «Гусь, ложись на сковороду!» Гусь

не слушасть, не идетъ на сковороду, купчиха осердилась и ударила его сковородникомъ — и въ ту-жъ минуту однимъ концомъ сковородникъ прильнулъ къ гусю, а другимъ къ купцовой женѣ, и такъ плотно прильнулъ, что никакъ оторваться нельзя! «Ахъ, миленькій дружокъ! закричала купчиха, оторви меня отъ сковородника; видно, этотъ проклятый гусь завороженъ!» Полюбовникъ обхватилъ купчиху обѣими руками, хотѣлъ было отъ сковородника оторвать, да и самъ прильнулъ... Гусь выбѣжалъ на дворъ, на улицу, и потащилъ ихъ къ лавкамъ. Увидали прикащики, бросились разнимать; только кто до нихъ ни дотронется — какъ и прилипнетъ! Сбѣжался народъ на то диво смотрѣть, вышелъ и купецъ изъ лавки, видитъ: дѣло-то не ладно: что за друзья у жены проявились? «Признавайся говорить во всемъ; не то на вѣкъ такъ — сольнувшись — останешься!» Нечего дѣлать, повинилась купчиха; купецъ взялъ тогда — рѣзнялъ ихъ, полюбовнику шею наkostenялялъ, а жену домой отвелъ да изрядно поучилъ, приговаривая: вотъ тебѣ диводивное; вотъ тебѣ чудо-чудное.

Съ лубочнаго изданія 1785 г.

Про солдата.

Вышелъ солдатъ со службы, идетъ и думаетъ: служилъ я царю 25 лѣтъ, а невыслужилъ и двадцати пяти рѣпъ и никакой на рукавѣ нашивки нѣтъ! — Видитъ — идетъ ему на встрѣчу старикъ. Поровнялся съ нимъ старикъ и спрашиваетъ: о чемъ, служивый, думаешь? — Думаю о томъ, что служилъ царю 25 лѣтъ, а не выслужилъ и двадцати пяти рѣпъ и никакой на рукавѣ нашивки нѣтъ! — Такъ чего же тебѣ надо? — Хотѣ бы научиться въ карты всѣхъ обыгрывать, да никто бы меня не обидѣлъ. — Хорошо, я дамъ тебѣ карты и сумочку: тебя никто не обыграетъ и не обидитъ.

Взялъ солдатъ отъ старика карты и сумку и пошелъ. Приходитъ онъ въ деревню и просится ночевать. Ему и го-

ворять: здѣсь у насъ тѣсно, а вонъ въ томъ новомъ дому ночевать нельзя.—Отчего нельзя?—Да такъ.—Пустите меня въ тотъ домъ?—Иди.—Купилъ солдатъ свѣчку да и полупштофъ водки, вошелъ въ домъ и усѣлся. Сидитъ, карты перебираетъ; рюмочку выпьетъ и карточку положить. Въ самую полночь вдругъ двери отворились и бѣсенокъ за бѣсенкомъ полѣзли въ комнату; набралось ихъ пропасть и стали плясать. Солдатъ смотреть и дивится. Но вотъ одинъ бѣсенокъ подскочилъ къ солдату и ударилъ его хвостомъ по щекѣ. Всталъ солдатъ и спрашиваетъ: ты что это въ шутку или вправду?—Какія шутки! отвѣчаетъ бѣсенокъ.—Тогда солдатъ крикнулъ: въ сумку! и всѣ черти полѣзли въ сумку, ни одного не осталось.

На утро солдатъ видитъ: хозяева дома несутъ гробъ. Вошли въ комнату, хозяинъ и говоритъ: во имя Отца и Сына и Св. Духа?—Аминь! отвѣтилъ солдатъ.—Да ты развѣ живъ? спрашиваютъ его.—Какъ видишь.

Солдатъ такъ полюбился хозяевамъ, что они оставили его у себя пожить и женили на своей дочери. И зажилъ солдатъ богато и съ женой согласно. Черезъ годъ родилась у него дочь. Надо ребенка крестить, а матери крестной нѣтъ,—никто къ солдату нейдетъ. Вышелъ онъ на большую дорогу и думаетъ: какая женщина встрѣтится первая, та и пусть будетъ крестною матерью. Только что успѣлъ онъ это подумать, видитъ, идетъ старая старуха и худая-прехудая, кости да кожа. Солдатъ и говоритъ ей: бабушка! у меня дочь родилась, а крестить никто не идетъ.—Такъ что-же, я окрещу, идите въ церковь, я сейчасъ приду.

Принесъ солдатъ младенца въ церковь и кума пришла,

сняла съ плеча косу и положила у порога, а когда окрестили ребенка, взяла опять косу и пошла. Солдатъ и говоритъ ей: кума! зайдя поздравить крестницу!—Хорошо, вы идите и приготовляйтесь, а я сейчасъ приду.

Пришелъ солдатъ домой, приготовилъ все, скоро пришла и кума. Опять сняла съ плеча косу, положила у порога и сѣла за столъ. Когда отпировали, она встала и говоритъ: кумъ, проводи меня! Солдатъ одѣлся и пошелъ провожать куму. Вышли они въ сѣни, она и говоритъ: кумъ! хочешь ли научиться ворожить?—Какъ-бы не хотѣть!—А ты знаешь ли, кто я? Я—смерть. Если тебя позовутъ къ больному и ты увидишь, что я стою у него въ головахъ, не берись лѣчить, а когда буду стоять въ ногахъ, то берись; sprисни больного разъ холодной водой, онъ и выздоровѣетъ. Прощай!

Въ этотъ годъ въ той деревнѣ сдѣлалось столько больныхъ разными болѣзнями, что нашъ солдатъ, прославившійся за знахаря, едва успѣвалъ переходить изъ одной избы въ другую и всѣхъ вылѣчивалъ. Случилось, что заболѣлъ царь, а слухъ о солдатѣ, что онъ хорошо лѣчить, разнесся уже по всему государству. Вотъ его и призываютъ къ царю. Входитъ солдатъ къ царю, поглядѣлъ и видитъ: его кума стоитъ въ головахъ.—Плохо дѣло! говоритъ солдатъ. Однако велѣлъ принести скамейку и положить на нее царя. Когда это сдѣлали, солдатъ и давай вертѣть скамейку съ царемъ, кума-же его стала бѣгать кругомъ, стараясь быть въ головахъ у царя и до того добѣгала, что устала и остановилась. Тогда солдатъ повернулъ къ ней царя ногами, вспрыснулъ его водой и царь сдѣлался здоровъ.

Пошла смерть отъ царя, а солдатъ за ней, схватилъ ее и говоритъ: не уйдешь!—Охъ, кумъ, кумъ! я тебѣ ска-

зала, что когда стою въ головахъ, то не берись лѣзть, а ты по своему дѣлаешь. Ну, я тебѣ за это припомню!—Ты это, кума въ шутку или въ правду говоришь?—Какія тутъ шутки!—Такъ въ сумку! крикнулъ солдатъ и смерть залѣзла въ сумку. Пришелъ солдатъ домой и бросилъ сумку на чердакъ.

Черезъ годъ времени приходитъ къ солдату Никола милостивый, и говоритъ: служивый, отпусти смерть! Народу стараго на землѣ много, онъ проситъ смерти, а смерти нѣтъ. —Пусть пролежитъ еще два года, тогда и отпущу, сказалъ солдатъ.

Прошло два года. Солдатъ выпустилъ смерть изъ сумки и говоритъ: каково, кума въ сумкѣ?—Ну, кумъ, будешь ты просить смерти, я не приду къ тебѣ.—Обо мнѣ кума не безпокойся, я и самъ на тотъ свѣтъ приду!

Вотъ солдатъ живетъ да поживаетъ; въ карточки играетъ да водочку попиваетъ; жена и дочь у него ужъ умерли, а онъ все живъ. Однажды, играя въ одномъ домѣ въ карты, онъ услышалъ, что скоро придетъ антихристъ, и станетъ людей мучить. Солдатъ испугался и отправился на тотъ свѣтъ. Шелъ, шелъ, шелъ, наконецъ, приходитъ къ лѣстницѣ, которая тянулась до неба и сѣлъ отдохнуть; потомъ, собравшись съ силами, полѣзъ по лѣстницѣ. Лѣзъ, лѣзъ, лѣзъ и прилѣзъ какъ есть къ самому раю.—А у дверей рая стоятъ апостолы Петръ и Павелъ. Солдатъ и говоритъ имъ: святые апостолы Петръ и Павелъ, пустите меня въ рай!—А ты кто такой? спрашиваютъ его.—Я солдатъ.—Нѣтъ, тебя не пустимъ, ты самъ отказался отъ рая; иди туда, вонъ тебѣ рай!—И указали ему на адъ. Солдатъ пошелъ къ аду, у ада стоятъ два бѣсенка. Солдатъ и гово-

ритъ: святые апостолы Петръ и Павелъ въ рай меня не пускаютъ; пустите вы меня въ адъ?—Иди, говорятъ ему бѣсенки и пропустили его въ адъ.

Приходитъ солдатъ въ адъ; отвели ему тамъ особую камнату. Онъ настругалъ спичекъ, наколотилъ ихъ въ стѣну, развѣсилъ свою амуницію и легъ отдыхать. Отдохнувши, набиралъ толстыхъ палокъ и понадѣлалъ изъ нихъ ружей, наловилъ чертей, составилъ изъ нихъ роту и началъ ихъ обучать военному искусству. Если который изъ чертей залѣзнетъ, то его и палкой и подзатыльниковъ надастъ и всѣхъ чертей въ аду изуродовалъ.

Узналъ сатана, что солдатъ, который долженъ быть въ раю, живетъ у него въ аду, и захотѣлъ его душою завладѣть. Приходитъ къ солдату и говоритъ: давай играть въ карты!—Давай, говоритъ солдатъ.—Только съ такимъ условіемъ: если я тебя обыграю, то ты будешь мой, а если ты меня, то я тебѣ отдамъ грѣшную душу. Солдатъ согласился и они усѣлись играть. Играютъ, играютъ и все солдатъ выигрываетъ.—Нѣтъ, говоритъ сатана, больше играть съ тобой не буду, ты, пожалуй, у меня всѣ души выиграешь.

Узнали и бѣсы, что это тотъ самый солдатъ, у котораго они сидѣли въ сумкѣ, и рѣшились его выгнать изъ ада. Наговорили на него сатанѣ, что онъ мучитъ чертей и никому покою не даетъ своимъ солдатскимъ ученіемъ, и сатана далъ приказаніе по аду, чтобы выгнали тотчасъ же солдата. Окружили черти камнату солдата и объявили ему приказъ сатаны. Дѣлать было нечего. Взялъ солдатъ свою амуницію и двѣ выигранныя имъ у сатаны души (это были души его жены и дочери) и пошелъ. Только вышелъ онъ изъ своей камнаты, видитъ всѣ черти выстроились въ рядъ,

заиграла музыка и запалили изъ ружей.—Э, чертовское отродье! Обрадовались, что я пошелъ, и всѣхъ ихъ выругалъ.

Приходить онъ опять къ раю и говорить: святые апостолы Петръ и Павелъ, пустите меня въ рай!—Да вѣдь ты отказался отъ рай,—говорять ему,—ступай въ адъ.—Да я тамъ былъ!—Такъ еще сходи.—Да пропустите вотъ хоть эти двѣ грѣшныя души.—Ну, пусть онѣ идутъ, сказали апостолы и отворили ворота. Солдатъ поставилъ впереди душу жены, самъ всталъ по за нею, а позади себя поставилъ душу дочери. Такъ всѣ трое и вошли въ рай. И до сихъ поръ живутъ они да поживаютъ въ раю, ни нужды ни горя не знаютъ.

Кузьма скоробогатый.

Не извѣстно, въ какой странѣ, далеко за синимъ моремъ, жилъ старикъ со старухой, а у нихъ былъ сынъ по имени Кузьма, по прозванью Скоробогатый! Когда старикъ и старуха померли, не захотѣлось Кузьмѣ сидѣть дома, а захотѣлось по землѣ походить, свѣта бѣлаго посмотреть. Вотъ собрался онъ въ путь-дорогу, взялъ краюшку хлѣба, косарь, да ножикъ, сѣлъ на лошадь задомъ напередъ и поѣхалъ странствовать. Ыдетъ онъ день, ѣдетъ два, а все версты не можетъ отѣхать. Наскучило ему и усталъ онъ сидѣть, слѣзъ съ лошади и легъ на землю отдохнуть. Видеть, на лошадь его сѣло нѣсколько мухъ да пауковъ. Раз-

сердился на нихъ Кузьма, хватилъ ножомъ по лошади и убилъ восемь науковъ и нѣсколько мухъ, только пожикъ его переломился на двѣ части: одна часть прилипла къ языку лошади, другая попала ей въ ротъ, да тамъ и пропала.

Отдохнувъ, Кузьма поѣхалъ дальше. Видитъ, среди дороги стоитъ столбъ, а на немъ надпись. Сошелъ Кузьма съ лошади и сталъ читать надпись. На столбѣ было написано: «всякій проѣзжающій, какой бы ни былъ богатырь, долженъ подписать здѣсь свое имя и прописать свою храбрость». Кузьма пожелалъ подписаться на столбъ и вотъ какъ онъ написалъ: «слушайте и читайте, что я вамъ расскажу: здѣсь проѣзжалъ богатырь Кузьма по прозванію Скоробогатый, который однимъ взмахомъ по восьми науковъ побиваетъ, а маленькой сошки, мухъ и счегу нѣтъ». Написалъ и поѣхалъ дальше.

Черезъ нѣсколько времени подъѣзжаютъ къ этому столбу два богатыря: Ерусланъ Лазаревичъ и Алеша Поповичъ. Прочитавши надпись, они подивились, что существуетъ на свѣтѣ такой богатырь и захотѣли его догнать. Догнали его скоро, и видятъ: лошадь у него не богатырская, а простая кляча, самъ онъ не вооруженный ничѣмъ и сидитъ не по русски, но когда вспомнили его храбрость, то, подъѣхавъ къ нему, поклонились ему до земли и просили принять ихъ въ число меньшихъ братьевъ. Кузьма съ важностью отвѣчалъ имъ на это, что согласенъ считать ихъ меньшими братьями и поѣхали они вмѣстѣ.

Бдуть и видятъ на пути городъ. Не доѣзжая до него остановились и отпустили лошадей своихъ въ зеленый лугъ. Царь этого города, узнавши о пріѣздѣ богатырей, выслалъ

противъ ихъ войско въ 50 человѣкъ. Ерусланъ Лазаревичъ подошелъ къ старшему названному своему брату и спрашиваетъ: кому идти противъ нихъ? Кузьма сказалъ: о такое пустое войско мнѣ рукъ не стоитъ марать, иди ты и приколи ихъ. Ерусланъ Лазаревичъ выѣхалъ и побилъ все войско. Царь выслалъ вдвое больше, но и это войско побилъ Алеша Поповичъ. Царь, видя, что съ богатырями трудно справиться, вздумалъ помириться и послалъ князей своихъ и бояръ къ Кузьмѣ, какъ къ старшему богатырю, съ подарками и съ просьбою пожаловать къ нему во дворецъ.

Пришли къ Кузьмѣ князья и бояре и сказали: сильный и храбрый богатырь Кузьма Скоробогатый! не вели насъ казнить, а позволь слово выговорить. — Говорите, отвѣчалъ Кузьма. Тогда они сказали: царь нашъ, узнавъ, что вы богатыри сильные, храбрые и воинственные, проситъ у васъ прощенія и приглашаетъ къ себѣ во дворецъ. Тогда Кузьма вмѣстѣ съ братьями поѣхалъ къ царю во дворецъ. Царь встрѣтилъ ихъ съ низкими поклонами и повелъ въ свои хоромы, а потомъ сдѣлалъ для нихъ большой пиръ. Кузьма съ братьями такъ были довольны пріемомъ и угощеніемъ царя, что согласились остаться жить у него при дворцѣ.

У царя этого была дочь красавица изъ красавицъ, первая во всемъ свѣтѣ. Панъ китагійскій посваталъ ее за своего сына, а царь не хотѣлъ отдать и отказалъ. Панъ китагійскій, разсердившись за это на царя, объявилъ ему войну. Царь послалъ сказать Пану китагійскому, что онъ нисколько не боится его, потому что у него при дворѣ есть такіе богатыри, что однимъ взмахомъ восьми побиваютъ. Панъ китагійскій послалъ войско въ триста тысячъ человѣкъ, а царь противъ него выслалъ одного Кузьму Скоробогатого, кото-

рый выѣхалъ на своей худой лошадеиъ и ничѣмъ не вооруженный, только одинъ косарь былъ воткнутъ за поясомъ. Увидавъ такое огромное войско, Кузьма сначала было струсилъ, но потомъ оправился. Войско Пана китайскаго расположилось на широкомъ зеленомъ лугу. Подѣхавъ къ войску, Кузьма сошелъ съ лошади, привязалъ ее къ березѣ, а самъ сѣлъ на камень и сталъ натачивать свой косарь. Панъ китайскій выслалъ противъ Кузьмы одного китаецъ, который былъ похрабрѣ всѣхъ, и велѣлъ ему дѣлать то же, что станеть дѣлать Кузьма. Выѣхалъ китаецъ, сѣлъ на другой камень противъ Кузьмы и также сталъ натачивать свой ножъ. Потомъ Кузьма подошелъ къ китаецу и поклонился ему до земли. Тоже сдѣлалъ и китаецъ. Кузьма въ это время ударилъ его косаремъ по шеѣ и китаецъ упалъ мертвый. Когда это увидѣли китаецы, то бросились на него. Кузьма вскочилъ на лошадь, но позабылъ ее отвязать отъ березы и давай хлестать что было силы. Гдѣ взялась и сила у лошади: поднялась на дыбы, вырвала березу съ корнемъ и понеслась на китаецевъ. Китаецы подъ нею надали какъ снопы, давили другъ друга, а береза ихъ хлестала и била. И такъ было побито все войско.

Панъ китайскій, узнавъ о разбитіи своего войска, поскорѣ заключилъ съ царемъ миръ и заплатилъ ему большую дань. Кузьму царь встрѣтилъ съ почетомъ и въ благодарность за побѣду женилъ на своей дочери. Когда же царь умеръ, Кузьма сдѣлался наслѣдникомъ его царства и сталъ жить да поживать и меньшихъ своихъ братьевъ не забывать.

Кумъ разбойникъ.

Не въ которомъ царствѣ, не въ которомъ государствѣ, не именно въ томъ, въ которомъ мы живемъ жилъ въ одной деревнѣ бѣдный крестьянинъ. У него родился сынъ и пошелъ онъ по своимъ сосѣдямъ звать кого нибудь въ кумовья. Вышелъ на дорогу и встрѣтился съ разбойникомъ; пригласилъ его къ себѣ въ кумовья и тотъ согласился. Когда окрестили младенца, кумъ подарилъ ему много денегъ, такъ что отецъ изъ бѣдняка сталъ богатымъ человекомъ и открылъ на эти деньги лавку и постоянный дворъ. Когда мальчикъ выросъ и началъ выбѣгать на улицу, ребяташки и стали дразнить его, что отецъ крестный у него разбойникъ и даже отца попрекали, что онъ разжился на разбойническія деньги. Мужикъ не полюбилось это, онъ пошелъ въ судъ и объ-

вилъ, что кумъ его—разбойникъ. Судьи прѣхали въ домъ крестьянина съ солдатами и велѣли крестьянину пригласить кума къ себѣ въ гости. Разбойникъ и его товарищи, предвидя опасность, напоили солдатъ пьяными и заперли ихъ въ сѣноваль. Когда же судьи захотѣли схватить кума за столомъ, онъ выстрѣлилъ три раза изъ пистолета въ потолокъ. Комната наполнилась дымомъ и онъ въ это время выбѣжалъ на дворъ и затѣмъ скрылся со своими товарищами въ лѣсу. Долго ихъ искали, но не могли найти, между тѣмъ они подожгли постоялый дворъ и лавку и мужикъ сталъ такимъ же бѣднякомъ, какъ и прежде.

Черезъ годъ послѣ этого разбойникъ приходитъ къ мужику и спрашиваетъ: какъ тотъ поживаетъ и каково живеть его крестникъ? и попросилъ, чтобы привели и показали ему мальчика. Когда мальчикъ пришелъ, разбойникъ сказалъ, что принесъ ему въ подарокъ красный колпакъ и сталъ примѣрять колпакъ на голову своего крестника.—Какъ разъ впору! сказалъ онъ, и разрубилъ мальчику топоромъ голову.

Калѣнинъ сынъ.

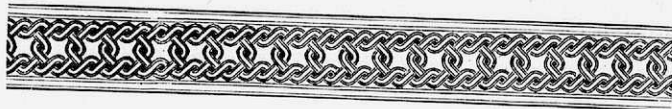
Жилъ одинъ богатый купецъ по имени Марко. Онъ былъ знакомъ и гостился со всѣми знатными вельможами и даже съ самимъ царемъ. Когда у него родилась дочь, онъ созвалъ къ себѣ гостей и во время пира сказалъ имъ: я со всѣми знакомъ и ко мнѣ ходятъ въ гости всѣ, не бывалъ только Иисусъ Христосъ. Гости на это сказали ему: постели бархатные ковры при входахъ въ комнаты, такъ онъ и придетъ.— Марко тотчасъ-же приказалъ постлать бархатные ковры при входѣ въ каждую комнату. Вскорѣ по этимъ коврамъ пришелъ бѣдно-одѣтый странникъ (это былъ Иисусъ Христосъ) и попросился переночевать. Увидѣвъ его, Марко сказалъ: какъ ты смѣешь входить сюда, когда у меня гости? и велѣлъ ему идти на задній дворъ.

Ночью къ страннику явился ангелъ и сказалъ, что у калѣки убогаго родился сынъ. Странникъ на это отвѣтилъ, что этотъ сынъ женится на дочери купца Марко.—Разговоръ этотъ подслушала служанка и передала Марку.—Не будетъ этого никогда! сказалъ Марко,—неприлично знатной купеческой дочери выходить за калѣкина сына! и приказалъ взять у калѣки родившагося ребенка и бросить въ снѣгъ. Но ребенокъ не умеръ отъ холода: снѣгъ вокругъ его растаялъ и выросли цвѣты.

Случилось, что мимо этого мѣста, гдѣ лежалъ ребенокъ, проѣзжали купцы; услыжавъ плачь, они подняли ребенка, взяли его и привезли въ городъ. А такъ какъ они были знакомы съ Маркомъ, то остановились у него и рассказали о своей находкѣ. Марко упросилъ ихъ продать ему ребенка и, когда купцы уѣхали, велѣлъ слугамъ своимъ, заасоливъ бочку, положить въ нее ребенка и бросить въ море. Бочка долго плавала въ морѣ и, наконецъ, ее прибило волнами къ одному очень бѣдному монастырю. Изъ монастыря въ это время пришелъ за водой монахъ. Увидѣвъ бочку и услыжавъ въ ней плачь ребенка, онъ созвалъ прочихъ монаховъ. Вытащили на берегъ бочку, разбили, вынули ребенка и взяли его въ монастырь.

Съ этого времени монастырь сталъ богатѣть. Когда мальчикъ выросъ, его поставили пѣть на клиросѣ. Голосъ у него былъ такъ пріятенъ, что не только изъ ближайшихъ окрестностей, но и изъ дальнихъ мѣстъ пріѣзжали послушать его пѣнія и помолиться въ монастырѣ. Въ числѣ богомольцевъ пріѣхалъ однажды въ этотъ монастырь и купецъ Марко. Увидѣвъ мальчика онъ узналъ его и сталъ просить настоятеля монастыря продать ему этого мальчика. Настоятель

долго не соглашался, но, наконецъ, продать его за большія деньги. Купивъ мальчика, Марко послалъ его съ письмомъ къ своей женѣ съ приказаніемъ убить посланнаго. Дорогою мальчика встрѣтилъ странникъ и, распросивъ его обо всемъ подробно, взялъ отъ него письмо, положилъ сначала на одну руку, потомъ на другую и возвратилъ.—Придя въ домъ Марка, мальчикъ подалъ письмо женѣ Марка, которая, прочитавъ его, велѣла немедленно обвинять посланнаго на своей дочери. Когда Марко пріѣхалъ и спросилъ жену: убили ли того молодого человѣка, съ которымъ было послано письмо, жена, изумленная, сказала, что въ письмѣ было написано, напротивъ, какъ можно скорѣе обвинять его на нашей дочери, а не убить. Марко попросилъ письмо и въ немъ дѣйствительно оказалось, что было написано такъ, какъ говорила жена. Дѣлать было нечего. Но Марко, желая во что бы то ни стало погубить калѣкина сына, приказалъ своимъ рабочимъ на фабрикѣ вскипятить большой котелъ воды и наказалъ при этомъ, что когда ночью придетъ человѣкъ, бросить его въ этотъ котелъ, не смотря ни на что, даже если бы онъ сталъ называть себя хозяиномъ. Затѣмъ онъ позвалъ своего зятя и сказалъ ему, чтобы онъ сходилъ ночью на фабрику посмотрѣть за рабочими, не лѣнятся ли они. Но дочь Маркова уговорила своего мужа не ходить до утра и онъ послушавшись ее, не пошелъ. Марко, желая посмотрѣть, какъ бросятъ въ котелъ ненавистнаго зятя, самъ отправился въ полночь на фабрику. Рабочіе, увидѣвъ его, схватили и, не смотря на то, что онъ кричалъ, называя себя хозяиномъ, бросили его въ котелъ съ кипящей водой, гдѣ онъ и умеръ. А калѣкинъ сынъ сдѣлался наслѣдникомъ своего тестя и обладателемъ всего его богатства.

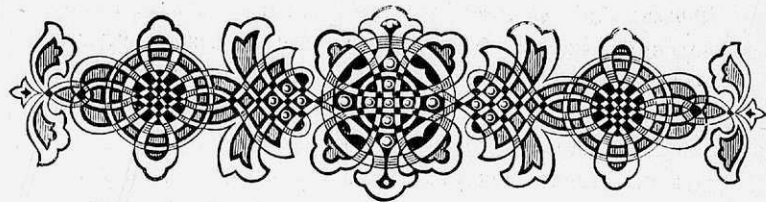
Баба и Волкъ.

Поѣхала баба въ лѣсъ за дровами, а на встрѣчу ей волкъ. И хотѣтъ волкъ съѣсть лошадь.—Не тронь лошади! говоритъ, я за это тебѣ *потоубауку* скажу. Любопытно стало волку узнать потоубауку и онъ не тронулъ лошади. Баба благополучно привезла домой дрова. На другой день опять поѣхала за дровами. Волкъ опять вышелъ и хотѣлъ съѣсть лошадь. Баба обѣщала сказать волку *теплушку*, только бы онъ не тронулъ ея лошади. Волкъ опять оставилъ. На третій день снова тоже. Баба обѣщала сказать волку *крѣпушку*. Такимъ образомъ баба навозила дровъ, натопила жарко свою избушку и лежитъ на печи. Пришелъ волкъ и требуетъ лошади или же объясненія *потоубауки*—

Потомъ баба въ лѣсъ не поидетъ, вотъ что значитъ *потоубаука*, сказала баба, лежа на печи. Очень осердился волкъ и убѣждалъ въ лѣсъ, но вспомнилъ, что баба обѣщала объяснить ему *теплушку*, воротился и требуетъ лошади или же объясненія *теплушки*.—*Тепло бабъ на печи лежатъ*—вотъ что значитъ *теплушка*, отвѣчала баба, продолжая лежать на печи. Осердился волкъ болѣе пряхняго и убѣждалъ въ лѣсъ, но голодъ скоро заставилъ вернуться за лошадью. Снова постучался онъ у воротъ и требуетъ у бабы лошади или же объясненія *крѣпушки*. *Крѣпко у бабы ворота заперты*—вотъ что значитъ *крѣпушка*, отвѣчала баба.

Воротился волкъ въ свой лѣсъ голоднымъ и съ досады заплакалъ. Такъ баба запаслась дровами на цѣлую зиму, а волку жаловаться на бабу было нельзя; она ему всѣ три слова объяснила.

Нѣмыя дочки.

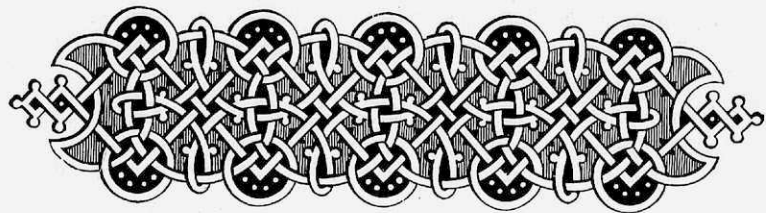
Жилъ старикъ со старухой, а у нихъ были три дочки и всѣ три нѣмыя, да и умомъ то ихъ Богъ обидѣлъ. Вотъ старуха захворала и умерла. Остался одинъ старикъ и думаетъ: что я буду дѣлать съ нѣмыми? Развѣ жениться мнѣ? По крайней мѣрѣ когда умру, такъ у моихъ дочерей будетъ мать, авось она ихъ какъ нибудь пристроитъ.

Женился старикъ на молодой и хитрой бабѣ, но недолго пожилъ и умеръ. Осталась мачиха съ нѣмыми падчерицами и стала думать, какъ бы ихъ съ хлѣба долой сбыть. Подумала и порѣшила отдать замужъ. Стала она жениховъ при-

искивать да дочекъ наряжать. Приискала жениха и говорить дочкамъ: сегодня придетъ женихъ, такъ вы при немъ ничего не говорите, а то онъ какъ узнаетъ, что вы нѣмыя, ни которую изъ васъ не возьметъ: сидите да молчите.

Пришелъ женихъ. Мать посадила его за столъ, а рядомъ съ нимъ ту дочку, которая была всѣхъ покрасивѣе; другая сѣла на лавку, а третья на полати. Стала баба угощать жениха; подала на столъ щей, а говядину въ блюдѣ оставила на шестокъ и сама сѣла съ ними за столъ. Въ это время вскочила на шестокъ кошка и стала ѣсть говядину. Увидала это съ палатей третья дочка и закричала: мачиха, мачиха! коха-то мяхо ѣсть! Вторая, которая сидѣла на лавкѣ, и говоритъ ей: мохи ты, мохи! А третья перекрестилась да и сказала: слава тебѣ Бохи, что я-то промочала! Женихъ какъ услышалъ это, вышелъ изъ-за стола и бѣгомъ домой, а къ дѣвкамъ больше ни одинъ женихъ и не посватался.

ВАНЬКА-ДУРАКЪ.

Жилъ старикъ со старухой, у нихъ былъ сынъ—Ванька-дуракъ. Пошелъ дуракъ въ лѣсъ и попалась ему на встрѣчу маленькая собачка. И захотѣлось дураку ее поймать, и давай за нею бѣгать. Собачка отъ него въ лѣсъ и онъ за нею; собачка и залѣзла подъ корень одного дерева, и дуракъ полѣзъ за нею и увидѣлъ тамъ котелъ съ деньгами, запомнилъ это мѣсто и пошелъ домой. Приходить и говорить своему отцу: вотъ что, батюшка, пойдѣмъ-ка въ лѣсъ: я тамъ нашелъ котелъ съ деньгами. Старикъ послушалъ дурака, взялъ запрягъ лошадь и поѣхали. Приѣхали въ лѣсъ—вѣрно нашли котелъ, навалили на телѣгу и поѣхали домой. Старикъ и заказываетъ своему сыну: Ванька, ни-

кому не сказывай, что нашли деньги. — Дураку гдѣ утерпѣть, чтобы не сказывать! пошелъ на улицу гулять и увидѣлъ его попъ.—Ванюха, поди-ка сюда! — Дуракъ подошелъ къ попу, попъ и сталъ спрашивать: Ванька, скажи, куда давеча ѣздили съ отцомъ?—Куда? въ лѣсъ за деньгами.—Полно врать, дуракъ!—Ну право не вру.—Попъ этому все-таки не повѣрилъ.—Дуракъ пришелъ домой и говоритъ ему отецъ: Ванька, поди, ужъ сказалъ кому нибудь про деньги!—Сказалъ попу. — Давай его бранить отецъ.—Ну, не брани, батя, попъ не скажетъ, я пойду оторву ему голову. И пошелъ дуракъ къ попу. Попъ въ то время возилъ навозъ, рабочихъ у него не было. Пришелъ дуракъ и оторвалъ попу голову: туловище упрягалъ подъ солому: былъ возъ привезенъ, а голову принесъ домой и бросилъ на вышку. И сказываетъ своему отцу: ну, батя, топерече попъ не скажетъ, я ему оторвалъ голову.—Ой, Ванька, дуракъ, дуракъ! Куда-жъ дѣвалъ голову-то? — Принесъ домой и бросилъ на вышку...

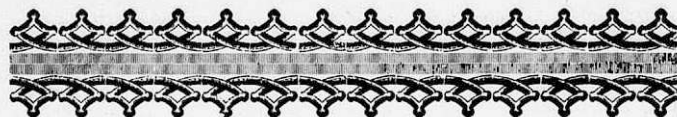
Взвѣсивъ, старикъ зарѣзалъ козла и положилъ на то мѣсто козлячью голову, а попову голову обралъ. Вотъ черезъ нѣсколько часовъ хватились попа, а его и слѣдъ простылъ. Это все въ удивленіе: куды дѣвался попъ?

И пошелъ Ванюха мимо попова дому и увидѣла его попадья; начала спрашивать: — Ванька, не видалъ ли моего попа?—Какъ не видалъ! давеча оторвалъ ему голову. — Ой, Ванька, перестань тебѣ врать!—Не вру! поди, посмотри: на назму лежитъ въ соломѣ.

Пошли развалили солому и нашли туто попа безъ головы и начали спрашивать у дурака: куды дѣвалъ голову!—Куда дѣвалъ? снесъ домой и бросилъ на вышку.

И пошли къ Ванькѣ въ домъ искать попову голову, долго искали, не нашли, а нашли козлячью и кажутъ Ванькѣ: эта Ванька?—Нѣтъ, не эта.—Такъ мы не можемъ другой найти, ступай, ищи самъ.—Ванька влѣзъ на вышку и давай ходить, взялъ козлячью голову и бросилъ на по- вѣтъ: на вотъ, собирайте! — Тѣ посмотрѣли, покачали голо- вой.—Нѣтъ Ванька, не эта, этотъ не нашего приходу.

Записано мною лично въ Кадниковскомъ уѣздѣ.

Иванушка дурачекъ.

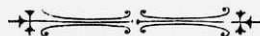
Жили были старикъ со старухой; у нихъ былъ одинъ сынъ Иванушка-дурачекъ. Старикъ померъ, а старуха разъ и послала Иванушку въ лѣсъ за грибамъ. Поди, Ваня, сходи за грибамъ, наберешь грибовъ, — наваримъ, да по- минки съѣлаемъ. — Ну, ладно, я пойду, мама. Взялъ пе- стерку большую и пошелъ въ лѣсъ, набралъ не грибовъ, а поганокъ-дехтериковъ, да мухоморовъ полную пестерку и пошелъ домой. Идетъ онъ дорогой, а мужикъ съѣлъ горохъ. Ваня и сказалъ ему: дядя! выросъ бы у ты горохъ не болѣе моихъ грибовъ! Мужикъ на это осердился и давай дурака тербить.

Пришелъ онъ домой и плачетъ. Мать спрашиваетъ его: объ чемъ ты, Ваня, плачешь? Онъ и разсказалъ. Мать ему

говорить: дуракъ! ты не такъ сказалъ! Ты бы сказалъ: дядюшка! носить тебѣ—не выносить, возить тебѣ не вывозить, вотъ бы онъ тебя и похвалилъ. — Ну ладно, мама,— пошелъ опять, а ему на встрѣчу несутъ покойника. Поровнялся съ нимъ да и говорить: дядюшки, носить бы вамъ— не выносить, возить бы вамъ не вывозить! — И опять дурака оттербели.

Пошелъ домой, плачетъ. Мать спрашиваетъ: объ чемъ ты, Ваня, плачешь? Онъ и разсказалъ. Дуракъ! ты не ладно сказалъ! ты бы пѣлъ: святой Боже, вотъ бы тебя и похвалили.—Ну ладно, я пойду, мама, спю. Идетъ, а ему на встрѣчу свадебный поѣздъ. Онъ и запѣлъ: святой Боже! Друга выскочилъ и давай теревить дурака. Опять пошелъ домой дуракъ и плачетъ. Мать и спрашиваетъ его: о чемъ Ваня, плачешь?—Мама, я иду, ѣдетъ свадьба, я и запѣлъ святой Боже, а они ну меня теревить!—Ой ты, дуракъ! ты бы взялъ гармонию, игралъ бы да плясалъ бы, вотъ бы тебя и похвалили.—Ну, ладно. Идетъ, а у мужика горитъ овинъ, онъ и началъ играть въ гармонию и плясать. Увидалъ его мужикъ и давай теревить.

(Потомъ онъ заливаешь свинью, которую начали палить. Мать говоритъ: ты бы сказалъ: этимъ-то кусочкомъ о Христовѣ дни не стыдно разговѣться. Дуракъ пошелъ и натолкнулся на человѣка, отправлявшаго естественную надобность, сказалъ, что велѣла мать, и былъ опять побить. Мать говоритъ: ты бы илкнулъ да отошелъ. Дуракъ встрѣчаетъ попа съ крестомъ и плюетъ. Мать говоритъ: ты бы сказалъ: батюшка, благослови меня! Наконецъ, онъ попадаетъ на медвѣдя, проситъ у него благословенія и медвѣдь его разрываетъ).

Кошей безсмертной.*).

Жилъ царь и царица, у нихъ родился сынъ Иванъ-царевичъ. Няньки его качаютъ, никакъ укачать не могутъ; зовутъ отца: «царь-великой государь! поди, самъ качай своего сына.» Царь началъ качать: «спи, сынокъ! спи, возлюбленной! вырастешь большой, сосватаю за тебя Непаглядную Красоту, трехъ мамокъ дочку, трехъ бабокъ внучку, девяти братьевъ сестру». Царевичъ уснулъ и проспалъ трое сутокъ, пробудился—пуще прежняго расплакался. Няньки качаютъ, никакъ укачать не могутъ; зовутъ отца: «царь-великой государь! поди, качай своего сына». Царь качаетъ, самъ при-

*) Взято съ дубочнаго изданія.

говариваетъ: «спи, сынокъ! спи, возлюбленной! вырастишь большой, сосватаю за тебя Ненаглядную Красоту, трехъ мамокъ дочку, трехъ бабокъ внучку, девяти братьевъ сестру». Царевичъ уснулъ и опять проспалъ трое сутокъ; пробудился, еще пуще расплакался. Няньки качаютъ, никакъ укачать не могутъ: «поди, великой государь! качай своего сына». Царь качаетъ, самъ приговариваетъ: «спи, сынокъ! спи, возлюбленной! вырастишь большой, сосватаю за тебя Ненаглядную Красоту, трехъ мамокъ дочку, трехъ бабокъ внучку, девяти братьевъ сестру». Царевичъ уснулъ, и опять проспалъ трое сутокъ. Пробудился и говоритъ: «давай, батюшка, свое благословеніе; я поѣду жениться». — Что ты, дитятко! куда поѣдешь? ты всего девятисуточкой! «Дашь благословеніе—поѣду, и не дашь—поѣду!» — Ну, поѣзжай! Господь съ тобой! Иванъ-царевичъ срядился и пошелъ коня доставать; отошелъ немало отъ дому и встрѣтилъ стараго чело-вѣка. «Куда, молодецъ, пошелъ? волей, али неволей?» — Я съ тобой и говорить не хочу! отвѣчалъ царевичъ, отошелъ немного и одумался: «что-же я старику ничего не сказать. стары люди на умъ наводятъ». Тотчасъ настигъ старика: «постой, дѣдушка? про что ты меня спрашивалъ?» — Спрашивалъ: куда идешь, молодецъ? волей, али неволей? «Иду я сколько волею, а вдвое неволею. Былъ я въ малыхъ лѣтахъ, качалъ меня батюшка въ зыбкѣ, судилъ за меня высватать Ненаглядную Красоту, трехъ мамокъ дочку, трехъ бабокъ внучку, девяти братьевъ сестру». — Хорошъ молодецъ, учливо говоришь! Только пѣшему тебѣ не дойти — Ненаглядная Красотка далеко живетъ. «Сколь далеко?» — Въ золотомъ царствѣ, поконцѣ свѣту бѣлаго, гдѣ солнышко восходитъ. «Какъ-же быть-то мнѣ? Нѣтъ мнѣ молодцу по плечу коня поѣзжалаго, ни плеточки шелковой-недержалой.» — Какъ нѣтъ! у твоего батюшки есть тридцать лошадей—всѣ какъ

одна; поди домой, прикажи конюхамъ напоить ихъ у сини моря: которая лошадь напередъ выдвинется, забредетъ въ воду по самую шею, и какъ станетъ пить—на синемъ морѣ начнутъ волны подыматься, изъ берега въ берегъ колы-хаться, ту и бери! «Спасибо на добромъ словѣ, дѣдушка!» Какъ старикъ научилъ, такъ царевичъ и сдѣлалъ; выбралъ себѣ богатырскаго коня, ночь переночевалъ, поутру рано всталъ, растворилъ ворота и собирается ѣхать. Проговорилъ ему конь человѣческимъ языкомъ: «Иванъ-царевичъ! при-пади къ землѣ; я ты (тебя) трижды пихну». Разъ пихнулъ и другой пихнулъ, а въ третій не сталъ: «сжели въ третій пихнуть, насъ съ тобой земля не снесетъ!» Иванъ-царевичъ выхватилъ коня съ цѣпей, осѣдлалъ, сѣлъ верхомъ—только и видѣлъ царь своего сына! Ыдетъ далекимъ-далеко, день коротается, къ ночи подвигается; стоитъ дворъ, что городъ, изба, что теремъ. Приѣхалъ на дворъ—прямо къ крыльцу, привязалъ коня къ мѣдному кольцу, въ сѣни да въ избу, Богу помолился, ночевать попросился. «Ночуй, доброй молодецъ! говорить ему старуха; куды ты Господь понесъ?» — Ахъ ты, старая сука! неучливо спрашиваешь. Прежде напои-взкорми, на постелю повали, втѣпоръ и вѣстей спрашивай. Она его накормила-напоила, на постелю повалила и стала вѣстей выспрашивать. «Былъ я, бабушка, въ малыхъ лѣтахъ, качалъ меня батюшка въ зыбкѣ, сулилъ за меня Ненаглядную Красоту, трехъ мамокъ дочку, трехъ бабокъ внучку, девяти братьевъ сестру.» — Хорошъ молодецъ! учливо говоришь. Я седьмой десятокъ доживаю, а про эту красоту слыхомъ не слыхала. Впереди по дорогѣ живетъ моя большая сестра, можетъ—она знаетъ; поѣзжай-ка завтра къ ней, а теперь усни: утро вечера мудренѣе! Иванъ-царевичъ ночь переночевалъ, поутру всталъ раненько, умылся бѣленько, вывелъ коня, осѣдлалъ, въ стремени ногу клалъ—

только его и видѣла бабушка! Ыдетъ онъ далекимъ-далеко, высокимъ-высоко, день коротается, къ ночи подвигается; стоитъ дворъ что городъ, изба что теремъ. Приѣхалъ ко крыльцу, привязалъ коня къ серебряному кольцу, въ сѣни да въ избу, Богу помолился, ночевать попросился. Говорить старуха: «фу-фу! доселева было русской кошки видомъ не видать, слухомъ не слыхать, а нонѣ русская кошка сама на дворъ приѣхала. Откуль, Иванъ-царевичъ, взялся?»—Что ты, старая сука, расфукалась, неучливо спрашиваешь? Ты бы прежде накормила-напоила, на постелю повалила, тожно-бы вѣстей спрашивала. Она его за столъ посадила, накормила-напоила, на постелю повалила; сѣла въ головы и спрашиваетъ: «куда ты Богъ понесъ?» — Былъ я, бабушка, въ малыхъ лѣтахъ, качалъ меня батюшка въ зыбѣхъ, сулилъ за меня Ненаглядную Красоту, трехъ мамокъ дочку, трехъ бабокъ внучку, девяти братьевъ сестру. «Хорошъ молодецъ! учливо говоришь. Я восьмой десятокъ доживаю, а про эту красоту еще не слыхивала. Впереди по дорогѣ живетъ моя большая сестра, можетъ—она знаетъ; есть у ней на то отвѣтчики: первые отвѣтчики—звѣрь лѣсной, другіе отвѣтчики—птица воздушная, третьи отвѣтчики — рыба и гадъ водяной; что ни есть на бѣломъ свѣтѣ—все ей покоряется. Поѣзжай-ка завтра къ ней, а теперь усни: утро вечера мудренѣе!» Иванъ-царевичъ ночь переночевалъ, всталъ раненько, умылся бѣленько, сѣлъ на коня—и былъ таковъ! Ыдетъ далекимъ-далеко, высокимъ-высоко, день коротается, къ ночи подвигается; стоитъ дворъ что городъ, изба что теремъ. Приѣхалъ ко крыльцу, прицѣпилъ къ золотому кольцу, въ сѣни да въ избу, Богу помолился, ночевать попросился. Закричала на него старуха: «ахъ ты, такой-сякой! желѣзнаго кольца недостойнъ, а къ золотому коня привязалъ.»—Хорошо, бабушка! не бранись: коня можно отвязать, за иное

кольцо привязать. «Что, доброй молодецъ, задала тебѣ страху! а ты не страшись, да на лавочку садись, а я стану спрашивать: изъ какихъ ты родовъ, изъ какихъ городовъ?» — Эхъ, бабушка! ты бы прежде накормила-напоила, вѣпоръ вѣстей поспрошала; видишь—человѣкъ съ дороги, весь день не ѣлъ! Въ тотъ часъ старуха столъ поставила, принесла хлѣба-соли, налила водки стаканъ, и принялась угощать Ивана-царевича. Онъ наѣлся-напилился, на постелю повалился; старуха не спрашиваетъ, онъ самъ ей рассказываетъ: «былъ я въ малыхъ лѣтахъ, качалъ меня батюшка въ зыбѣхъ, сулилъ за меня Ненаглядную Красоту, трехъ мамокъ дочку, трехъ бабокъ внучку, девяти братьевъ сестру. Сдѣлай милость, бабушка! скажи: гдѣ живетъ Ненаглядная Красота и какъ до нея дойти?»—Я и сама, царевичъ, не вѣдаю; вотъ ужъ девятой десятокъ доживаю, а про эту красоту еще не слыхивала. Ну, да усни съ Богомъ; завтра соберу моихъ отвѣтчиковъ—можетъ, изъ нихъ кто знаетъ. На другой день встала старуха раненько, умылась бѣленько, вышла съ Ивановъ-царевичемъ на крылечко, и скричала богатыремъ голосомъ, сосвистала молодецкимъ посвистомъ. Крикнула по морю: «рыбы и гадъ водяной! идите сюда». Тотчасъ сине море всколыхалось, собирается рыба и большая и малая, собирается всякой гадъ, къ берегу идетъ—воду укрываетъ. Спрашиваетъ старуха: гдѣ живетъ Ненаглядная Красота, трехъ мамокъ дочка, трехъ бабокъ внучка, девяти братьевъ сестра? Отвѣчаютъ всѣ рыбы и гады въ одинъ голосъ: «видомъ не видали, слухомъ, не слыхали!» Крикнула старуха по землѣ: «собирайся звѣрь лѣсной!» Звѣрь бѣжитъ, землю укрываетъ, въ одинъ голосъ отвѣчаетъ: «видомъ не видали, слухомъ не слыхали!» Крикнула старуха по поднебесью: «собирайся, птица воздушная!» Птица летитъ, денной свѣтъ укрываетъ, въ одинъ голосъ отвѣчаетъ: «видомъ не видали,

слыхомъ не слыхали!»—Больше некого спрашивать! говорить старуха, взяла Ивана-царевича за руку и повела въ избу; только вошли туда, налетѣла Моголь-птица, пала на землю—въ окнахъ свѣту не стало. «Ахъ ты, птица Моголь! гдѣ была, гдѣ летала, отчего запоздала?»—Ненаглядную Красоту къ обѣднѣ сряжала. «Того мнѣ и надоть! сослужи мнѣ службу вѣрою-правдою: снеси туда Ивана-царевича.»—Рада бы—сослужила, много пропитанья надоть! «Сколь много?»—Три сороковки говядины да щ(ч)анѣ воды. Иванъ-царевичъ налилъ щанѣ воды, накупилъ быковъ, набилъ и накласть три сороковки говядины, уставилъ тѣ бочки на птицу, побѣжалъ въ кузницу и сковалъ себѣ копые длинное, желѣзное. Воротился и сталъ со старухой прощаться: «прощай, говорить, бабушка! корми моего добраго коня сыто — я тебѣ за все заплачу.» Сѣлъ на Моголь-птицу — въ ту-жъ минуту она поднялась и полетѣла. Летитъ, а сама безперечь оглядывается: какъ оглянется, Иванъ-царевичъ тотчасъ подаетъ ей на конѣ кусъ говядины. Вотъ летѣла-летѣла не мало времени, царевичъ двѣ бочки скормилъ, за третью принялся и говорить: «ой, птица Моголь! пади на сыру землю, мало пропитанья стало.»—Что ты, Иванъ-царевичъ! здѣсь лѣса дремуче, грязи вязучи — намъ съ тобой поконечъ вѣка не выбраться. Иванъ-царевичъ всю говядину скормилъ и бочки спихалъ, а Моголь-птица летитъ, оборачивается. Что дѣлать? думаетъ царевичъ, вырѣзалъ изъ своихъ ногъ икры, далъ птицѣ; она проглотила, вылетѣла на луга зеленые, травы шелковыя, цвѣты лазоревыя, и пала на земь. Иванъ-царевичъ всталъ, идетъ по лугу—разминается, на обѣ ноги прихрамываетъ. «Что ты, царевичъ! али хромаешь?»—Хромаю, Моголь-птица! давеча изъ ногъ своихъ икры вырѣзалъ да тебѣ скормилъ. Моголь-птица выхаркнула икры, приложила къ ногамъ Ивана-царевича, дунула-плюнула, икры приросли—

и пошелъ царевичъ и крѣпко и бодро. Пришелъ въ большой городъ и присталъ отдохнуть къ бабушкѣ-задворенкѣ. Говорить ему бабушка-задворенка: «спи, Иванъ-царевичъ! заутро, какъ ударятъ въ колоколъ, я тебя разбуджу.» Легъ царевичъ и тотчасъ уснулъ; день спать, ночь спать... зазвонили къ заутренѣ, прибѣжала бабушка-задворенка, стала его будить, что ни попадетъ въ руки—тѣмъ и бьетъ, нѣтъ, не могла будить. Отошла заутреня, зазвонили къ обѣднѣ, Ненаглядная Красота въ церковь поѣхала; прибѣжала бабушка-задворенка, принялась опять за царевича, бьетъ его чѣмъ ни попадя, насилу-насилу разбудила. Вскочилъ Иванъ-царевичъ скорехонько, умылся бѣлехонько, снарядился и пошелъ къ обѣднѣ. Пришелъ въ церковь, образамъ помолился, на все стороны поклонился, Ненаглядной Красотѣ на особицу; стоятъ они рядомъ да Богу молятся. На отходѣ обѣдни она первая подъ крестъ, онъ второй за ней. Вышелъ на рундукъ, глянулъ на сине море—идутъ корабли; наѣхало шесть богатырей свататься. Увидали богатыри Ивана-царевича и ну насмѣхаться? «ахъ ты, деревенская зобенка! по тебѣ-ль такая красавица: не стоишь ты ея мизиннаго пальчика!» Разъ говорить, и въ другой говорить, а въ третій сказали—ему бѣдно стало: рукой махнулъ—улица, другой махнулъ — чисто, гладко кругомъ! Самъ ушелъ къ бабушкѣ-задворенкѣ. Что, Иванъ-царевичъ, видѣлъ Ненаглядную Красоту?»—Видѣлъ, по вѣкъ не забуду. «Ну, ложись спать; завтра она опять къ обѣднѣ пойдетъ; какъ ударитъ колоколъ, я тебя разбуджу.» Легъ царевичъ; день спать, ночь спать... зазвонили къ заутренѣ, прибѣжала бабушка-задворенка, стала будить царевича, что ни попадетъ подъ руки—тѣмъ и бьетъ его; нѣтъ, не могла разбудить. Зазвонили къ обѣднѣ, она опять его бьетъ и будить. Вскочилъ Иванъ-царевичъ скорехонько, умылся бѣлехонько, снарядился и въ церковь. Пришелъ, образамъ помо-

лился, на все четыре стороны поклонился, Ненаглядной Красотѣ на особицу; она на него глянула—покраснѣла. Стоять они рядышкомъ да Богу молятся; на исходѣ обѣдни она первая подѣ крестъ, онъ второй за ней. Вышелъ царевичъ на рундукъ, поглядѣлъ на синее море—плывутъ корабли, наѣхало двѣнадцать богатырей; стали тѣ богатыри Ненаглядную Красоту сватать, Ивана-царевича на смѣхъ подымать: «ахъ ты, деревенская зобенка! по тебѣ-ль такая красавица? не стоишь ты ея мизиннаго пальчика!» Отъ тѣхъ рѣчей ему бѣдно показалось; махнулъ рукой—стала улица, махнулъ другой—чисто и гладко кругомъ! Самъ къ бабушкѣ-задворенкѣ ушелъ. «Видѣлъ ли Ненаглядную Красоту?» спрашиваетъ бабушка-задворенка. «Видалъ, по вѣкъ не забуду.»—Ну, спи; завтра я тебя опять разбужу. Иванъ-царевичъ день спитъ и ночь спитъ; ударили въ колоколъ къ заутренѣ, прибѣжала бабушка-задворенка будить его; чѣмъ ни попада бьетъ его, не жалѣючи, а разбудить никакъ не можетъ. Ударили въ колоколъ къ обѣднѣ, она все съ царевичемъ возится. Насилу добудилась его! Иванъ-царевичъ вскочилъ скорехонько, умылся бѣлехонько, снарядился и въ церковь. Пришелъ, образамъ помолился, на все на четыре стороны поклонился, Ненаглядной Красотѣ на особицу; она съ нимъ поздоровалась, поставила его по правую руку, а сама стала по лѣвую. Стоять они да Богу молятся; на исходѣ обѣдни онъ первой подѣ крестъ, она вторая за нимъ. Вышелъ царевичъ на рундукъ, поглядѣлъ на синее море—плывутъ корабли, наѣхало двадцать четыре богатыря Ненаглядную Красоту сватать. Увидали богатыри Ивана-царевича и ну надъ нимъ насмѣхаться: «ахъ ты, деревенская зобенка! по тебѣ-ль такая красавица? ты не стоишь ея мизиннаго пальчика!» Стали къ нему со всехъ сторонъ подступать да невѣсту отбивать; Иванъ-царевичъ не стерпѣлъ: махнулъ рукой—улица, махнулъ другой—гладко

и чисто кругомъ, всехъ до единого перебилъ. Ненаглядная Красота взяла его за руку, повела въ свои терема, сажала за столы дубовые, за скатерти бранныя, угощала его-подчинвала, своимъ женихомъ называла. Вскорѣ потомъ собрались они въ путь-дорогу и поѣхали въ государство Ивана-царевича. Ъхали-ѣхали, и остановились въ чистомъ полѣ отдыхать. Ненаглядная Красота спать легла, а Иванъ-царевичъ ея сонъ сторожить. Вотъ она выспалась, пробудилась; говорить ей царевичъ: «Ненаглядная Красота! похрани моего тѣла бѣлаго, я спать лягу».—А долго-ль спать будешь? «Девятеро сутокъ, съ боку на бокъ не поворочусь; станешь будить меня—не разбудишь, а время прійдетъ—самъ проснусь».—Долго, Иванъ-царевичъ! мнѣ скучно будетъ. Скучно-нескучно, а дѣлать нечего!» Легъ спать, и проспалъ какъ разъ девять сутокъ. Въ то время пріѣхалъ Кощей Безсмертной и увезъ Ненаглядную Красоту въ свое государство.

Пробудился отъ сна Иванъ-царевичъ, посмотреть—нѣту Ненаглядной Красоты; заплакалъ и пошелъ ни путемъ ни дорогою. Долго ли, коротко-ли—приходить въ государство Кощея Безсмертнаго и просится на постой къ одной старухѣ. «Что, Иванъ-царевичъ, печаленъ ходишь?»—Такъ и такъ, бабушка! былъ со всемъ, сталъ ни съ чѣмъ. «Худо твое дѣло, Иванъ-царевичъ! тебѣ Кощея не потребить (истребить)».—Я хоть посмотрю на мою невѣсту! «Ну, ложись—спи до утра; завтра Кощей на войну уйдетъ». Легъ Иванъ-царевичъ, а сонъ и на умъ нейдетъ; поутру Кощей со двора, а царевичъ во дворъ—сталъ у воротъ и стучится. Ненаглядная Красота отворила, глянула и заплакала; пришли они въ горницу, сѣли за столъ и начали разговаривать: Научаетъ ее Иванъ-царевичъ: «спроси у Кощея Безсмертнаго,

гдѣ его смерть?»—Хорошо, спрошу. Только успѣлъ онъ со двора уйти, а Кощей во дворъ: «а! говорить, русской кос(т)кой пахнетъ; знать, у тебя Иванъ-царевичъ былъ».—Что ты, Кощей Безсмертной! гдѣ мнѣ Ивана-царевича видѣть? остался онъ въ лѣсахъ дремучихъ, въ грязяхъ вязучихъ, по сихъ поръ звѣри съѣли! Стали они ужинать; за ужиномъ Ненаглядная Красота спрашиваетъ: «скажи мнѣ, Кощей Безсмертный: гдѣ твоя смерть?»—На что тебѣ, глупая баба? Моя смерть въ вѣнникъ завязана. Рано утромъ убѣждаетъ Кощей на войну. Иванъ-царевичъ пришелъ къ Ненаглядной Красотѣ, взялъ тотъ вѣнникъ и чистымъ золотомъ ярко вызолотилъ. Только успѣлъ царевичъ уйти, а Кощей во дворъ: «а! говорить, русской коской пахнетъ; знать, у тебя Иванъ-царевичъ былъ».—Что ты, Кощей Безсмертной! самъ по Руси леталъ, русскаго духу пахтался—отъ тебя русскимъ духомъ пахнетъ. А мнѣ гдѣ видать Ивана-царевича? остался онъ въ лѣсахъ дремучихъ, въ грязяхъ вязучихъ, по сихъ поръ звѣри съѣли! Пришло время ужинать; Ненаглядная Красота сама сѣла на стулъ, а его посадила на лавку; онъ взглянулъ подъ порогъ—лежитъ вѣнникъ позолоченый. «Это что?—Ахъ, Кощей Безсмертной! самъ видишь, какъ я тебя почитаю: коли ты мнѣ дорогъ, такъ и смерть твоя дорога. «Глупая баба! то я пошутилъ, моя смерть вонъ въ дубовомъ тыну задѣлана.» На другой день Кощей уѣхалъ, а Иванъ-царевичъ пришелъ, весь тынъ вызолотилъ. Къ вечеру ворочается домой Кощей Безсмертной; «а! говорить, русской коской пахнетъ; знать, у тебя Иванъ-царевичъ былъ».—Что ты, Кощей Безсмертной! кажется, я тебѣ не разъ говаривала: гдѣ мнѣ видать Ивана-царевича? остался онъ въ лѣсахъ дремучихъ, въ грязяхъ вязучихъ, по сихъ поръ звѣри растерзали. Пришло время ужинать; Ненаглядная Красота сама сѣла на лавку, а его на стулъ посадила.

Кощей взглянулъ въ окно, стоитъ тынъ позолоченый, словно жаръ горитъ! «Это что?»—Самъ видишь, Кощей Безсмертной! какъ я тебя почитаю: коли ты мнѣ дорогъ, такъ и смерть твоя дорога. Полюбилась эта рѣчь Кощею Безсмертному, говорить онъ Ненаглядной Красотѣ: «ахъ ты, глупая баба! то я пошутилъ; моя смерть въ яйцѣ, то яйцо въ уткѣ, та утка въ кокорѣ, та кокура въ морѣ плавается». Какъ только уѣхалъ Кощей на войну, Ненаглядная Красота испекла Ивану-царевичу пирожковъ и рассказала, гдѣ искать смерть Кошееву. Иванъ-царевичъ пошелъ ни путемъ-ни дорогою, пришелъ къ окіанъ-морю шпрокому, и не знаетъ, куда дальше идти, а пирожки давно вышли—ѣсть нечего. Вдругъ летитъ ястребъ; Иванъ-царевичъ прицѣлился: «ну, ястребъ! я тебя застрѣлю да сыркомъ съѣмъ». Не ѣшь меня, Иванъ-царевичъ! въ нужное время я тебѣ пригожусь. Бѣжитъ медвѣдь; «ахъ Мишка косолопой! я тебя убью да сыркомъ съѣмъ».—Не ѣшь, Иванъ-царевичъ! въ нужное время я тебѣ пригожусь. Глядь—на берегу щука трепещется: «а, щука зубастая, попалася! я тебя сыркомъ съѣмъ».—Не ѣшь, Иванъ-царевичъ! лучше въ море брось; въ нужное время я тебѣ пригожусь. Стоитъ царевичъ и думаетъ: когда-же наступитъ нужное время, а теперь голодать пришлось! Вдругъ синѣ море всколыхалось, взволновалось, стало берегъ заливать; Иванъ-царевичъ бросился въ гору. Что есть силъ бѣжить, а вода за нимъ по пятамъ гонитъ; взбѣжалъ на самое высокое мѣсто и взлѣзъ на дерево. Немного спустя начала вода сбывать; море стихло, улеглось, а на берегу очутилась большая кокура. Прибѣжалъ медвѣдь, поднялъ кокуру, да какъ хватить оземь—кокура развалилася, вылетѣла оттуда утка и взвилась высоко-высоко! Вдругъ откуда на взялся—летитъ ястребъ, поймавъ утку и вмигъ разорвалъ ее пополамъ. Выпало изъ утки яйцо, да прямо

въ море; тутъ подхватила его щука, подплыла къ берегу и отдала Ивану-царевичу. Царевичъ положилъ яйцо за пазуху и пошелъ къ Кощею Безсмертному. Приходить къ нему во дворъ, и встрѣчаетъ его Ненаглядная Красота, въ уста цѣлуетъ, къ плечу припадаетъ. Кошей Безсмертной сидитъ у окна да ругается: «а, Иванъ-царевичъ! хочешь ты отнять у меня Ненаглядную Красоту, такъ тебѣ живому не быть.» — Ты самъ у меня еѣ отнял! отвѣчалъ Иванъ-царевичъ, вынулъ изъ-за пазухи яйцо и кажется Кощею: «а это что?» — У Кошей свѣтъ въ глазахъ помутился, тотчасъ онъ пресмирѣлъ, покорился. Иванъ-царевичъ переложилъ яйцо съ руки на руку — Кошей Безсмертнаго изъ угла въ уголъ бросило. Любо показалось это царевичу, давай чаще съ руки на руку перекладывать; перекладывалъ-перекладывалъ и смаялъ совсѣмъ — тутъ Кошей свалился и померъ. Иванъ-царевичъ запрѣтъ лошадей къ золотую карету, забралъ цѣлые мѣшки серебра и золота, и поѣхалъ вмѣстѣ съ своею невѣстою къ родному батюшкѣ. Долго ли, коротко ли — прїѣзжаетъ онъ къ той самой старухѣ, что всякую тварь: рыбу, птицу и звѣря допрашивала, увидавъ своего коня: «слава Богу, говорить, воронко живъ! и щедро отсыпалъ старухѣ золота за его прокормъ — хоть еще девяносто лѣтъ живи, и то не прожить! Тотчасъ срядилъ царевичъ легкаго гонца и послалъ къ царю съ письмомъ, а въ письмѣ пишетъ: «батюшка! (в) встрѣчай сына; ѣду съ невѣстою Ненаглядной Красотою». Отецъ получилъ письмо, прочиталъ, и вѣры нейметъ: «какъ тому быть! вить Иванъ-царевичъ уѣхалъ отсель девяносточной.» Вслѣдъ за гонцомъ и самъ царевичъ прїѣхалъ; царь увидалъ, что сынъ истинную правду писалъ, выбѣжалъ на крыльцо встрѣчать и приказалъ въ барабаны бить, музыкѣ играть. «Батюшка! благослови жениться.» У царей не пиво варить, ни вино курить — всего много; въ тотъ же день ве-

селымъ пиркомъ да за свадебку. Обвѣнчали Ивана-царевича съ Ненаглядной Красотою, и выставили по всеѣмъ улицамъ большіе щаны съ разными напитками; всякой приходи и пей, сколько душа запроситъ! И я тутъ былъ, медъ-вино нилъ, по усамъ текло, во рту не было.

Емельянъ-дурачекъ.

Въ нѣкоторой деревнѣ жилъ мужикъ, и у него было три сына: два были умные, а третій — дуракъ, котораго звали Емельяномъ, и какъ жилъ ихъ отецъ долгое время, то и пришелъ въ глубокую старость и призвавъ къ себѣ всѣхъ сыновей, говорилъ имъ:

— Любезныя дѣти, я чувствую, что мнѣ не долго жить, то и оставляю вамъ домъ и скотъ, которые вы раздѣлите на равныя части; также оставляю вамъ денегъ на каждого по сту рублей.

Послѣ того вскорѣ отецъ ихъ умеръ, и дѣти похоронили его честно, жили благополучно; потомъ вздумали Емельяновы

братья ѣхать въ городъ и торговать на тѣ триста рублей, которые имъ отказаны были ихъ отцомъ, то и говорили они дураку Емельяну:

— Послушай, дуракъ! мы поѣдемъ въ городъ, возьмемъ съ собою и твои сто рублей и когда приторгуемъ барышъ, то купимъ тебѣ красный кафтанъ, красную шапку и красные сапоги, а ты останься дома; ежели что тебя заставятъ сдѣлать наши жены (ибо они были женаты), а твои невѣстки, то ты сдѣлай.

Дуракъ, желая получить красный кафтанъ, красную шапку и красные сапоги, отвѣчалъ братьямъ своимъ, что онъ дѣлать будетъ все, что только его невѣстки заставятъ. Послѣ того братья его поѣхали въ городъ, а дуракъ остался дома и жилъ съ своими невѣстками.

Потомъ, спустя нѣсколько времени, въ одинъ день, когда было зимнее время и былъ жестокий морозъ, тогда говорили ему невѣстки, чтобъ онъ сходилъ за водою, но дуракъ лежалъ на печи, сказалъ:

— Да, а вы что?

Невѣстки закричали на него:

— Какъ, дуракъ, мы-то что, вѣдь ты видишь, какой морозъ, что и мужикинъ въ пору итти.

Но онъ говорилъ:

— Я лѣнюсь.

Невѣстки опять на него закричали:

— Какъ, ты лѣнишься, вѣдь ты же захочешь ѣсть; а

когда не будет воды, то и сварить ничего нельзя. — При томъ сказали: — Доброжь, мы скажемъ своимъ мужьямъ, когда они прїѣдутъ, что хотя они и купили тебѣ красный кафтанъ и все, но чтобъ они ничего не давали.

Что слыша, дуракъ, желая получить красный кафтанъ и шапку, принужденъ былъ итти, слѣзъ съ печи и началъ обуваться и одѣваться, и какъ совсѣмъ одѣлся и взялъ съ собою ведры и топоръ, пошелъ на рѣку, ибо и деревня ихъ была подлѣ самой рѣки. И какъ пришелъ на рѣку, то и началъ прорубать прорубь, и прорубилъ чрезвычайно большую, потомъ почерпнулъ въ ведры воды и поставилъ ихъ на ледъ, а самъ стоялъ подлѣ проруби и смотрѣлъ на воду; въ то самое время увидѣлъ дуракъ, что плавала въ той проруби пребольшая щука. Емеля, сколько ни былъ глупъ, однако пожелалъ ту щуку поймать, и для того сталъ онъ понемножку подходить и подошелъ къ ней близко, ухватилъ вдругъ ее рукою, вытащилъ изъ воды и положивъ ее з пазуху, хотѣлъ итти домой, но щука говорила ему:

— Что ты, дуракъ, на что ты меня поймаешь?

— Какъ на что?—говорилъ онъ.—Я тебя отнесу домой и вею невѣсткамъ сварить.

— Нѣтъ, дуракъ, не носи ты меня домой, а пусти ты меня опять въ воду, я тебя за то сдѣлаю богатымъ человекомъ.

Но дуракъ ей не вѣрилъ и хотѣлъ итти домой. Щука, видя, что дуракъ ея не отпускаетъ, говорила:

— Слушай дуракъ, пусти же ты меня въ воду: я тебѣ

сдѣлаю то, чего ты ни пожелаешь, то все по твоему желанію исполнится.

Дуракъ, слыша сіе, весьма обрадовался; ибо какъ онъ былъ чрезвычайно лѣнивъ, то и думалъ самъ себѣ: «Когда щука сдѣлаетъ то, чего я ни пожелаю, то все будетъ готово, и я уже работать ничего не буду». Потомъ говорилъ онъ щуцѣ.

— Я тебя отпущу, только ты сдѣлай то, что ты обещаешь.

На что отвѣчала щука:

— Ты прежде пусти меня въ воду, я обѣщаніе свое исполню.

Но дуракъ говорилъ ей, чтобъ она прежде свое обѣщаніе исполнила, а потомъ уже онъ ее пустить; щука, видя, что онъ ея не хочетъ пустить въ воду, говорила:

— Ежели ты желаешь, чтобъ я тебѣ сказала, какъ дѣлать то, чего ты не пожелаешь, то надобно, чтобъ ты теперь сказалъ, что ты хочешь.

Дуракъ говорилъ ей:

— Я хочу, чтобъ мои ведры съ водой сами пошли на гору (ибо деревня та была на горѣ), но чтобъ вода изъ нихъ не расплескалась.

Щука тотчасъ ему говорила:

— Помни же, Емельянтъ, тѣ слова, которыми я стану тебѣ сказывать.

И вотъ въ чемъ тѣ слова состояли: «По щучьему ве-

лѣнью, а по моему прошенью, ступайте ведры сами на гору».

Дуракъ послѣ нея говоритъ: «По щучьему велѣнью, а по моему прошенью, ступайте, ведры, сами на гору!» И въ тотъ часъ ведры и съ коромысломъ пошли сами на гору. Емеля, видя сіе, весьма удивился; потомъ говорилъ шукѣ:

— Все ли такъ будетъ?

На что шука отвѣчала:

— Все то будетъ, чего только пожелаешь, но не забудь только тѣ слова, которыми я тебѣ сказывала.

Послѣ того пустилъ онъ шуку въ воду, а самъ пошелъ за ведрами. Сосѣди его, видя чудо, удивлялись и говорили, между собою:

— Что это дуракъ дѣлаетъ? Ведры съ водой идутъ сами а онъ идетъ за ними.

Но Емеля, не говоря ничего съ ними, пошелъ домой, и ведры сами вошли въ избу и стали на лавку, а дуракъ влѣзъ на печь. Потомъ спустя нѣсколько времени, говорили ему опять невѣстки:

— Емеля, что ты лежишь? Ты бы пошелъ да дровъ нарубить.

Но дуракъ говорилъ:

— Да, а вы-то что?

— Какъ мы? — вскричали на него невѣстки. — Вѣдь теперь зима, а ежели ты не пойдешь рубить дровъ, такъ тебѣ же будетъ холодно.

— Я лѣнюсь, — говоритъ дуракъ.

— Какъ лѣнишься? — говорили ему невѣстки: — Вѣдь ты же озябнешь. — Притомъ они говорили: — Ежели ты не пойдешь рубить дровъ, такъ мы скажемъ своимъ мужьямъ, чтобъ они тебѣ не давали ни краснаго кафтана, ни красной шапки и сапогъ.

Дуракъ, желая получить красный кафтанъ, шапку и сапоги, принужденъ былъ нарубить дровъ; а какъ былъ онъ чрезвычайно лѣнивъ и не хотѣлось ему слѣзать съ печки, то онъ и говоритъ тихонько, на печи лежа, сіи слова:

— По щучьему велѣнью, а по моему прошенью, ну-ка, топоръ, поди и наруби дровъ, а вы, дрова, сами въ избу идите и въ печь кладитесь!

Топоръ, откуда ни взялся, выскочилъ на дворъ и началъ рубить, а дрова сами въ избу шли и въ печь клались, что видя, его невѣстки весьма удивлялись Емельяной хитрости. И такъ каждый день, когда только дуракъ велитъ нарубить дровъ, то топоръ и нарубитъ; и жилъ онъ съ невѣстками нѣсколько времени. Потомъ говорили ему невѣстки:

— Емеля, теперича у насъ нѣтъ дровъ, то съѣзди въ лѣсъ и наруби.

Дуракъ имъ говорилъ:

— Я лѣнюсь.

— Какъ лѣнишься? — говорили ему невѣстки. — Вѣдь тебѣ же будетъ холодно; а ежели ты не пойдешь, то когда

пріѣдутъ твои братья, а наши мужья, то мы не велимъ тебѣ давать ни кафтана краснаго, ни шапки красной, ни сапогъ красныхъ.

Дуракъ, желая получить красный кафтанъ, шапку и сапоги, принужденъ былъ ѣхать въ лѣсъ за дровами и всталъ съ печи, началъ обуваться и одѣваться, и какъ совсѣмъ одѣлся, то вышелъ на дворъ и вытащилъ изъ-подъ сарая сани, взялъ съ собою топоръ и сѣлъ въ сани, и говорилъ своимъ невѣсткамъ:

— Отворите ворота:

Невѣстки, видя, что онъ ѣдетъ въ санихъ да безъ лошади, ибо дуракъ лошадь не запрягалъ, говорили ему:

— Что ты, Емеля, сѣлъ въ сани, а лошади для чего не запрягъ?

Но онъ говорилъ, что лошади ему не надобно, а только чтобъ отворили ворота. Невѣстки ему отворили, а дуракъ сидя въ санихъ, говорилъ:

— По щучьему велѣнью, а по моему прошенью, ну-ка, сани, ступайте въ лѣсъ!

Послѣ сихъ словъ сани тотчасъ поѣхали со двора, что видя, живущіе въ той деревнѣ мужики удивлялись, что Емеля ѣхалъ въ санихъ и безъ лошади, и такъ шибко, что хотя бы нара была запряжена лошадей, то нельзя бы шибче ѣхать.

И какъ надобно было дураку ѣхать въ лѣсъ черезъ городъ, то и поѣхалъ онъ по оному городу; но какъ онъ не зналъ того, что надобно кричать для того, чтобъ не передавить народъ, то онъ ѣхалъ по городу, а не кричалъ, чтобъ

посторонились, и передавилъ народу множество; и хотя за нимъ гнались, однако догнать его не могли; и Емеля уѣхалъ изъ города, а пріѣхавъ къ лѣсу, остановилъ свои сани.

Дуракъ вылѣзъ изъ саней и говорилъ:

— По щучьему велѣнью, а по моему прошенью, ну-ка, топоръ, руби-ка дрова, а вы, полѣнья, сами въ сани кладитесь и вяжитесь!

Лишь только дуракъ сказалъ сіи рѣчи, то топоръ началъ рубить дрова, а полѣнья сами клались въ сани и веревкой вязались. Послѣ того какъ нарубилъ онъ дровъ, то велѣлъ еще топоръ рубить одну дубинку, и какъ топоръ вырубилъ, то онъ сѣлъ на возъ и говорилъ:

— Ну-ка, по щучьему велѣнью, а по моему прошенью, поѣзжайте, сани, домой!

Сани тотчасъ и поѣхали весьма шибко, и какъ подѣхалъ онъ къ тому городу, въ которомъ онъ уже передавилъ много народу, то и дожидались его люди, чтобъ поймать. И какъ въѣхалъ онъ въ городъ, то они его и поймали и стали тащить его съ воза долой; притомъ начали бить. Дуракъ, видя, что его тащутъ и бьютъ, потихоньку сказалъ сіи слова: «По щучьему велѣнью, а по моему прошенью, ну-ка, дубинка, отломай-ка имъ руки и ноги». Въ тотъ часъ выскочила дубинка и начала всѣхъ бить, и какъ народъ бросился бѣжать, дуракъ поѣхалъ изъ города въ свою деревню, и дубинка, когда всѣхъ перебила, то покатилась вслѣдъ за нимъ же. И какъ пріѣхалъ Емеля домой, то и выѣзъ на печь; и послѣ того, какъ онъ уѣхалъ изъ города, то и стали объ немъ вездѣ говорить, не столько о томъ, что онъ передавилъ множество народу, сколько уди-

вляясь тому, что онъ ѣхалъ въ саняхъ и безъ лошади. И мало-по-малу сіи рѣчи дошли до дворца, а потомъ и до самаго короля; и какъ король услышалъ, то чрезвычайно захотѣлъ его видѣть, и для того послалъ одного офицера и далъ ему нѣсколько солдатъ, чтобъ его сыскать. Посланный отъ короля офицеръ поѣхалъ немедленно изъ города и напалъ на ту дорогу, по которой ѣздили дуракъ въ лѣсъ. И какъ пріѣхалъ офицеръ въ ту деревню, гдѣ жилъ Емеля, то призвалъ къ себѣ старосту и сказалъ ему:

— Я присланъ отъ короля за вашимъ дуракомъ, чтобъ взять его и привезти къ королю.

Староста тотчасъ показалъ ему тотъ дворъ, гдѣ жилъ Емеля, и офицеръ, взошелъ въ избу, спрашивалъ, гдѣ дуракъ, а онъ, лежа на печи, отвѣчалъ:

— На что тебѣ?

— Какъ на что? Одѣвайся скорѣе я повезу тебя къ королю.

Но Емеля говорилъ:

— А что мнѣ тамъ дѣлать?

Такъ онъ и не поѣхалъ во дворецъ.

Выбравъ король одного умнаго человѣка, котораго и послалъ съ тѣмъ, чтобъ какъ возможно привезти дурака, хотя обманомъ. Посланный отъ короля поѣхалъ, и какъ пріѣхалъ въ ту деревню, гдѣ жилъ Емеля, то призвалъ къ себѣ старосту и говорилъ ему:

— Я присланъ отъ короля за вашимъ дуракомъ, чтобъ его взять; а ты призови мнѣ тѣхъ, съ кѣмъ онъ живетъ.

Староста тотчасъ побѣжалъ и привелъ его невѣстоку, и посланный отъ короля спрашиваетъ ихъ, что дуракъ любитъ; а невѣстки ему отвѣчали:

— Милостивый государь! нашъ дуракъ любитъ, что ежели станешь его просить неотступно о чемъ, и онъ откажетъ разъ-другой, а въ третій уже не откажетъ и сдѣлаетъ; а не любитъ онъ того, когда съ нимъ грубо поступаютъ.

Посланный отъ короля отпустилъ ихъ и не велѣлъ скзывать Емельѣ, что онъ призывалъ ихъ къ себѣ; послѣ того, накупя изюму, черносливу и винныхъ ягодъ, пошелъ къ дураку и какъ пришелъ въ избу, то подошелъ къ печи и говорилъ:

— Что ты, Емеля, лежишь на печкѣ?

И далъ ему изюму, черносливу и винныхъ ягодъ и говорилъ:

— Поѣдемъ, Емеля, со мною, я тебя отвезу къ королю.

Но дуракъ говорилъ:

— Мнѣ и тутъ тепло.—Ибо онъ ничего, кромѣ тепла, не любилъ.

А посланный началъ его просить:

— Пожалуйста, Емеля, поѣдемъ, тамъ тебѣ будетъ хорошо.

— Да,—говорилъ дуракъ,—я лѣнюсь.

Но посланный сталъ его еще просить:

— Пожалуйста поѣдемъ; тамъ тебѣ король велитъ спитъ красный кафтанъ, красную шапку и красные сапоги.

Дуракъ, услыша, что красный кафтанъ велеть ему спитъ, ежели поѣдетъ, говорить:

— Поѣзжай же ты впередъ, а я за тобой буду.

Посланный не сталъ ему болѣе докучать, отошелъ отъ него и спрашивалъ тихонько у его невѣстокъ:

— Не обманываетъ ли меня дуракъ?

Но онѣ увѣрили, что онъ уже не обманетъ.

Посланный поѣхалъ назадъ, а дуракъ послѣ его полежахъ еще на печи и говорить:

— Ахъ, какъ мнѣ не хочется къ королю ѣхать, но такъ уже и быть!

Потомъ говорилъ:

— Ну-ка, по щучьему велѣнью, а по моему прошенью, поѣзжай-ка, печь, прямо въ городъ.

Тотчасъ изба затрещала, и печь пошла вонъ изъ избы, и какъ сошла со двора, то и поѣхала печь столь шибко, что догнать нельзя. И онъ догналъ еще на дорогѣ того посланнаго, который за нимъ ѣздилъ, а съ нимъ пріѣхалъ и во дворецъ. И какъ король увидѣлъ, что пріѣхалъ дуракъ, то вышелъ со всѣми своими министрами его смотрѣть, и видя, что Емеля пріѣхалъ на печи, весьма король удивлялся, но дуракъ лежалъ и ничего не говорилъ. Потомъ спрашивалъ его король, для чего онъ столько передавалъ народу, какъ ѣздилъ за дровами въ лѣсъ? Но Емеля говорилъ:

— Я чѣмъ виновать, для чего они не посторонились?

И въ это время подошла къ окошку королевская дочь и посмотрѣла на дурака; а Емеля нечаянно взглянулъ на то окошко, въ которое она смотрѣла, и видя ее весьма прекрасною, дуракъ тихонько говорилъ:

— Кабы по щучьему велѣнью, а по моему прошенью, влюбилась эдакая красавица въ меня!

И лишь только сіи слова выговорилъ, то королевна, смотря на него, и влюбилась; а дуракъ послѣ того сказалъ.

— Ну-ка, по щучьему велѣнью, а по моему прошенью, ступай-ка, печь домой!

Въ тотъ часъ печь и поѣхала изъ дворца; и выѣхавъ за городъ, поѣхала домой, а пріѣхавши, печь опять стала на прежнее мѣсто. И Емеля жилъ послѣ того нѣсколько времени благополучно; но въ городѣ у короля происходило другое. Ибо по дураковымъ словамъ королевская дочь влюбилась и стала просить своего отца, чтобъ выдалъ ее за дурака въ замужество. Король за то весьма разсердился на нее и на дурака, и не зналъ, какъ его взять; въ то время доложили королю министры, чтобъ послать того офицера, который и прежде ѣздилъ за Емелей и не умѣлъ его взять, то за вину, что онъ его не взялъ, король по ихъ совѣту приказалъ представить того офицера, и какъ офицеръ предъ нимъ предсталъ, тогда король говорилъ ему:

— Слушай, другъ мой, я тебя прежде послалъ за дуракомъ, но ты его не привезъ; за вину твою посылаю я тебя въ другой разъ, и чтобъ ты привезъ его непременно. Ежели привезешь, то будешь награжденъ, а ежели не привезешь, то будешь наказанъ.

Офицеръ, выслушавъ короля, поѣхалъ немедленно за дуракомъ, и какъ пріѣхалъ въ ту деревню, то призвалъ опять старосту и говорилъ ему:

— Вотъ деньги, искупи все то, что надобно завтра къ обѣду, и позови Емелю; и какъ будетъ онъ у тебя обѣдать, то пой его до тѣхъ поръ, когда ляжетъ здѣсь спать.

Староста, зная, что онъ пріѣхалъ отъ короля, принужденъ былъ его послушаться и, искупивъ все то, позвалъ и дурака. И какъ Емеля сказалъ, что будетъ, то и дождался его офицеръ съ великою радостію; а на другой день пришелъ дуракъ, то и началъ его староста поить и напоилъ его такъ, что Емеля легъ спать; офицеръ, видя, что онъ спитъ, въ тотъ часъ связалъ и приказалъ подать кибитку; и какъ подали, то положили дурака.

Потомъ сѣлъ офицеръ въ кибитку и повезъ его въ городъ. И какъ подѣхалъ онъ къ городу, то повелъ его прямо во дворецъ. Министры доложили королю о пріѣздѣ того офицера, и какъ скоро король услышалъ, то немедленно приказалъ принести большую бочку, и чтобъ набиты были желѣзные обручи, что тотчасъ же и было сдѣлано, и принесена была она бочка къ королю; и король, видя, что все готово, приказалъ посадить въ ту бочку свою дочь и дурака и велѣлъ ихъ засмолить. И какъ ихъ посадили въ бочку и засмолили, то король при себѣ же велѣлъ пустить ту бочку въ море; и по его приказанію немедленно ее пустили. Король возвратился въ свой городъ, а бочка, пущенная по морю, плыла нѣсколько часовъ, и дуракъ во все то время спалъ, а какъ проснулся, и видя, что темно, то спрашивалъ самъ у себя: «Гдѣ я?» Ибо онъ думалъ, что онъ одинъ, но принцесса ему говорила:

— Ты, Емеля, въ бочкѣ, да и я съ тобою посажена.

— А ты кто?—спросилъ дуракъ.

— Я Королевская дочь,—отвѣчала она, и рассказала ему, за что она посажена съ нимъ вмѣстѣ въ бочку. Потомъ просила его, чтобъ онъ освободилъ себя и ее изъ бочки. Но дуракъ говорилъ:

Мнѣ и тутъ тепло.

— Сдѣлай милость, — говорила принцесса, сжался на мои слезы и избавь меня изъ сей бочки.

— Какъ не такъ!—говорилъ Емеля.—Я лѣнюсь.

Принцесса опять его начала просить:

— Сдѣлай милость, Емеля, избавь меня отъ сей бочки и не дай мнѣ умереть.

Дуракъ, будучи тронутъ ея просьбою и слезами, сказалъ ей:

— Хорошо, я для тебя это сдѣлаю.

Послѣ того потихоньку говорилъ:

— По шучьему велѣнію, а по моему прошенію, выкинь-ка ты, море, эту бочку, въ которой мы сидимъ, на сухое мѣсто, только чтобъ поближе къ нашему государству, а ты, бочка, какъ на сухомъ мѣстѣ будешь, то сама и расшибися!

Лишь только успѣлъ дуракъ выговорить сіи слова, какъ море начало волноваться и въ тотъ часъ выкинуло бочку на сухое мѣсто, а бочка сама и разсыпалась. Емеля всталъ и пошелъ съ принцессою по тому мѣсту, куда ихъ выкинуло,

и увидѣлъ дуракъ, что они были на весьма прекрасномъ островѣ, на которомъ было множество разныхъ деревъ со всякими плодами, и принцесса, все то видя, весьма радовалась, что они на такомъ прекрасномъ островѣ, а послѣ того говорила:

— Что жъ, Емеля, гдѣ мы будемъ жить, ибо нѣтъ здѣсь ни шалаша, ничего?

— Но дуракъ говорилъ:

— Вотъ ты ужъ и многого требуешь.

— Сдѣлай милость, Емеля, вели поставить какой нибудь домикъ,—говорила принцесса,—чтобъ можно намъ было во время дождя укрыться.

Ибо принцесса знала, что онъ все можетъ сдѣлать, ежели только захочетъ.

Но дуракъ сказалъ:

— Я лѣнюсь.

Она опять начала его просить, и Емеля, будучи тронута ея просьбою, принужденъ былъ для нея сдѣлать и, отошедъ отъ нея, говорилъ:

— По щучьему велѣнью, а по моему прошенью, будь среди сего острова такой дворецъ, чтобъ вдвое былъ лучше королевскаго, и чтобъ отъ моего дворца былъ хрустальный мостъ, а во дворцѣ чтобъ были разнаго званія люди!

И лишь успѣлъ выговорить сія слова, то въ ту жъ минуту и появились преогромный дворецъ и хрустальный мостъ. Дуракъ взошелъ съ принцессою во дворецъ и увидѣлъ, что въ покояхъ было весьма богатое убранство, и

было множество людей, какъ лакеевъ, такъ и всякихъ разночинцевъ, которые ожидали отъ дурака повелѣнія. Дуракъ, видя, что всѣ были какъ люди, а онъ былъ одинъ только не хорошъ и глупъ, захотѣлъ, чтобъ сдѣлаться получше, и для того говорилъ:

— По щучьему велѣнью, а по моему прошенью, кабы я сдѣлался такой молодецъ, чтобъ мнѣ не было подобнаго и чтобъ былъ я чрезмѣрно уменъ!

И лишь успѣлъ выговорить, то въ ту жъ минуту сдѣлался такъ прекрасенъ, а при томъ и уменъ, что всѣ удивлялись. Послѣ того послалъ Емеля изъ своихъ слугъ къ королю, чтобъ звать его къ себѣ и со всѣми министрами. Посланный отъ Емели поѣхалъ къ королю по тому хрустальному мосту, который сдѣлалъ дуракъ. И какъ пріѣхалъ во дворецъ, то министры представили его предъ короля, и посланный отъ Емели говорилъ:

— Милостивый государь! я присланъ отъ моего господина съ покорностію просить васъ къ себѣ кушать.

Король спрашивалъ:

— Кто таковъ твой господинъ?

Но посланный отвѣчалъ:

Я не могу вамъ сказать, милостивый государь (ибо дуракъ ему не велѣлъ сказывать про себя, кто онъ таковъ), о моемъ господинѣ ничего: а когда вы сами будете кушать, въ то время онъ вамъ и скажетъ о себѣ.

Король, любопытствуя знать, кто прислалъ его звать кушать, сказалъ посланному, что онъ будетъ непременно, и посланный возвратился назадъ. А когда пришелъ тотъ часъ,

то король поѣхалъ со всѣми министрами къ дураку по тому мосту, и какъ пріѣхалъ король во дворецъ, то вышелъ Емеля на встрѣчу королю и принималъ его за бѣлыя руки, цѣловалъ въ сахарныя уста, вводилъ его въ свой бѣлокаменный дворецъ, сажалъ его за столы дубовые, за скатерти бранныя, яства сахарныя, за питья медовыя, и за столомъ король и министры пили, ѣли и веселились. А какъ встали изъ-за стола и сѣли по мѣстамъ, то дуракъ говорилъ королю.

— Милостивый государь! узнаете ли вы меня, кто я таковъ?

И какъ Емеля былъ въ то время въ пребогатомъ платьѣ, а притомъ и лицомъ былъ весьма прекрасенъ, то и нельзя было его узнать, почему король и говорилъ, что онъ не знаетъ. Но дуракъ говорилъ:

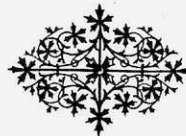
— Помните ли вы, милостивый государь, какъ дуракъ къ вамъ пріѣзжалъ на печи во дворецъ, и вы его, засмоля въ бочку и съ дочерью, пустили въ море? Итакъ узнайте теперь меня, что я тотъ самый Емеля.

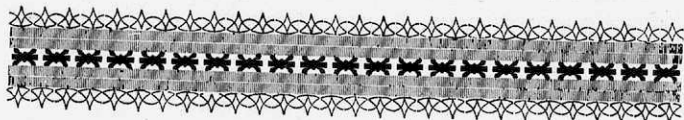
Король, видя его предъ собою, весьма испугался и не зналъ, что дѣлать. А дуракъ въ то время пошелъ за его дочерью и привелъ ее предъ короля. Король, увидя свою дочь, весьма обрадовался и говорилъ дураку:

— Я предъ тобою весьма виноватъ и за то отдаю тебѣ свою дочь въ замужество.

Дуракъ, слыша сіе, съ покорностію благодарилъ короля, и какъ у Емели все было готово къ свадьбѣ, то въ тотъ же день и праздновали ее съ великимъ великолѣпіемъ; а на другой день дуракъ сдѣлалъ великолѣпный пиръ для всѣхъ

министровъ, а для простого народу выставлены были чаны съ разными напитками. И какъ веселіе то отошло, то король отдавалъ ему свое королевство, но онъ не захотѣлъ. Послѣ того король поѣхалъ въ свое королевство, а дуракъ остался въ своемъ дворцѣ и жилъ благополучно.

Ивашка медвѣжье ушко.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ крестьянинъ; у него родился сынъ, у котораго было медвѣжье ухо, почему и названъ онъ былъ Ивашкою-медвѣжьимъ ушкомъ.

Но какъ Ивашка-медвѣжье ушко началъ приходить въ совершенный возрастъ, то сталъ ходить на улицу рогатицу съ ребятами играть; и кого ухватить за руку, то оторветъ руку прочь, кого за голову, то оторветъ голову.

Крестьяне, не стерпя таковыхъ обидъ, начали говорить Ивашкину отцу, чтобы онъ унималъ своего сына или не пускалъ со двора на улицу играть съ ребятами.

Отецъ долгое время бился съ Ивашкою, но види, что сынъ его не унимается, рѣшился его сослать со двора и сказалъ ему:

— Поди отъ меня, куда хочешь, а я тебя держать въ домѣ своемъ не стану; я опасюсь, чтобы мнѣ не навредить отъ тебя какой себѣ бѣды.

Итакъ Ивашка-медвѣжье ушко, простясь съ своимъ отцомъ и матерью, пошелъ путемъ дорогою. Шелъ онъ долгое время, потомъ подошелъ къ лѣсу и увидѣлъ человѣка, копающаго дубовыя пеня. Онъ подошелъ къ нему и спросилъ:

— Добрый человѣкъ, какъ тебя зовутъ?

— Дубынею—отвѣчалъ сей, и они съ нимъ побратались и пошли далѣе.

Подходя же къ каменной горѣ, увидѣли человѣка, копающаго каменную гору, которому сказали:

— Богъ, на помощь тебѣ, добрый молодецъ! Какъ тебя зовутъ?—спросили они.

— Имя мое Горыня,—отвѣчалъ сей.

Они также назвали его своимъ братомъ и предложили ему, чтобы онъ, оставя рыть гору, согласился идти съ ними вмѣстѣ; онъ согласился на ихъ предложеніе, и пошли всѣ трое вмѣстѣ путемъ-дорогою и шли нѣсколько времени.

Идучи по берегу рѣки, увидѣли человѣка сидящаго и имѣющаго превеликіе усы, которыми онъ ловилъ рыбу для своей пищи. Они всѣ трое сказали ему:

— Богъ на помощь тебѣ, братъ, ловить рыбу!

— Спасибо, братцы,—отвѣчалъ онъ.

— Какъ тебя зовутъ?—спросили они.

— Усыня,—отвѣчалъ онъ.

И сего назвали своимъ братомъ, и взяли Усыню съ собою. И такимъ образомъ они всѣ четверо шли долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается; напоследокъ подошли къ лѣсу, увидали избушку на куриныхъ ножкахъ, которая туда и сюда поворачивается.

Они, подошедъ къ ней, сказали:

— Избушка! стань къ лѣсу задомъ, а къ намъ передомъ.

Избушка имъ повиновалась, и взошедъ въ оную, они стали совѣтоваться, какъ имъ жить да быть; потомъ пошли всѣ въ лѣсъ набили дичи и настрепали для себя кушанья.

На другой день оставили Дубыню для страпни, а сами пошли въ лѣсъ для промысла.

Дубыня, приготова кушанья, сѣлъ подъ окошко и дожидая своихъ братьевъ. Въ то самое время пріѣхала баба-яга на желѣзной ступѣ, нестомъ погоняетъ, а языкомъ слѣдъ замечаетъ и, взошедъ въ избушку, говорила:

— Доселева русскаго духу слыхомъ не слыхивала и видомъ не видывала, нынѣ и слышу и вижу.

Оборотясь же къ Дубынѣ, спросила:

— Зачѣмъ ты сюда, Дубыня, пришелъ?

Потомъ зачала его бить и била до полусмерти; потомъ приготовленную пищу всю поѣла, а сама уѣхала.

Какъ пришли товарищи Дубыни съ охоты своей, то требовали отъ него кушанья, и онъ имъ, не объявляя, что его прибила яга-баба, сказалъ, что занемогъ, а потому и ничего не состряпалъ.

Такимъ же образомъ поступила баба-яга съ Горынею и Усынею. Напоследокъ досталось сидѣть дома Ивашкѣ-медвѣжьему ушку; онъ остался, а товарищи пошли на добычу.

Ивашка всего наварила и нажарила; нашедши у бабы-яги кринку меду, сдѣлалъ у печи столбъ, сверху воткнулъ клинъ, а медъ пустилъ по столбу; а самъ сѣлъ на печи и спрятался за оный столбъ, приготовляя три прута желѣзные.

Нѣсколько спустя пріѣхала баба-яга и закричала:

— Доселѣ русскаго духа слыхомъ не слыхивала и видомъ не видывала, а нынѣ и слышу и вижу; зачѣмъ ты, Ивашко-медвѣжье ушко, сюда пришелъ да еще надругался надъ моимъ добромъ?

И начала по столбу лизать языкомъ медъ, а какъ стала доставать языкомъ по трещинѣ, то Ивашка вынулъ изъ столба клинъ, и прищепивъ ей языкъ, вскопчилъ съ печи и до тѣхъ поръ сѣкъ ее тѣми желѣзными прутьями, пока начала она просить, чтобы онъ ее отпустилъ, и обѣщавшись съ нимъ жить мирно и къ нему болѣе не ѣздить.

Ивашка согласился исполнить ея просьбу, освободилъ языкъ и, положи ягу-бабу подъ уголь, самъ сѣлъ подъ окошко, дожидаясь своихъ товарищей, которые вскорѣ пришли и думали, что и съ нимъ такъ же поступила баба-яга. Но, увидя, что у него кушанье все приготовлено, всема сему удивились.

Послѣ обѣда онъ разсказалъ имъ какъ онъ поступилъ съ ягою-бабою, и смѣялся имъ, какъ они сладить не могли съ нею.

Напоследокъ, желая показать избитую ягу-бабу, повелъ ихъ подъ уголь, но уже ея не было; посему они, вознамѣрившись за нею итти слѣдомъ, пришли къ камню, который поднявъ, усмотрѣли глубокую яму и вздумали туда спуститься.

Но какъ никто изъ его товарищей не осмѣлился сего учинить, то согласился Ивашка-медвѣжье ушко; зачали вить веревки, сдѣлали люльку и опустили его въ яму.

Между тѣмъ Ивашка приказалъ имъ дожидаться себя цѣлую недѣлю; и если въ сіе время не получатъ отъ него никакого извѣстія, то бы болѣе не ждали.

— Когда же я буду живъ и потрясу за веревку, — говорилъ онъ, — то вы тащите люльку, если будетъ легко, а когда тяжело, то отрубите, дабы вмѣсто меня не вытащить яги-бабы.

Простясь съ ними, онъ опустился въ ту глубокую подземную пропасть.

Онъ ходилъ тамъ долгое время, наконецъ пришелъ къ одной избушкѣ, въ которую взошедъ, увидѣлъ трехъ прекрасныхъ дѣвицъ, сидящихъ за пядьцами и вышивающихъ золотомъ, а онѣя были дочери яги-бабы; и какъ онѣ увидѣли Ивашку-медвѣжье ушко, то спросили:

— Добрый молодецъ, зачѣмъ ты сюда зашелъ? Здѣсь живетъ наша мать яга-баба, и какъ скоро она сюда придетъ, то уже тебѣ не быть живому, она тебя умертвитъ; но

если ты насъ освободишь изъ сего жилища, то мы тебѣ дадимъ наставленіе, какъ спасти свою жизнь.

Онъ обѣщался ихъ вывести изъ сей пропасти; и они сказали ему, что какъ скоро мать пріѣдетъ, то бросится на него и станетъ съ нимъ драться, но она потомъ устанетъ и побѣжитъ въ погребъ, въ которомъ у нея стоятъ два кувшина съ водою: въ синемъ кувшинѣ сильная вода, а въ бѣломъ — безсильная.

Лишь только дочери яги-бабы окончили свой разговоръ, то услышали, что мать ихъ ѣдетъ на желѣзной ступѣ, пестомъ погоняетъ, а языкомъ слѣдъ заметаеть, и сказали о семъ Ивашкѣ.

Пріѣхавъ же, баба-Яга закричала:

— Доселѣ русскаго духа слыхомъ не слыхала и видомъ не видала, а нынѣ и слышу и вижу; зачѣмъ ты, Ивашка-медвѣжье ушко, пришелъ сюда? Ты и здѣсь уже вздумалъ меня беспокоить.

Бросилась она вдругъ на него и начала драться; долгое время дрались оба и напоследокъ упали на землю.

Баба-яга, полежавъ нѣсколько, вскочила и побѣжала въ погребъ, куда за нею слѣдомъ бросился Ивашка; и она, не раземотря, ухватила бѣлый кувшинъ, а Ивашка — синий, и стали пить; послѣ сего вышли изъ погреба и начали опять драться: Ивашка ее одолѣлъ и, схвати за волосы, билъ бабу-ягу ея же пестомъ.

Она стала просить Ивашку, чтобы онъ помиловалъ ее, обѣщаясь съ нимъ жить мирно, и что сей же часъ выйдетъ

изъ сего мѣста. Ивашка-медвѣжье ушко на сіе согласился и пересталъ бить ягу-бабу.

Какъ скоро она уѣхала, онъ пошелъ къ ея дочерямъ, поблагодарилъ ихъ за наставленіе и сказалъ имъ, чтобы онѣ приготовились къ выходу изъ сего мѣста.

Какъ только онѣ собрались, онъ, подошедъ къ веревкѣ, потрясъ за оную; тотчасъ его товарищи опустили люльку; онъ посадилъ большую сестру и съ нею приказалъ, чтобы ихъ всѣхъ вытаскивали.

Товарищи Иванкины, вытащивъ дѣвицу, удивлялись; но, извѣстясь отъ нея обо всемъ, и прочихъ сестеръ ея перетаскали.

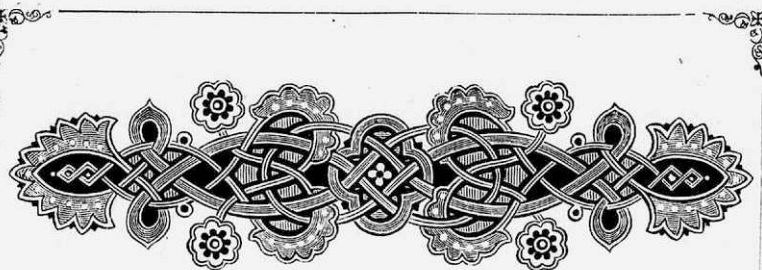
Напоследокъ опустили люльку за Ивашкою, и какъ онъ въ то время накласть въ люльку много платья и денегъ, къ нему же сѣлъ и самъ, то товарищи его, почувствовавъ тяжесть, думали, что сѣла яга-баба, отрубили веревку и тамъ Ивашку оставили. Между тѣмъ, согласились на тѣхъ дѣвицахъ жениться, что исполнить не замедлили.

Между тѣмъ, Ивашка-медвѣжье ушко долго ходилъ по сей пропасти и искалъ выхода; наконецъ, къ счастію, нашелъ въ темномъ мѣстѣ желѣзную дверь, которую отломавъ, шель долгое время въ оной темнотѣ; потомъ вдали увидѣлъ свѣтъ и, шедши прямо на оный, вышелъ изъ пропасти. По семъ вознамѣрился искать своихъ товарищей, которыхъ вскорѣ нашелъ, и они уже всѣ трое поженились. Увидя ихъ, сталъ говорить, для чего они его оставили въ пропасти!

Но товарищи, испугавшись, говорили Ивашкѣ, что

Усыня отрубилъ веревку, котораго Ивашка убилъ, а жену его взялъ за себя, и стали всѣ вмѣстѣ жить поживать, да добра наживать.

Бова Королевичъ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ былъ князь, по имени Гвидонъ. Мудро управлялъ онъ своимъ обширнымъ владѣніемъ, былъ храбръ и въ добавокъ еще обладалъ несмѣтнымъ богатствомъ. Сосѣди князя всѣ уважали его и наперерывъ одинъ передъ другимъ спѣшили предложить ему дружественный союзъ.

Однажды вздумалось ему отправиться въ одинъ изъ сосѣднихъ городовъ, въ которомъ правилъ народомъ Кирбитъ Верзеуловичъ.

Князь Кирбитъ былъ очень радъ дорогому гостю, встрѣтилъ Гвидона у городскихъ воротъ и тотчасъ же пригласилъ

къ себѣ въ теремъ—откушать хлѣба-соли.—Нечего и говорить, что столъ былъ приготовленъ необыкновенно роскошно.—Но, что всего болѣе поразило Гвидона, такъ это красота дочери князя Кирбита Милитрисы Кирбитовны. Увидавъ ее, онъ влюбился въ нее, какъ говорится, по уши и вознамѣрился по чтобы то ни стало взять ее за себя въ замужество. Долго думать онъ не любилъ, а потому, когда вернулся въ свои владѣнія, то ни мало не медля написалъ къ Кирбиту Верзеуловичу письмо, въ которомъ изъявлялъ ему свое желаніе—соединиться бракомъ съ его дочерью.—Письмо это долженъ былъ доставить одинъ изъ приближенныхъ его вельможъ.

Князь Кирбитъ прочелъ письмо Гвидона и съ радостію согласился исполнить его желаніе, но Милитриса Кирбитовна никакъ не хотѣла вступить съ нимъ въ бракъ и только по настоянію отца рѣшилась отдать ему руку. Посолье возвратился къ Гвидону съ благопріятнымъ отвѣтомъ, а вслѣдъ за нимъ прибылъ и великолѣпный поѣздъ невесты, сопровождаемый отцомъ и первѣйшими его вельможами.

Сочетавшись бракомъ, князь Гвидонъ жилъ съ Милитрисой Кирбитовною три года съ половиною и у нихъ, къ общей ихъ радости, родился сынъ, котораго называли Бовою Королевичемъ.

Милитриса Кирбитовна была постоянно окружена всевозможною роскошью... Чего бы ей казалось не доставало?—Всего у ней вдоволь: и нарядовъ дорогихъ и сластей заморскихъ. Словомъ сказать, не успѣетъ она, бывало, глазомъ мигнуть, а ужъ передъ нею все является по ея желанію; грѣшно было сказать и то, чтобы мужъ не любилъ

ее; напротив, онъ самъ не зналъ какъ бы приласкаться къ ней; но на все это Милитриса Кирбитовна смотрѣла съ пренебреженіемъ, не раздѣляла никакихъ удовольствій двора своего. Не могли придумать, чтобы могло быть причиною ея безирестанной грусти.

Разъ, проснувшись ранѣе обыкновеннаго, она позвала къ себѣ преданнаго ей слугу Личарда и голосомъ нѣсколько взволнованнымъ сказала ему:

— Личардъ! Вотъ тебѣ письмо, отвези его къ храброму и сильному князю Додону! но смотри, чтобы оно было непременно передано ему въ руки: если же да ты не исполнишь вѣрно моего порученія, то заплатишь за это свою жизнь.

Личардъ привыкъ уже безпрекословно повиноваться волѣ своей повелительницы, а потому, не мѣшкая ни минуты, сѣвшилъ исполнить въ точности ея приказаніе.

Письмо, которое передала ему Милитриса Кирбитовна, было слѣдующаго содержанія:

«Любезный князь Додонъ!»

«Родителю моему угодно было, совершенно противъ моего желанія, отдать меня замужъ за князя Гвидона. — Находясь въ такомъ непріятномъ положеніи, я рѣшаюсь, наконецъ, просить тебя: — «освободи меня силою своего оружія отъ моего мужа, котораго я ненавижу».

Додонъ, прочитавъ письмо, немедленно приказалъ трубить въ рогъ и сзывать свою дружину на брань. — Живо собралось сорокатысячное войско и ожидало приказанія отъ своего князя. — Додонъ повелъ его къ столичному граду Гвидонову и расположился съ нимъ на лугахъ княжескихъ.

Какъ скоро Милитриса Кирбитовна увидала изъ окна своего терема бѣлѣющіеся на лугахъ шатры и войско Додонovo, въ ту же минуту нарядилась въ самое лучшее платье и веселая вошла къ своему мужу Гвидону.

— Знаешь ли, о чемъ я хочу просить тебя! — сказала она ему съ притворно-ласковою улыбкою.

О чемъ?.. говори!.. будь увѣрена, что я все исполню для тебя, — произнесъ Гвидонъ, обрадованный, что жена его весела и ласкова.

— Вотъ видишь-ли, отвѣчала она, еще болѣе ласкаясь къ своему мужу, — мнѣ захотѣлось мяса дикаго вепря и я желала бы, чтобы ты самъ закололъ его и принесъ ко мнѣ. Ахъ, какъ-бы ты этимъ утѣшилъ меня и свое дѣтище, которое я теперь въ себѣ чувствую.

Ласки жены до того разнѣжили Гвидона, что, въ угожденіе ей, онъ поѣхалъ за городъ; а Милитриса Кирбитовна приказала запереть городскія ворота, поднять подъемные мосты и отнюдь никого не впускать внутрь города; сама же начала внимательно всматриваться въ окно своего терема... Вдругъ видитъ: мужъ ея, преслѣдуемый погонею, обратилъ быстро коня и скачетъ назадъ въ городъ; — вотъ онъ подѣхалъ къ подъемному мосту, на минуту остановился, какъ бы раздумывая что дѣлать, вотъ пустился влѣвъ. — Обезспленный конь его тонетъ: — съ нимъ вмѣстѣ гибнетъ и мужъ ея.

Обрадованная, что коварный замыселъ ея удался, Милитриса Кирбитовна приказала снова отворить городскія ворота и опустить подъемные мосты; въ это же время увѣдомила она князя Додона, что онъ безпрепятственно можетъ

вступитъ въ городъ, сама вышла на встрѣчу ему, взяла его за руку и повела въ свои терема.

Тамъ посадила его за столы дубовые, за скатерти бранныя, предложила ему яства роскошныя, да напитки заморскія.—И начали они пить, ѣсть и сладкія рѣчи вести.

Бова Королевичъ былъ еще ребенкомъ и ничего не понималъ, но, увидѣвъ, что мать его сидитъ съ незнакомымъ ему человекомъ, испугался и съ отвращеніемъ выбѣжалъ изъ терема. Приставленный къ нему дядька Симбальда насилу могъ отыскать его.—И сколько потомъ ни старался Симбальда внушить Бовѣ Королевичу, что онъ не долженъ выходить изъ повиновенія своей родительницы и что всякое неуваженіе его къ князю Додону можетъ быть для него пагубно, все было напрасно: Бова Королевичъ, предчувствуя что-то недоброе, не хотѣлъ и не оказывалъ ни малѣйшей ласки къ своему отчиму. Додонъ замѣчалъ это въ ребенкѣ и, угрызаемый совѣстью, рѣшился къ одному злу присоединить и другое, то есть задумалъ извести совершенно невиннаго младенца.

— И вотъ, разъ призываетъ онъ къ себѣ Милитрису Кирбитовну и говорить ей, что видѣлъ во снѣ, будто бы Бова Королевичъ выѣхалъ на статномъ конѣ и поразилъ его, Додона, копьемъ прямо въ сердце.

Разсказавъ Милитрисѣ Кирбитовнѣ сонъ свой, онъ прибавилъ:

— Я боюсь, чтобъ не случилось со мною на самомъ дѣлѣ, если возрастетъ и возмужаетъ Бова и издумаетъ отмстить мнѣ за смерть своего отца, а чтобъ устранить такую опасность, угрожающую мнѣ въ будущемъ, я прошу тебя предать Бову смерти.

Выслушавъ послѣднія слова, Милитриса Кирбитовна крѣпко призадумалась: жаль ей было погубить свое дѣтище, и вотъ она, ставъ передъ Додономъ на колѣни, предложила ему, что будетъ гораздо лучше—посадить Бову въ темницу и тамъ заставить его умереть голодною смертію.—По крайней мѣрѣ такъ, предложила она, я не буду видѣть его мученій и смерть своего сына перенесу гораздо спокойнѣе. Додонъ согласился съ нею и Бову заперли въ темницу.

Прошло нѣсколько дней.—Милитриса Кирбитовна пошла прогуливаться по широкому двору, окружавшему теремъ княжескій.—На этомъ дворѣ возвышалась башня, а въ ней томился Бова Королевичъ.

Увидавъ изъ темничнаго окна мать свою, онъ сталъ ей жаловаться, что умираетъ съ голоду.

Сонъ ребенка тронулъ материнское сердце Милитрисы Кирбитовны: она быстро возвратилась въ теремъ и приказала своей дѣвкѣ отнести тайно къ Бовѣ нѣсколько кусковъ хлѣба.

Дѣвка-Чернявка подала Бовѣ хлѣбъ и горько прослезилась при видѣ несчастнаго.

Бова Королевичъ благодарилъ ее за участіе и, утоливъ голодъ, принесеннымъ ему хлѣбомъ, просилъ Чернявку, чтобъ она не запирала за собой двери темницы.

Та, сочувствуя его ужасному положенію, сжалилась надъ нимъ и оставила двери отпертыми.

Бова Королевичъ не почелъ за нужное оставаться болѣе въ темницѣ, вышелъ наружу.—Но, опасаясь быть узнаннымъ, онъ спѣшилъ удалиться отъ мѣста своего заключенія,

выступилъ за городъ и продолжалъ путь свой до тѣхъ поръ, пока обезсиленный не упалъ на землю. — Въ это время мимо него проходила шайка подозрительныхъ людей, промышлявшихъ грабжею. Такой прекрасный мальчикъ, какъ Бова Королевичъ, показался имъ выгодною добычею, они взяли его, отвезли къ корабельной пристани, которая находилась по близости и предложили его на продажу корабельщикамъ.

Плѣнясь красотою мальчика, корабельщики охотно купили его.

— Чей ты сынъ? — спросилъ его тогда одинъ изъ корабельщиковъ.

— Отецъ мой музыкантъ, а мать прачка, отвѣчала простодушно Бова. — И самъ сталъ прохаживаться по кораблю и съ любопытствомъ осматривалъ все предметы; потомъ, подкрѣпивъ силы свои сытною пищею, Бова легъ спать.

Корабельщики начали спорить между собою, кому владѣть этимъ мальчикомъ.

Бова прислушался къ ихъ спору, всталъ и отвѣчалъ имъ: — вы спорите кому владѣть мною? Не спорьте, я буду принадлежать и прислуживать всемъ вамъ.

Умный и скромный отвѣтъ очень понравился новымъ хозяевамъ Бовы и за это они еще болѣе полюбили его.

Послѣ долгаго плаванія, корабль присталъ къ одному знаменитому городу, которымъ управлялъ князь Зензевей Андроновичъ.

Какъ только донесли князю Зензевею о прибытіи чужеземнаго корабля, онъ тотчасъ же послалъ вельможъ своихъ

узнать отъ корабельщиковъ, съ какимъ товаромъ они прибыли.

Пришли вельможи на корабль и взглянувъ на Бову, до того очаровались красотою его, что совершенно позабыли о возложенномъ на нихъ порученіи, и когда возвратились къ князю, ни о чемъ болѣе не рассказывали ему, какъ только про прекраснаго мальчика. — Зензевей едва вѣрилъ рассказамъ ихъ и, чтобы удостовѣриться въ истинѣ, пошелъ на корабль самъ. — Но лишь только корабельщики, по его требованію, подвели къ нему Бову, онъ также, какъ и вельможи, изумился красотѣ мальчика и, не входя ни въ какія подробности, настоялъ на томъ, чтобы корабельщики продали его за триста литръ золота.

— Какого ты роду? — спросилъ Зензевей Бову, когда онъ привезъ его къ себѣ во дворецъ.

— Отецъ мой музыкантъ, а мать прачка, отвѣчалъ ему скромно Бова Королевичъ.

— А когда ты простаго рода, сказалъ Зензевей, то будь моимъ старшимъ конюшимъ.

Бова поклонился Зензевею, поблагодарилъ его за милостивое къ нему расположеніе и пошелъ на конюшню.

Въ это время дочь Зензевей Андроновича, прекрасная Дружевна, увидала Бову изъ окна своей комнаты и плѣнилась красотою его и, узнавъ, что ему уже назначена должность конюшаго, стала его упрашивать, чтобы мальчика этого оставили при ней. — Зензевей охотно согласился на ея просьбу, будучи доволенъ тѣмъ, что Бова нравился его дочери точно также, какъ и ему.

Началось для Бовы житье самое пріятное. Всѣ любили и ласкали его, какъ потому, что видѣли расположеніе къ нему князи и его дочери, такъ и за то, что онъ старался всеѣмъ угодить своею кротостію и услужливостію.

Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Бова изъ прекраснаго мальчика сдѣлался красивѣйшимъ въ мірѣ юношею.

Въ это время къ столицѣ Зензевеовой подступилъ съ огромнымъ войскомъ князь Маркобрунъ и требовалъ, чтобы Зензевей отдалъ за него дочь свою, прекрасную Дружевну, въ противномъ же случаѣ грозилъ весь городъ истребить, самого князя въ полонъ взять, а дочь его силою принудить выйти за него замужъ.

Сильно призадумался Зензевей, струсилъ на порядкахъ, но дѣлать нечего; собралъ онъ кое-какъ войско и вышелъ на встрѣчу къ непріятелю. — Началась битва жестокая; съ обѣихъ сторонъ дрались отчаянно; однакоже, какъ храбро не сопротивлялся Зензевей, но долженъ былъ уступить превосходству силъ. Маркобрунъ, одержавъ побѣду, уже готовился вступить въ городъ, чтобы привести въ исполненіе свои угрозы.

Раздосадовалъ Бова, какъ узналъ, что Зензевей проигралъ сраженіе, что войско его бѣжитъ въ безпорядкѣ. Въ первый разъ тутъ онъ почувствовалъ въ себѣ силу богатырскую и крѣпкія руки его какъ бы сами просились поразвѣдаться съ Маркобруномъ. — Минуты были дороги. Онъ пошелъ къ княжнѣ и сказалъ ей:

— Княжна, позволь мнѣ идти сражаться за твоего батюшку; прикажи мнѣ только дать коня и мечъ.

— Какъ это возможно, Бова, возразила Дружевна, — ты

еще очень молодъ, чтобы сражаться съ такимъ сильнымъ непріателемъ. Враги тебя раздавятъ какъ муху... Нѣтъ, нѣтъ, я не пущу тебя на явную смерть...

Но Бова не посмотрѣлъ на запрещеніе княжны, побѣжалъ въ конюшню, выбралъ коня, взялъ метлу и выѣхалъ за городскія ворота. Маркобруновы воины, увидавъ, что противъ нихъ выѣхалъ витязъ въ такомъ возрастѣ и въ добавокъ еще съ метлою въ рукѣ, начали смѣяться надъ нимъ. а Бова, слыша ихъ насмѣшки, пришелъ въ такую ярость и такъ началъ размахивать метлою, что побилъ до двухъ сотъ тысячъ непріателей... Остальные вмѣстѣ съ Маркобруномъ едва спаслись бѣгствомъ.

Дружевна, какъ узнала о подвигахъ своего любимца, не могла нарадоваться на него, а Зензевей не находилъ даже словъ, чтобы достаточно выразить ему свою благодарность.

Черезъ нѣсколько времени къ столицѣ Зензевеи подступилъ новый непріатель — князь Лукоперъ, у котораго голова была съ пивной котель, а между глазъ цѣлая пядень укладывалась.

Снова начались требованія въ замужество княжны Дружевны и повторились угрозы разорить городъ и взять ее силою. — Зензевей и въ этотъ разъ проигралъ битву. — Пришлось опять Бовѣ снаряжаться въ походъ; взялъ онъ коня богатырскаго, да мечъ-кладенецъ, выѣхалъ противъ враговъ и какъ началъ размахивать мечемъ своимъ въ разныя стороны, такъ куда и несмѣтное войско дѣвалось: всѣхъ перебилъ до единого, даже и самъ Лукоперъ съ большой головой своею не избѣгъ смерти.

Подвигъ, совершенный теперь Бовою Королевичемъ, былъ

гораздо важнѣе перваго, а потому, когда онъ подъѣхалъ къ городскимъ воротамъ, жители вышли къ нему на встрѣчу и громкими криками привѣтствовали побѣдителя. На крыльцѣ же дворца княжескаго встрѣтили его самъ Зензевей Андроновичъ съ своею дочерью и со всѣми вельможами. Тутъ Бова соскочилъ съ коня своего и низко раскланявшись, поздравилъ князя съ побѣдою. Зензевей поблагодарилъ Бову за храбрость, пожаловалъ ему чинъ и приказалъ немедленно записать его въ бояре; потомъ онъ взялъ Бову за руку и вмѣстѣ съ нимъ и съ прекрасною Дружевною пошли впереди всѣхъ во дворецъ. Тотчасъ же загремѣла веселая музыка, засвѣтились безчисленными огнями огромныя залы княжескія и полилось рѣкою въ золотыхъ кубкахъ вино драгоцѣнное. Всѣ поздравляли Бову.

Дружевна еще болѣе полюбила его и разъ, бесѣдуя съ нимъ, высказала ему, что никакъ не вѣрить, чтобы онъ могъ быть сынъ простолюдина.

— Да, княжна, отвѣчалъ ей на это Бова, — твое предчувствіе справедливо: я сынъ славнаго Гвидона, а мать моя Милитриса Кирбитовна, дочь знаменитаго князя Кирбита Верзеуловича.

Обрадованная княжна была внѣ себя отъ восторга. Теперь ей не стыдно было оказать своему любимцу ласку и ея сердце могло биться свободнѣй при той страсти, которую она уже питала къ нему.

Казалось, все благопріятствовало Бовѣ: его ожидали и почести и слава, а вдобавокъ и еще любовь княжны Дружевны, которой такъ помогали многіе изъ храбрыхъ и сильныхъ князей. — Но, взамѣнъ всего этого, коварная зависть готовила ему ударъ и ударъ рѣшительный.

— Онъ долженъ непременно погибнуть!

Такъ разсуждалъ одинъ изъ придворныхъ князя Зензе-вея, — и, съ этою цѣлю, изготовивъ подложное письмо, передалъ его Бовѣ и отъ имени князя велѣлъ ему тотчасъ же отвезти пакетъ къ князю Султану Султановичу, отцу убитаго Луконера.

Не подозрѣвая нисколько злодѣйскаго умысла, Бова поспѣшно сѣлъ на коня и отправился по назначенію. Путь былъ не близокъ: солнце сильно палило землю; потъ крупными каплями катился съ лица утомленнаго путника. Ему захотѣлось пить; но куда ни озирался онъ, нигдѣ не было ни одного ручья, изъ котораго могъ бы утолить свою жажду. — Бова поѣхалъ далѣе. Вдругъ видитъ въ сторонѣ дубъ, подъ которымъ стоитъ старикъ и пьетъ изъ кружки воду. — Онъ живо подскакалъ къ нему и спросилъ:

— Кто ты такой, старичекъ?

— Я странникъ, отвѣчалъ тотъ.

— Дѣло похвальное, — замѣтилъ Бова, однако я вижу, что ты пьешь воду, а меня сильно мучитъ жажда: сдѣлай одолженіе, позволь и мнѣ напиться.

— Изволь, я налью тебѣ въ кружку воды, сказалъ странникъ. — Послѣ чего онъ отвернулся, наполнилъ кружку водою и незамѣтно всыпалъ въ воду усыпительнаго порошку. Бова, чувствуя жажду, съ жадностью выпилъ всю воду. Не прошло и двухъ минутъ, какъ его одолѣла сильная дремота, онъ упалъ съ коня и заснулъ крѣпчайшимъ сномъ. — Но каково же было его негодованіе, когда, проснувшись, онъ увидѣлъ, что возлѣ него не было ни меча-кладенца, ни коня

богатырского. Почтенный старикъ, тоже скрывшійся изъ глазъ, лишилъ его того и другого.

— Ахъ, проклятый бродяга, говорилъ въ досадѣ Бова, какую сыгралъ со мною пакостную штуку.

Потужилъ, погоревалъ Бова о своихъ вѣрныхъ товарищахъ, но дѣлать было нечего пошелъ нѣшкомъ. Чрезъ нѣсколько дней, предъ глазами его открылся обширный городъ. Онъ направилъ шаги свои прямо, къ нему и перваго встрѣтившагося ему прохожаго спросилъ:

— Скажи, любезный, какъ называется этотъ городокъ и кому онъ принадлежитъ?

— Онъ принадлежитъ славному и знаменитому князю Султану Султановичу, отвѣчалъ прохожій.

— А! его-то мнѣ и нужно, сказалъ про себя Бова, и пошелъ прямо во дворецъ къ Султану.

Султанъ распечаталъ письмо и вдругъ суровое лицо его побагровѣло. Онъ взглянулъ на Бову съ яростнымъ видомъ и вскричалъ:

— А! это ты, злодѣй, убилъ моего сына Лукопера и побилъ все мое храброе воинство. Хорошо, что ты самъ пришелъ ко мнѣ на смерть. Теперь ты живъ не останешься. — Эй! стража! продолжалъ онъ, захлопавъ въ ладоши.

Стража немедленно явилась.

— Возьмите вотъ этого злодѣя и отведите прямо на висѣлицу, приказалъ Султанъ!

Стража появилась и повели Бову на висѣлицу.

Грустно стало Бовѣ. Онъ никакъ не ожидалъ, чтобы Зензевей, вмѣсто благодарности, отослалъ его на явную смерть.—Но, разсуждалъ Бова, неужели, въ самомъ дѣлѣ, я долженъ погибнуть, какъ преступникъ? И за что же?... За то, что вѣрно служилъ Зензевею, что нѣсколько разъ спасалъ его отъ враговъ... Нѣтъ, этого не будетъ!.. Я не позволю лишиться себя жизни, не предпринявъ ничего къ своей защитѣ.

Въ одно мгновеніе бросился онъ на близъ стоявшаго воина, вырвалъ у него саблю и началъ работать ею направо и налево. Головы летѣли, какъ мячики, трупы ложились, какъ снопы, у ногъ богатыря; многіе были побиты, а другіе отъ страха разбѣжались.

Увидя себя на свободѣ, Бова выбѣжалъ за городъ. Но Султанъ, увѣдомленный о пораженіи своей стражи, приказалъ трубить въ рогъ и со стотысячнымъ войскомъ погнался за Бовою.—Его схватили, и Султанъ сталъ говорить ему.

— Ты хотѣлъ убѣжать отъ казни, но я все таки велю тебя повѣсить.

Бову повели обратно въ городъ и отдали подъ крѣпкую стражу; необыкновенная красота юноши на этотъ разъ спасла его.

У Султана Султановича была дочь, прекрасная Мельчигрія Султановна. Увидя Бову, она влюбилась въ него и ей стало жаль такого красавца. Она пошла къ отцу своему и стала просить его объ оказаніи милости витязю.

— Государь мой батюшка! говорила она, сына своего не воскресить тебѣ, а войска побитаго не воротить; такъ не вели же казнить этого богатыря. Пусть онъ останется между

нами, привыкнуть къ нашимъ обычаямъ и возметь меня за себя въ замужество; такой храбрый и сильный богатырь, какъ онъ, можетъ быть очень полезенъ для нашего отечества.

Выслушавъ слова своей дочери, Султанъ разсудилъ, что въ самомъ дѣлѣ полезно было бы имѣть его зятемъ, а потому приказалъ тотчасъ же освободить Бову. Тогда Мельчигрія призвала его къ себѣ и сказала:

— Изъ сожалѣнія къ тебѣ, я выпросила тебѣ свободу у моего родителя; но за это, въ знакъ благодарности, ты долженъ взять меня за себя замужъ.

Живо тутъ представилась воображенію Бовы княжна Дружевна, и онъ впервые почувствовалъ, что его сердце ни къ кому не могло питать столько страсти, какъ къ ней. Не желая однако же огорчить Мельчигрію, онъ уклончиво отвѣчалъ ей.

— Прекрасная княжна Мельчигрія? Я еще очень молодъ и мнѣ рано думать о женитьбѣ, а потому взять тебя замужъ я не могу.

Оскорбленная дерзкимъ отвѣтомъ, Мельчигрія объявила отцу своему, что рѣшительно отказалась отъ вѣроломнаго богатыря и теперь онъ можетъ поступать съ нимъ, какъ ему угодно.

Разгнѣванный Султанъ приказалъ посадить Бову въ темницу.—Прошло три дня, назначена была казнь заключенному. Воины подошли ужъ къ башнѣ и стали отодвигать тяжелые засовы, которыми были заперты желѣзные двери.

Услышавъ этотъ стукъ, который былъ для него пред-

вѣстникомъ близкой казни, Бова сталъ осматриваться кругомъ и что же? Вдругъ видитъ онъ въ углу темницы мечъ-кладенецъ, точь въ точь какъ тотъ, который былъ похищенъ у него старикомъ. Онъ схватилъ его и приготовился къ оборонѣ.

Между тѣмъ двери темницы отворились и вошли воины, чтобы взять Бову и вести его на казнь. Но онъ не допустилъ до себя дотронуться; взмахнулъ раза два мечемъ и изъ посланныхъ стражей не осталось ни одного, всѣ были убиты; некому было извѣстить Султана о случившемся.

Уложивъ стражу на мѣстѣ, Бова бросился бѣжать за городъ.—Онъ ужъ успѣлъ достигнуть морскаго берега къ корабельной пристани, у которой стоялъ корабль, готовый къ отплытію.—Корабельщики приняли его и подняли всѣ паруса. Корабль поплылъ съ такой быстротою, что и самъ соколъ на всемъ лету не перегналъ бы его.

Черезъ нѣсколько дней плаванія показался вдали берегъ, на которомъ раскинутъ былъ обширный городъ. На встрѣчу попалась имъ рыболовная лодка. Бова подалъ знакъ, чтобы она приблизилась, и спросилъ сидѣвшаго на ней старика:

— Кому принадлежитъ этотъ городъ?

— Князю Маркобруну, отвѣчалъ рыбакъ.

— Маркобруну! воскликнулъ Королевичъ, не тому-ли, что сватался за дочь Зензевя Андроновича?

— Тому самому, и завтрашній день будетъ его свадьба съ прекрасною княжною Дружевною.

Такое неожиданное извѣстіе поразило Бову.—Онъ началъ

упрашивать старика, чтобъ тотъ довезъ его до города. Рыбакъ согласился, и проворно подплылъ съ нимъ къ берегу.

Высадившись изъ лодки, Бова немедленно сталъ пробираться по городу. Его тревожила мысль, какъ могло случиться, что княжна Дружевна согласилась выйти замужъ за Маркобруна.

Въ такихъ-то тяжелыхъ размышленіяхъ онъ продолжалъ путь свой все далѣе и далѣе и вдругъ набрелъ на того самого странника, который увелъ у него коня и унесъ мечъ.—Узнавъ въ немъ похитителя, Бова схватилъ его за воротъ и началъ сильно трясти.

Скажи, бездѣльникъ, куда дѣвалъ ты коня моего и мечъ? заговорилъ онъ.

Почувствовавъ на себѣ богатырскую силу, странникъ отвѣчалъ умоляющимъ голосомъ:

— Не трогай меня, добрый витязь, а прежде выслушай.—Мечъ-кладенецъ ты уже получилъ.

— Какъ онъ очутился въ темницѣ?

— Объ этомъ долго рассказывать, довольно того, что онъ у тебя; коня своего ты тоже получишь, онъ находится въ конюшняхъ Маркобруна и тебѣ только стоитъ подойти къ нимъ и вскрикнуть: гей ты вѣрный конь, стань передо мной, какъ листъ передъ травой, и онъ въ тоже мгновеніе явится къ тебѣ. Въ награду за похищеніе мое я дамъ тебѣ три зелья, которыя имѣютъ чудное дѣйствіе: одно изъ этихъ зелей дѣлаетъ человѣка старикомъ, другое снова обращаетъ его въ молодого, а третье зелье усыпляющее: нужно только дать понюхать и оно наведетъ сонъ ровно на девять дней.

Бова взялъ отъ старика зелья и пошелъ отъ него въ сторону.

Дорогою задумалось ему испытать силу одного зелья; развелъ онъ его въ водѣ, вспрыснулъ на себя и сдѣлался такимъ старикомъ, что, повидимому, малѣйшій вѣтерокъ могъ бы сдунуть его съ ногъ, даже и самый мечъ его кладенецъ и тотъ обратился въ клюку.—Въ такомъ видѣ направилъ онъ шаги свои прямо ко двору Маркобруна.—Въ это время по двору княжескому прогуливалась прекрасная княжна Дружевна. Бова подошелъ къ ней и сказалъ:

— Прекрасная Дружевна Зензевеевна, помоги бѣдному старику, ради Бовы Королевича.

Услыша имя Бовы, Дружевна вдругъ вспыхнула.

— А ты развѣ знаешь его, старикъ? спросила она.

— Какъ же!—отвѣчалъ онъ, мы съ нимъ вмѣстѣ сидѣли въ одной темницѣ и вмѣстѣ убѣжали изъ нея.

Дружевна увела мнимаго старика во внутренніе свои покои и стала разспрашивать его подробнѣе о Бовѣ.

Старикъ высказалъ ей все:—какъ томили Бову въ темницѣ и какъ хотѣли повѣсить его на висѣлицѣ за то, что онъ отвергъ любовь дочери Султана Султановича, прекрасной Мельчигри.—И все это,—добавилъ старикъ,—онъ перенесъ и переноситъ ради любви къ тебѣ, княжна Дружевна.

Дружевна начала плакать только.

— Ахъ, старикъ, если бы я знала, гдѣ онъ находится, то пошла бы къ нему, хоть за тридевять земель, въ тридесятое царство... Съ нимъ только однимъ я могу быть счастлива.

— Если такъ, княжна, — продолжалъ старикъ, — то узнай, что Бова здѣсь, въ городѣ Маркобруна. — Самъ онъ, опасаясь быть узваннымъ, не посмѣлъ сюда придти, а прислалъ меня поразвѣдать: помнишь-ли ты объ немъ.

— Какъ! онъ здѣсь? вскричала обрадованная княжна: такъ пойдемъ же къ нему, старикъ; сегодня я могу убѣжать, завтра должна буду принадлежать другому, ненавидимому мною человеку...

— Позволь, княжна, предложить тебѣ одно средство, которое предохранитъ тебя отъ опасности, въ случаѣ если Маркобруну вздумается послать за тобою погоню; возьми эту баночку: въ ней хранится зелье, имѣющее снотворное дѣйствіе; всыпь зелье хотъ напимѣръ, на руку и дай понюхать Маркобруну. Онъ заснетъ на девять дней, а въ это время ты можешь быть съ своимъ Бовою далеко. Прощай же. Завтра я зайду за тобой.

На другой день старикъ снова подошелъ ко дворцу. Къ нему вышла на встрѣчу Дружевна и, объявивъ, что Маркобрунъ спитъ, наставляла, чтобы онъ поскорѣ вѣлъ ее къ Бовѣ.

— Постой, княжна, — сказалъ ей тогда старикъ, — я только возьму коня своего и мы отправимся. — Княжна осталась одна. А старикъ подошелъ къ княжескимъ конюшнямъ, кликнулъ богатырскаго коня своего, и тотъ въ одинъ мигъ подлетѣлъ къ нему. — Проворно вскочивъ на коня, старикъ подѣхалъ къ княжнѣ, помогъ ей сѣсть съ нимъ рядомъ и быстро они помчались изъ города. — Отѣхавъ недалеко, старикъ слѣзъ съ лошади, вспыснулъ себя водой съ другимъ зельемъ и принявъ настоящій видъ свой Бовы Королевича. Радость и удивленіе Дружевны были до

того велики, что едва вѣрила глазамъ своимъ. Однако же нужно было спѣшить. — И они снова пустились въ путь на богатырскомъ конѣ своемъ.

Поздно проснулся Маркобрунъ; невѣста его была уже обвѣнчана и находилась далеко. Напрасно также онъ приходилъ въ гнѣвъ и посылалъ несмѣтное войско свое въ погоню. — Съ Бовою былъ мечъ-кладенецъ и онъ по прежнему разбилъ всѣхъ до единого.

Поразивъ этого врага, онъ задумалъ расчитаться съ другимъ — съ своимъ отчимомъ — княземъ Додономъ, о которомъ живо теперь помнилъ, какъ о виновникѣ всѣхъ его бѣдствій. — Съ этою цѣлію онъ направилъ путь свой прямо къ столицѣ матери. Додонъ, узнавъ о приближеніи Бовы Королевича, испугался, собралъ огромное войско и выступилъ самъ противъ него. Опять заходилъ мечъ-кладенецъ Бовы-Королевича, снова все поле усыяно было трупами и самъ Додонъ не миновалъ смерти. Послѣ этого онъ уже безпрепятственно вошелъ въ городъ отца своего Гвидона. Милитриса Кирбитовна стала предъ нимъ на колѣни и просила прощенія. Бова Королевичъ приподнял ее и обѣщалъ предать все забвенію. Въ этотъ же день онъ вступилъ на престолъ и вмѣстѣ съ княжною Дружевною до глубокой старости управлялъ своимъ владѣніемъ. Миръ и довольство были всюду.

Лисица и дуракъ.

Въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ мужикъ, и у него было три сына: два-то были умные, а третій дуракъ. И какъ было тогда лѣтнее время, то и было у старика нѣсколько стоговъ сѣна, и какъ онъ былъ очень скупъ, то боялся того, чтобъ не покрали у него сѣна; вздумалъ послать сыновей стеречь оное, то и говорилъ большому сыну: — «Любезный мой сынъ, ты знаешь, что у насъ теперь въ полѣ много въ стогахъ сѣна, но ежели кто-нибудь все это сѣно въ полѣ украдетъ, то что тогда будетъ! И для того прошу тебя, чтобы ты пошелъ въ полѣ и покараулилъ бы сѣно, чтобъ его ночью никто не украсть». Сынъ его отговаривался, и хотя ему очень не хотѣлось идти, но принуж-

денъ былъ слушать своего отца и пошелъ въ поле. И какъ пришелъ къ стогамъ, то во всю ночь караулилъ, чтобъ никто не укралъ сѣна. Потомъ на другой день пошелъ домой, и какъ пришелъ, то сказалъ своему отцу, что все дѣло; и какъ день тотъ прошелъ, то на другую ночь посылалъ старикъ другого, среднего своего сына, и говорить ему: — «Поди, сынокъ, въ поле и покарауй сѣно; вѣдь ты знаешь, что тамъ все наши пожиточки». Сыну хотя весьма не хотѣлось, но принужденъ былъ идти и, дождавшись вечера, пошелъ къ стогамъ и сидѣлъ всю ночь; но какъ у всякаго мужика въ то время свои были покосы, то никто и не думалъ, чтобъ воровать его сѣно. Итакъ поутру на другой день пришелъ сынъ его домой и пересказалъ отцу, что онъ въ полѣ былъ и что сѣно все дѣло. Отецъ его похвалилъ. Потомъ, какъ пришла третья ночь, то старикъ сталъ посылать опять большого сына; но сынъ ему говорилъ: — «Что-жъ, батюшка, мы и работаемъ все, а дуракъ ничего не дѣлаетъ; пускай хотя онъ караулитъ въ полѣ сѣно». Дуракъ говорилъ, сидя на печи: — «Да и вѣдомо; когда и ничего не дѣлаю, такъ хотя пойду за братьевъ-то караулить въ полѣ сѣно». Старикъ закричалъ на него: — «Гдѣ тебѣ, дураку, караулить, иной и тебя украдетъ». А дуракъ говорилъ: — «Нѣтъ, батюшка, я еще лучше умнаго укараулю». Старикъ, сколько ни спорилъ, однако принужденъ былъ послать дурака, потому что онъ самъ просился. И дуракъ пошелъ въ поле, а пришедши, сѣлъ подлѣ стоговъ и смотрѣлъ, не пріѣдетъ ли кто. И надобно думать, что неподалеку отъ тѣхъ стоговъ былъ лѣсъ, ибо увидѣлъ дуракъ, что изъ лѣсу бѣжала лисица и прямо къ его стогамъ, Дуракъ, притаившись, молчалъ, а лисица, ухвати клочокъ сѣна, побѣжала обратно въ лѣсъ. И какъ она ушла, то дуракъ самъ себя говорилъ: — «Я правду батюшкѣ говорилъ, что я

лучше еще умнаго укараю; видишь-ли, братья-то мои ничего не видали, а я уже и увидѣлъ; на я дома-то не скажу до тѣхъ поръ, пока поймаю». Потомъ дуракъ просидѣлъ всю ночь и не видалъ послѣ лисицы никого. А поутру пошелъ домой, и какъ пришелъ, то отецъ его спрашивалъ:—«Что, дуракъ, все ли сѣно цѣло, и былъ ли кто?» Дуракъ отвѣтилъ:—«Нѣтъ, батюшка, не было никого, и сѣно все цѣло». Старикъ, не вѣря ему, пошелъ самъ и осмотрѣлъ все стогъ, и видя, что сѣно цѣло, дурака похвалилъ. А какъ на четвертую ночь надобно было идти къ сѣну опять большому брату, но какъ дураку хотѣлось поймавъ лисицу, то онъ и говоритъ отцу своему:—«Батюшка, пускай братья мои отдыхаютъ, а я пойду караулить сѣно, ибо я ничего не работаю». Послѣ того пошелъ онъ въ поле и сѣлъ у стоговъ, увидалъ опять лисицу, которая ухватила сѣнца клочекъ и побѣжала въ лѣсъ; а послѣ никого уже во всю ночь не видалъ. И поутру пошелъ домой и сказалъ отцу, что все цѣло.

Какъ день прошелъ, а ночь настала, то дуракъ сдѣлалъ силки и пошелъ къ стогаъ и поставилъ тѣ силки въ томъ мѣстѣ, куда лисица прибѣгала; потомъ, какъ уже смерклось, то дуракъ увидѣлъ опять, что бѣжитъ лисица; а онъ притаился и какъ она прибѣжала къ стогаъ, то и попала въ тѣ силки, которые дуракъ поставилъ. И дуракъ увидѣлъ, что лисица попала въ силки, то подошелъ онъ, вынулъ ее и привязалъ подлѣ себя. Лисица стала проситься пускить ее. Дуракъ говорилъ:—«Нѣтъ, я тебя завтра отведу домой и отдамъ тебя батюшкѣ; что онъ захочетъ, то съ тобой и сдѣлаетъ». Лисица говорила дураку:—«Что тебѣ будетъ прибыли, что ты отведешь къ себѣ домой; ежели продадите меня, то немного денегъ возьмете». Но дуракъ былъ неуи-

росимъ; лисица, видя, что никакъ упросить его не можетъ, говорила ему:—«Послушай, дуракъ, отпусти ты меня, я тебя за то сдѣлаю королемъ и женю на царской дочери». Дуракъ, слыша сіе, говорилъ:—«Нѣтъ, лисица, ты меня обманешь». Но лисица увѣряла его, что она въ своемъ общаніи твердо будетъ стоять. Дуракъ, повѣряя ся словамъ, отпустилъ, а она говорила дураку, что на другой день къ вечеру прибѣжитъ. Дуракъ послѣ того просидѣлъ всю ночь, а поутру пошелъ домой, но онъ ничего не сказывалъ. И какъ день прошелъ, то дуракъ къ вечеру пошелъ опять къ стогаъ, а пришедши, сѣлъ и дожидался лисицы, которая и прибѣжала къ нему вскорѣ; поговоря съ нимъ, сказала, что это вѣрно, она свое общаніе не перемѣнитъ. Потомъ говорила ему, чтобъ онъ не называлъ себя Иванушкой-дуракомъ, а называлъ бы Иванушкой-королевичемъ. Послѣ того побѣжалъ опять въ лѣсъ, а дуракъ остался у стоговъ и, просидя всю ночь, поутру пошелъ домой. А лисица какъ у него была, то на другой день бѣжала по лѣсу безъ памяти, а на встрѣчу ей попался медвѣдь, который спрашивалъ:—«Куда ты, лисица, такъ бѣжишь?» Лисица говорила ему:—«Вотъ какъ я для васъ стараюсь и ищу васъ, потому что князь здѣшняго владѣнія дѣлаетъ нынѣшній день великій пиръ и на ономъ пиру хочетъ васъ, медвѣдей, посмотреть». Медвѣдь побѣжалъ по лѣсу и тотчасъ собралъ множество медвѣдей и привелъ къ лисицѣ, а она повела ихъ къ тому князю. И какъ пришли въ городъ, народъ, увидя ихъ, весьма испугался, а медвѣди шли за лисицею весьма смирно и, наконецъ, пришли ко дворцу. Лисица ихъ остановила, а сама пошла въ покой и, взошедъ къ князю, говорила:—«Милостивый государь! красота вашей дочери принудила ѣхать Ивана-королевича изъ дальнихъ государствъ, и онъ, пріѣхавъ въ вашъ городъ, посылаетъ вамъ звѣрей

въ подарокъ и просить, чтобъ отдали дочь свою за него въ замужество». Князь говорилъ, что онъ съ великою радостію отдастъ свою дочь за Ивана-королевича; притомъ сказалъ, что онъ съ великою нетерпѣливостію желаетъ его видѣть. Послѣ того князь приказалъ медвѣдей загнать въ звѣринецъ, а лисица побѣжала къ дураку. И какъ приближала къ тѣмъ стогамъ, то спросила его:—«Тутъ ли ты, дуракъ?» Онъ отвѣчалъ ей, что тутъ. Тогда лисица говорила:—«Слушай, дуракъ: дѣло твое идетъ наладъ, только что-то будетъ мнѣ отъ тебя?» Дуракъ говорилъ:—«Все, что потребуешь». Потомъ лисица, поговоря съ нимъ, побѣжала въ лѣсъ, а на другой день опять бѣжала по лѣсу, и на встрѣчу попался ей волкъ и спрашивалъ:—«Куда ты, лисица, бѣжишь?» На это лисица отвѣчала: «Я васъ, волковъ, ищу, но не могу найти; видите, какъ я объ васъ стараюсь. Князь здѣшняго владѣнія дѣлаетъ нынѣшній день великій пиръ, и при такомъ веселіи хочетъ васъ, волковъ, видѣть». Волкъ, слыша это, побѣжалъ по лѣсу и въ минуту привелъ къ ней пре-большое стадо волковъ; а лисица повела ихъ къ тому князю, и какъ привела ихъ въ городъ, народъ, увидя, весьма испугался, но волки шли за лисцей смирно и никого не трогали. Когда лисица привела ихъ передъ окнами дворца, то велѣла имъ тутъ дожидаться, а сама пошла въ покои и, взойшедъ къ князю, говорила:—«Милостивый государь! Иванъ-королевичъ прислалъ вамъ еще звѣрей въ подарокъ». Князь взглянулъ въ окошко и увидѣлъ множество волковъ, то, обратясь говорилъ лисицѣ, что онъ чрезмѣрно доволенъ Иваномъ-королевичемъ, только сожалѣетъ о томъ, что самъ къ нему не пріѣдетъ. Лисица отвѣчала:—«Милостивый государь, вы принимайте прежде отъ него подарки, а потомъ увидите и самого Ивана - Королевича». Князь приказалъ всѣхъ волковъ загнать въ звѣринецъ. Послѣ

того лисица была у князя во дворцѣ, а на вечеръ побѣжала къ дураку; и какъ приближала къ стогамъ, то спрашивала:—«Тутъ ли, ты, дуракъ?»—«На сіе дуракъ отвѣтствовалъ, что тутъ. Тогда лисица сказала ему:—«Дуракъ, князь отдастъ дочь за тебя съ охотою». Дуракъ сталъ ее благодарить за ея стараніе. Потомъ лисица побѣжала опять въ лѣсъ, а дуракъ, просидя у стоговъ всю ночь, пошелъ домой. Лисица же на другой день бѣжала безъ памяти по лѣсу, и навстрѣчу ей попалась такая же лисица, какъ и она, и спрашивала:—«Куда ты такъ, сестрица, шибко бѣжишь?» На сіе отвѣчала дуракова сваха:—«Видите, какъ я для васъ стараюсь: князь здѣшняго владѣнія дѣлаетъ нынѣшній день великій пиръ, и при такомъ веселіи желаетъ нетерпѣливо видѣть васъ, лисицъ; а какъ я больше бываю въ городѣ, нежели здѣсь въ лѣсу, то мнѣ и препоручена сія коммиссія, и для того поди и собирай всѣхъ лисицъ, которые находятся въ этомъ лѣсу». Лѣсная лисица тотчасъ побѣжала по лѣсу и чрезъ минуту привела множество лисицъ передъ дуракову сваху; а она повела ихъ въ городъ и, приведши ихъ ко дворцу, велѣла имъ себя дожидаться, а сама пошла во дворецъ. И какъ вошла въ тѣ покои, гдѣ былъ князь, то говорила:—«Милостивый государь! Иванъ-королевичъ прислалъ вамъ еще подарокъ; извольте встать и посмотреть». Какъ увидѣлъ князь множество лисицъ, то говорить:—«Любезная лисица, я уже слишкомъ доволенъ Иваномъ-королевичемъ; только сожалѣю о томъ, что онъ самъ не пріѣдетъ во дворецъ». Тогда лисица отвѣчала:—«Милостивый государь! Я скажу вамъ правду, для чего онъ не пріѣдетъ къ вамъ; ибо когда за него многіе короли сватали своихъ дочерей, то онъ всѣмъ отказывалъ; но какъ происшедшая о красотѣ вашей дочери слава дошла, наконецъ, въ то государство, гдѣ былъ Иванъ-королевичъ, то

онъ вздумалъ удостовѣриться, точно ли ваша дочь, такая красавица, какъ о ней говорятъ и притомъ хотѣлъ сдѣлать такъ, чтобъ вы о немъ не знали: и для того, взявъ съ собою одного только слугу и довольное число денегъ, поѣхалъ изъ своего государства и продолжалъ свой путь благополучно; а какъ уже былъ близъ вашего владѣнія, то въ одинъ весьма жаркій день вздумалъ отдохнуть, и увидѣлъ неподалеку отъ той дороги, по которой они ѣхали, лѣсъ. Иванъ-королевичъ поѣхалъ къ тому лѣсу и, пріѣхавъ, слѣзъ съ своего коня и легъ подъ деревомъ отъ жары отдохнуть. Во время же его сна напали на нихъ разбойники, слугу его убили, потому что онъ не спалъ, а Ивана-королевича всего ограбили. И какъ онъ проснулся, то увидѣлъ, что слуга его убитъ; а онъ, будучи ограбленъ, не зналъ что дѣлать; потомъ рѣшился идти въ ваше государство, а пришедши въ вашъ городъ, живетъ теперь въ весьма бѣдномъ состояніи, и въ такомъ видѣ стыдится передъ вами явиться». Потомъ говорила лисица:—«Вотъ вамъ вся исторія Ивана-королевича, для чего онъ къ вамъ не ѣдетъ». Князь, выслушавъ отъ лисицы все, весьма сожалѣлъ, что въ его владѣніи разбойники ограбили Ивана-королевича, а потому говорилъ:—«Ну, любезная лисица, покажи ты теперь намъ, гдѣ живетъ онъ, а я пошлю съ тобой мою придворную карету, также платья и людей, и ты непременно привези его съ собою». Лисица на все согласилась съ охотою. И какъ карета и все было готово, то лисица побѣжала впередъ, а придворная карета ѣхала за нею, и какъ неподалеку былъ городъ отъ той деревни, гдѣ жилъ дуракъ, то и пріѣхали скоро къ тѣмъ стогамъ, гдѣ онъ караулилъ сѣно. Лисица приближала къ нему, и карета остановилась. Потомъ говорила она дураку:—«Милостивый государь Иванъ-королевичъ! Князь здѣшняго владѣнія прислалъ къ вамъ сію

карету, которую вы видите, и просить васъ къ себѣ». Послѣ того начали ему волосы чесать, а потомъ и одѣвать; а какъ совсѣмъ его одѣли, то лисица сѣла съ нимъ вмѣстѣ въ придворную карету и поѣхала въ городъ. Лисица, сидя съ нимъ въ каретѣ, научала его, какъ подойти къ князю, княгинѣ и къ нареченной своей невѣстѣ и какъ ему говорить. Потомъ пріѣхали во дворецъ, и князь вышелъ самъ къ нему на встрѣчу. Дуракъ тотчасъ подошелъ къ князю и говорилъ:—«Милостивый государь! я стыжусь передъ вами явиться въ такомъ состояніи». Но князь прервалъ его рѣчь и говорилъ:—«Не напоминайте о своемъ несчастіи; я уже отъ лисицы все слышалъ». Потомъ повелъ его князь въ покои, и стали разговаривать. Послѣ того, князь велѣлъ позвать дочь свою, которая вскорѣ и вошла въ тѣ покои, гдѣ былъ князь съ дуракомъ. Но мы ужъ будемъ впредъ называть его Иваномъ-королевичемъ. Иванъ-королевичъ всталъ со стула и поклонился весьма учтиво дочери князя, потомъ говорилъ князь своей дочери:—«Любезная дочь, я призвалъ тебя за тѣмъ, чтобъ объявить тебѣ счастье: Иванъ-королевичъ дѣлаетъ намъ великую честь и хочетъ взять тебя въ замужество; согласна ли ты?» А какъ онъ былъ собой недурень, то дочь его безъ всякаго отвращенія согласилась. Князь на другой же день праздновалъ ихъ свадьбу съ великимъ торжествомъ, а послѣ того отвелъ ихъ въ своемъ дворцѣ покои, гдѣ они и жили благополучно, провожая дни свои въ великомъ веселіи. И какъ уже прошло тому нѣсколько мѣсяцевъ, какъ Иванъ-королевичъ жилъ съ своею супругою у князя, то въ одинъ день говорила ему лисица:—«А что-жь, ты не думаешь ѣхать въ свое государство?» Онъ отвѣчалъ ей:—«Любезная лисица, гдѣ мое государство? Ты знаешь сама, что у меня не только цѣлаго государства, но даже двора нѣтъ, и куда я поѣду?» Но лисица гово-

рила: — «Такъ какъ я обѣщала сдѣлать тебя королемъ, то я хочу свое обѣщаніе исполнить въ завтрашній день. Скажи князю и княгинѣ, что ты намѣренъ ѣхать въ свое государство, а притомъ проси и ихъ, чтобъ поѣхали съ тобой и посмотрѣли твое государство. Иванъ-королевичъ, на другой день, войдя къ князю и княгинѣ въ покой, говорилъ:—«Милостивый государь! я у васъ живу нѣсколько уже мѣсяцевъ въ городѣ, а теперь имѣю намѣреніе ѣхать въ свое государство, то прошу васъ, пожалуйста, поѣхать со мною вмѣстѣ и посмотрѣть мое государство». Князь и княгиня съ охотою на сіе согласились и велѣли приготовить все нужное къ сему путешествію. Потомъ, какъ все приготовили, и сказали князю, княгинѣ и Ивану-королевичу. При отъѣздѣ своемъ, князь сдѣлать у себя великій пиръ, на которомъ множество было министровъ, и онъ, выбравъ изъ нихъ одного, препоручилъ ему правленіе своего владѣнія; а послѣ того отправились благополучно. Лисица же поѣхала впередъ и велѣла всѣмъ за собой ѣхать. И такъ ѣхали они, долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, скоро сказка сказывается, а не скоро дѣло дѣлается. Потомъ, какъ лисица бѣжала впереди, то и увидала, что пасутъ пастухи стадо рогатаго скота. Увидѣвъ сіе лисица подбѣжала къ нимъ и спрашивала:—«Какого вы государства?» Пастухи отвѣтствовали, что они Расимскаго государства. Потомъ лисица спрашивала, кто у нихъ король, на что пастухи отвѣчали, что король у нихъ Ригенъ. Тогда лисица говорила имъ:—«Слушайте вы, пастухи: ежели вы скажете еще кому-нибудь, что король у васъ Ригенъ, то за мною ѣдетъ Иванъ-королевичъ, сильный богатырь, который васъ всѣхъ до смерти убьетъ». Пастухи, слыша отъ нея такія рѣчи, весьма испугались и просили ее, чтобъ она сказала, какъ имъ сказываться. Лисица же говорила:—«Когда вы увидите ѣдущихъ мимо васъ пре-

множество каретъ, и ежели станутъ васъ спрашивать, коего вы государства, то вы скажите, что вы Расимскаго государства, славнаго богатыря Ивана-королевича; да помните же, а ежели вы скажите, что король у васъ Ригенъ, то тутъ же всѣхъ и изрубятъ». Потомъ подбѣжала отъ нихъ въ свой путь. Вскорѣ послѣ нея увидѣли пастухи ѣдущихъ множество каретъ, и какъ скоро подѣхали къ пастухамъ, то князь, увидя столько рогатаго скота и желая знать, коего они государства, приказалъ остановиться каретѣ и велѣлъ кликнуть пастуховъ, а какъ пастухи подошли къ каретѣ, то князь спросилъ ихъ:—«Котораго вы государства?» Пастухи отвѣтствовали:—«Милостивый государь! мы Расимскаго государства, славнаго богатыря Ивана-королевича. А онъ, слыша, что его называютъ, говорилъ: -- «Такъ, это точно мое государство». Потомъ поѣхали далѣе за лисицей, и князь удивился такимъ прекраснымъ лугамъ. А лисица увидѣла еще пастуховъ, которые пасли безчисленное множество лошадей; лисица подбѣжала къ нимъ и спрашивала:—«Котораго вы государства?» Пастухи отвѣчали, что Расимскаго государства, славнаго короля Ригена. Тогда лисица говорила:—«Слушайте, пастухи: позади меня ѣдетъ сильный, могучій богатырь Иванъ-королевичъ, и ежели васъ спросить, коего вы государства, то вы скажите, что Расимскаго, славнаго короля Ивана-королевича, а своего короля отнюдь не упоминайте, а коль скоро помяните, то онъ васъ всѣхъ велитъ перерубить». Пастухи, убоявшись ея рѣчей, обѣщались такъ сказать, какъ она имъ велѣла. Лисица подбѣжала отъ нихъ, а вскорѣ послѣ нея пріѣхалъ Иванъ-королевичъ съ княземъ и со всѣми министрами. Князь, увидя столько лошадей, захотѣлъ знать, котораго государства и, призвавъ пастуховъ, спрашивалъ ихъ:—«Какого вы государства!» Но какъ они были научены лисицею, какъ имъ говорить, то

отвѣчали: — «Милостивый государь! мы государства Расимскаго, славнаго богатыря Ивана-королевича». Князь, обратясь, говорилъ. — «Ну, любезный зять, надобно признаться, что мое владѣніе ничто противъ твоего государства». Потомъ поѣхали за лисицею въ путь, а лисица, увиди городъ, побѣжала прямо во дворецъ; и какъ вбѣжала въ тѣ покои, гдѣ былъ король Ригенъ, ибо это точно его владѣніе, и какъ увидѣлъ Ригенъ лисицу, то спрашивалъ ее, зачѣмъ она пришла? А лисица, притворяясь, будто испугалась, говорила королю: — «Ахъ, милостивый государь! Спрячьтесь вы въ потайное мѣсто, чтобъ васъ не могли найти, ибо ѣдетъ въ ваше государство сильный, могучій богатырь Иванъ-королевичъ и хочетъ васъ изрубить». Король, испугавшись, не зналъ что дѣлать, потомъ говорилъ: — «Любезная лисица, я лучше его встрѣчу со всеми моими министрами». Но лисица говорила: — «Ахъ! лучше и не кажитесь и поскорѣ спрячьтесь, ибо онъ уже недалеко отъ вашего города, а министрамъ прикажите, чтобъ его встрѣтили какъ возможно лучше и называли бы его своимъ королемъ, также и по всему городу публикуйте, чтобъ называли его королемъ, а о васъ, чтобъ и не поминали; и хотя онъ пріѣдетъ, но какъ все будетъ въ угоду его сдѣлано, и васъ онъ не найдетъ, то и выйдеть изъ вашего города благополучно». Король Ригенъ приказалъ публиковать всему народу, чтобъ называли Ивана-богатыря королемъ, а его не поминали; министрамъ же своимъ приказалъ, чтобъ какъ возможно лучше встрѣтить Ивана-королевича. Потомъ говорилъ король: — «А я, любезная лисица, спрячусь вотъ въ этотъ дубъ». Ибо передъ окнами его дворца поставленъ былъ дубъ, но верхушка была съ него срублена и въ немъ было пусто, и потому называлось оно дупломъ. Лисица ему сказала, что очень хорошо. И король спрятался въ то дупло.

А лисица послала Ивану-королевичу навстрѣчу многихъ министровъ. И какъ скоро вѣхалъ онъ въ городъ, то встрѣтили его все министры, потомъ препроводили его во дворецъ; и какъ взшелъ Иванъ-королевичъ въ покои съ княземъ, то князь удивился убранству покоевъ. Потомъ весь день препроводили въ веселіи. И какъ на другой день сдѣлали великій пиръ, то лисица отвела Ивана-королевича въ особливныя комнаты и говорила ему: — «Слушай: прежде прикажи это дупло прострѣлить, которое стоитъ предъ окнами дворца, а потомъ уже веселись. Иванъ-королевичъ, по наученію лисицы, вышелъ къ министрамъ и говорилъ: — «Мнѣ кажется, что это дупло стоитъ не у мѣста; однако, я хочу видѣть, пролетитъ ли сквозь него изъ ружья выпаленная пуля». Министры, хотя знали, что тамъ находился ихъ король, но застрашены были отъ лисицы, что онъ имѣлъ великую силу, то и не смѣли ему ничего говорить, и по приказанію его прострѣлили то дупло нѣсколько разъ, а въ немъ убили и расимскаго короля Ригена. Послѣ того день тотъ веселились; какъ ночь наступила, то лисица велѣла то дупло срубить и тайно похоронить короля. По смерти его Иванъ-королевичъ сдѣлался настоящимъ королемъ и для того сдѣлалъ великій пиръ и многихъ министровъ награждалъ деньгами, а кого чинами. Потомъ веселились нѣсколько мѣсяцевъ, и послѣ того веселья князь поѣхалъ въ свое владѣніе, а Иванъ-королевичъ остался въ своемъ Расимскомъ государствѣ, жилъ благополучно съ супругою своею, проводили дни свои въ веселіи; а лисица жила уже остальное время въ покоѣ за свои услуги.

Ерусланъ Лазаревичъ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ князь Картаусъ. Много было роскоши при дворѣ его, много находилось также сильныхъ и могучихъ богатырей, но славнѣе ихъ всѣхъ былъ храбрый и могучій витязь Лазарь Лазаревичъ. Въ молодости своей удивлялъ онъ всѣхъ своею молодецкою удалею, а въ ратномъ дѣлѣ не находилъ себѣ ни соперниковъ ни поборниковъ. Жилъ онъ въ любви и согласіи съ супругою своею Епистимією. Всего у нихъ было вдоволь: и почестей и богатства разнаго; не доставало одного только наслѣдника-сына, которому они могли-бы передать всѣ свои сокровища. Сильно горевалъ объ этомъ Лазарь Лазаревичъ, но счастье и тутъ не отказалось послу-

жить ему. Епистимія, наконецъ, родила сына, котораго называли Ерусланомъ. Само собою разумѣется, что отецъ и мать были необыкновенно обрадованы этимъ событіемъ и, исполнѣ довольные судьбою, задали такой пиръ, которому подобнаго и старики не запомнятъ.

Уродился Ерусланъ Лазаревичъ и пригожъ и красивъ собою, точъ въ точъ какъ былъ юношею отецъ его Лазарь Лазаревичъ; необыкновенна была также сила его. Такъ, будучи пятнадцати лѣтъ, поидеть онъ, бывало, на княжескій лугъ заповѣднй, встрѣтитъ тамъ дѣтей боярскихъ, да станеть съ ними разныя шутки шутить: кого ухватить за ногу—у того нога прочъ, а кого ухватить за голову—такъ тотъ безъ головы стоять. Плачетъ сынъ боярскій, бѣжитъ къ отцу своему жалуется на Еруслана.

Не понутру пришлась боярамъ потѣха эта, пошли они къ Картаусу и, представъ предъ его свѣтлыя очи, проговорили:

— Батюшка нашъ, князь, Картаусъ! не вели казнить, а позволь намъ слово вымолвить, — сильно обижаетъ насъ сынокъ Лазаря Лазаревича: онъ какъ ухватить кого изъ дѣтей нашихъ за руку — у того руки нѣтъ, а кого ухватить за ногу—у того нога прочъ; а коли схватить кого за голову, тотъ домой безъ головы бѣжитъ.

Князь Картаусъ, выслушавъ жалобу бояръ, тотчасъ же послалъ за Лазаремъ Лазаревичемъ. Явился Лазарь Лазаревичъ, и Картаусъ сталъ говорить ему:

— Послушай, Лазарь Лазаревичъ, вотъ бояре пришли ко мнѣ жаловаться на твоего сына Еруслана и просятъ, чтобы я выселялъ его изъ города за то, что онъ нехорошіе строи-

шутки надъ ихъ дѣтьми боярскими, почти всѣхъ ихъ изуродоваль: кого безъ ноги, а то такъ нѣкоторыхъ и безъ головы пустиль по свѣту. Не любы эти шутки боярамъ моимъ, да и мнѣ не больно нравятся. А чтобы Ерусланъ твой не забавлялся такъ, вывези его куда знаешь изъ столицы моей, чтобъ его тутъ и духу не было.

Лазарь Лазаревичъ, услыша такіа слова, низко поклонился князю и пошелъ на свой широкій дворъ. Какъ разъ на встрѣчу ему Ерусланъ Лазаревичъ.

— Что такъ пригорюнился, любезный батюшка?—спрашиваетъ онъ отца своего.—Иль услыхалъ отъ князя что недоброе?

— Ахъ, ты, любимое мое дитятко,—говоритъ Лазарь Лазаревичъ,—какъ-же мнѣ не кручиниться: князь Картаусъ приказалъ мнѣ вывезти тебя изъ города, чтобы ты не шутилъ больше съ дѣтьми боярскими.

Усмѣхнулся Ерусланъ, услыша такіа слова отъ отца своего, да и отвѣчаетъ ему:

— Государь ты мой батюшка, Лазарь Лазаревичъ! Да объ этомъ не только кручиниться, даже и думать-то нечего! —Отпусти меня по бѣлому свѣту постранствовать; недаромъ же природа дала мнѣ силу богатырскую, недаромъ же кипить въ груди моей удалъ молодецкая.

Грустно было разставаться съ нимъ отцу и матери, но дѣлать нечего: они покорились необходимости и, скрѣпя сердце, стали снаряжать сына своего Еруслана въ путь дороженьку.

Выѣхалъ Ерусланъ Лазаревичъ на другой день рано изъ

города, взявъ съ собою только кличу коростовую да захватилъ еще сѣдельце черкасское, уздечку тесмяную, войлочекъ косящатый да плетку ременную. Ъхалъ онъ мѣсяцъ, другой и третій и вдругъ видитъ: дорога сдѣлалась такъ узка, что коню нельзя было пройти по ней.

— Какъ тутъ быть?—разсуждалъ онъ.—Неужели придется назадъ воротиться?

Въ недоумѣніи находился Ерусланъ Лазаревичъ и задумался такъ крѣпко, что не слыхалъ, какъ подокакалъ къ нему старъ-человѣкъ, на сивомъ конѣ.

— Здравствуй, государь мой, Ерусланъ Лазаревичъ,—сказалъ онъ:—какими судьбами занесло тебя въ такую дикую глушь?

Встребенулся тутъ Ерусланъ Лазаревичъ и обрадованный, что встрѣтилъ живое существо, спросилъ старъ-человѣка:

— Скажи мнѣ, старинушка, кто ты такой и почему ты знаешь меня?

— Я—Ивашка, искусный стрѣлокъ и могучій богатырь,—отвѣчалъ ему старъ-человѣкъ;—я знаю тебя потому, что старый слуга отца твоего, стерегу табуны коней на западныхъ лугахъ его и вотъ ужъ тридцать пять лѣтъ какъ исправляю эту должность. Такъ какъ же мнѣ не знать тебя!

Выслушавъ старъ-человѣка, Ерусланъ Лазаревичъ рассказалъ и ему также, что не по охотѣ странствуетъ, а по неволѣ, и жалѣлъ только объ одномъ: что нѣтъ коня у него богатырскаго.

— Не тужи, Ерусланъ Лазаревичъ,—сказалъ ему тогда

старь-человѣкъ,—я могу помочь твоему горю: въ табунѣ у меня есть такой конь, какого еще свѣтъ не привидывалъ; не знаю только—подъ силу ли придется тебѣ, а если упи-дишь на немъ, то пожалуй, бери его.

Ерусланъ Лазаревичъ благодарилъ старь-человѣка за предложеніе и сталъ убѣдительно просить его о конѣ богатырскомъ. Привелъ Иванушка коня. Сѣлъ на него Ерусланъ Лазаревичъ и души въ себѣ не слышалъ отъ радости; а ретивый конь играть подъ нимъ, какъ бы чуя на себѣ сѣдока могучаго.

Разстался тутъ Ерусланъ Лазаревичъ съ старь-человѣкомъ и поѣхалъ далѣе въ путь-дороженьку.

Бѣжалъ онъ мѣсяцъ, другой и третій, и наѣхалъ, наконецъ, на рать-силу великую, всю побитую.

Обширное поле устлано было человѣческими и конскими трупами; шлемы, конья и мечи валялись между побитыми воинами.

Ужаснулся Ерусланъ Лазаревичъ при видѣ такого множества обезображенныхъ труповъ и воскликнулъ:

— Есть ли кто живой?

Мертвое молчаніе было отвѣтомъ на его зовъ. Онъ опять повторилъ тотъ же вопросъ.

— Тогда одинъ воинъ всталъ съ ратнаго поля и сказалъ:

— Государь Ерусланъ Лазаревичъ! кого ты спрашиваешь и что тебѣ надобно!

— Я хочу знать,—отвѣчалъ Ерусланъ Лазаревичъ,—кто побилъ эту рать силу великую?

— Иванъ, русскій богатырь,—сказалъ воинъ.

Ерусланъ Лазаревичъ припори́лъ тутъ коня своего и пустился слѣдомъ за Иваномъ, русскимъ богатыремъ.

Бѣжалъ онъ мѣсяцъ, другой, третій и наѣхалъ на поле, на бѣлы шатеръ; у шатра у того стоялъ добрый конь, бѣлы пшеницу бѣлоярую.

Ерусланъ слѣзъ съ коня своего и поставилъ его рядомъ съ чужимъ конемъ, а самъ вошелъ въ бѣлы шатеръ и видѣлъ: спитъ крѣпкимъ сномъ добрый молодецъ.

Жаль ему стало будить его; прилегъ онъ на другомъ концѣ шатра, да и самъ заснулъ крѣпчайшимъ сномъ.

Вскорѣ проснулся Иванъ-богатырь, смотритъ: въ шатрѣ у него спитъ незванный и непрошенный витязь. Разсердился тутъ онъ не на шутку на невѣжество посѣтителя, пришелъ въ гнѣвъ и отъ того, что чужой конь бѣлы пшеницу его бѣлоярую.

Проснулся наконецъ, и Ерусланъ Лазаревичъ, подошелъ къ нему Иванъ-богатырь, да и говорить:

— Не честь тебѣ, доброму молодцу, не спросясь входить въ чужой шатеръ; не честь тебѣ также кормить коня своего чужой пшеничной бѣлоярой! Знай, не прощу тебѣ за невѣжество; а напередъ скажи, кто ты такой и откуда, то есть изъ какого царства ѣдешь.

— Я изъ царства Картаусова, отца моего зовутъ Лазарь Лазаревичъ, а мать мою Епистимію, самого же меня называютъ Ерусланъ Лазаревичемъ. Напрасно, Иванъ-бога-

тырь, ты обращаешься ко мнѣ съ угрозою; ссориться съ тобою я не намѣренъ, а отъ брани не прочь,—выйдемъ хоть сейчасъ на ратное поле.

И вотъ оба богатыря разѣхались другъ противъ друга, обернувъ коня тупымъ концомъ, и нанесли ударъ одинъ другому въ ретивое сердце съ такой силой, что у обоихъ искры изъ глазъ посыпались. Къ великому удивленію Ивана-богатыря, Ерусланъ Лазаревичъ даже не покачнулся на сѣдлѣ отъ нанесеннаго ему удара, между тѣмъ какъ онъ самъ не могъ удержаться—и упалъ, а конь Еруслана Лазаревича притиснулъ его копытомъ къ сырой землѣ.

— Ну, Иванъ-богатырь,—сказалъ Ерусланъ, чего ты теперь желаешь: живота или смерти?

— Взмилуйся, Ерусланъ Лазаревичъ!—заговорилъ вдругъ смиреннымъ голосомъ Иванъ-богатырь,—не предавай смерти. И если ужъ ты превзошелъ меня могуществомъ, то будь моимъ старшимъ братомъ.

Ерусланъ Лазаревичъ вспомнилъ тутъ пословицу: «Лежачаго не бьютъ», слѣзъ съ добраго коня своего, поднялъ Ивана-богатыря, дружески обнялъ его и назвалъ своимъ милымъ братомъ. Потомъ отправились они къ бѣлому шатру, поставили коней своихъ къ одному корму, а сами вошли въ шатеръ, начали пить, ѣсть и прохладжаться.

Попировавъ на порядкахъ у Ивана-богатыря, Ерусланъ, наконецъ, простился съ своимъ названнымъ братомъ и оба они разѣхались въ разные стороны.

Взгрустнулось что-то дорогою Еруслану Лазаревичу по своей родинѣ, и вотъ онъ поворотилъ коня своего и поска-

калъ прямо къ отцу и матери, чтобы провѣдать о нихъ—живы ли они, здоровы ли.

Сидитъ Лазарь Лазаревичъ у окна своего терема. Великая грусть выражается на лицѣ его; поникъ онъ головой и крѣпкую думу думаетъ. Но вдругъ слышитъ кто-то скачетъ по широкому двору его; смотритъ—и едва вѣрить глазамъ своимъ: скачетъ дорогой сынъ его Ерусланъ Лазаревичъ... Отъ радости старикъ чуть не прыгаетъ, кличетъ жену свою Епистимію, и оба спѣшатъ навстрѣчу неожиданному гостю. Входитъ Ерусланъ Лазаревичъ въ свѣтлицу и обнимаетъ своихъ родителей.

— Здравствуй, — говоритъ, — государь мой батюшка, Лазарь Лазаревичъ! Какъ тебя, государя моего, Богъ милуетъ? Да что ты какъ будто прикручинился?

— Ахъ, ты, мое дитятко дорогое!—воскликнулъ Лазарь Лазаревичъ,—какъ красное солнышко обогрѣлъ ты меня на старости лѣтъ. А кручинюсь я потому, что подошелъ подѣ царство наше князь Данила Бѣлый, и войска съ нимъ несмѣтное количество. Онъ похваляется все наше царство покорить, а князя нашего Картауса, меня и богатырей нашихъ въ полонъ взять и въ свою землю отвести.

— Не кручинься же такъ, государь мой батюшка, Лазарь Лазаревичъ, — говоритъ Ерусланъ отцу своему, — дай мнѣ крѣпкій щитъ да копье булатное, такъ я одинъ угоноу и князя Данилу Бѣлаго и все его войско несмѣтное.

Лазарь Лазаревичъ сталъ тутъ уговаривать Еруслана, чтобы не пускался на такое опасное дѣло, но какъ увидѣлъ, что онъ и не думаетъ отказаться отъ своего намѣренія,

передалъ ему мечъ свой и копье булатное и отпустилъ его противъ врага сильнаго.

Подобно какъ орелъ устремляется на свою добычу, такъ и Ерусланъ Лазаревичъ стремглавъ налетѣлъ, поражая силу великую князя Даниила Бѣлаго: онъ не столько копьемъ билъ, сколько коземъ топталъ, и въ короткое время всю перебилъ силу вражью, а самого князя Данилу Бѣлаго въ полонъ взялъ. Но Данила Бѣлый началъ упрашивать Еруслана, чтобы онъ возвратилъ ему свободу, и далъ ему клятву никогда больше не ходить войною на царство Картауса.

Взмилосердился надъ плѣнникомъ Ерусланъ, повѣрилъ его клятвѣ и отпустилъ Данилу Бѣлаго, а самъ поѣхалъ въ свой городъ, гдѣ въ самыхъ городскихъ воротахъ встрѣтилъ его самъ владѣтельный князь Картаусъ, со всѣми своими богатырями. Князь похвалилъ Еруслана за совершенный имъ подвигъ и въ благодарность предлагалъ ему около себя мѣсто, но Ерусланъ Лазаревичъ высказалъ Картаусу, что привыкъ уже гулять по чистому полю и что опять желаетъ странствовать по бѣлому свѣту. Отецъ и мать стали уговаривать его остаться съ ними, но не тутъ-то было! Ерусланъ Лазаревичъ настоялъ на своемъ и снова сталъ готовиться въ путь-дороженьку. И вотъ ѣдетъ онъ путемъ дорогою мѣсяцъ и другой и третій, и наѣхалъ въ чистомъ полѣ на бѣлъ-шатеръ; а сидѣли въ немъ три дѣвицы, три предивныя красавицы. Отличались онѣ всѣ необыкновенной скромностью и были рукодѣльницы.

Ерусланъ Лазаревичъ слѣзъ съ коня своего богатырскаго, вошелъ въ полотняный бѣлъ-шатеръ. Красота дѣвицъ поразила его, разыгралась въ немъ кровь молодецкая. Подошелъ

тогда онъ къ старшей красавицѣ, взялъ ее за руку бѣлую, лилейную, смотреть ей въ очи, что блестятъ, какъ будто двѣ звѣздочки, да и промолвилъ своимъ голосомъ ласковымъ:

— Милая и прекрасная Придора Григоровна! есть ли на свѣтѣ кто тебя краше, а меня храбрѣе?

— Государь мой Ерусланъ Лазаревичъ! — отвѣчала ему Придора Григоровна съ пріятной улыбкой, — что я за пригожая? Вотъ въ городѣ Дебри, у князя Вахрамѣя, есть дочь Анастасія Вахрамѣевна, такъ та истинно что чудо, какого еще свѣтъ не видывалъ; да еще есть подъ Индѣйскимъ царствомъ, у князя Далмата, богатырь, по прозванію Ивашка Бѣлая епанча, Сорочинская шапка. Онъ стережетъ Индѣйское царство тридцать-три года и такъ могучъ и силенъ, что мимо его никакой еще человѣкъ не прохаживалъ, ни звѣрь не прорыскивалъ и птица не пролетывала. Вотъ такъ богатырь! А ты что еще за храбръ? О твоей храбрости и слышно не было!

Вышелъ Ерусланъ Лазаревичъ изъ бѣлъ-полотнянаго шатра, сѣлъ на коня своего богатырскаго и помчался въ путь-дороженьку. Скачетъ онъ мѣсяцъ, другой и третій и видитъ къ чистомъ полѣ Ивашку, по прозванію Бѣлая епанча, Сорочинская шапка.

— Что спишь стоя? — закричалъ на него Ерусланъ и ударилъ его по шапкѣ плетью.

— А ты кто таковъ, — заговорилъ Ивашка, — что, ни спросясь меня, хочешь проѣхать въ Индѣйское царство? Мимо меня здѣсь еще никакой богатырь не проѣзживалъ, ни звѣрь не прорыскивалъ, ни птица не пролетывала. Ну,

да что долго толковать о пустяках! Поѣдемъ-ка въ чистое поле да попробуемъ нашу крѣпость могучую.

Сразились богатыри. Ерусланъ вышибъ Ивашку изъ сѣдла, и богатырский конь его наступилъ ему на горло и притиснулъ къ землѣ.

— Ну, что, Ивашка, хочешь: живота или смерти?

— Возмилуйся, Ерусланъ Лазаревичъ!—стонеть Ивашка, —не предавай смерти, а позволь пожить.

Но Ерусланъ Лазаревичъ не взмилывался надъ нимъ, ударилъ его въ грудь копьемъ своимъ — и Ивашки какъ будто бы и не существовало.

Очистивъ себѣ дорогу, Ерусланъ Лазаревичъ поѣхалъ прямо въ Индѣйское царство, къ князю Далмату. Удивился Далматъ молодому витязю и спрашивалъ:

— Какъ же пропустилъ тебя вѣрный стражъ мой Ивашка, по прозванію Бѣлая епанча, Сорочинская шапка?

— Извини, князь Далматъ,—отвѣчалъ ему Ерусланъ,—я убилъ твоего Ивашку за грубость.

Перепугался тутъ Далматъ и съ великою честію принялъ Еруслана. Смѣтилъ Ерусланъ Лазаревичъ, что Далматъ боится его; осѣдлалъ коня своего богатырскаго, да и выѣхалъ изъ города. Далматъ очень радъ былъ, что проводилъ гостя, и приказалъ тотчасъ же крѣпко-накрѣпко затворить городскія ворота, чтобы молодой витязь назадъ не воротился.

Между тѣмъ Ерусланъ поскакалъ къ городу Дебри, къ

Вахрамѣву княжеству, чтобы видѣть хваленую дочку его, прекрасную Анастасію Вахрамѣвну.

Ѣдетъ онъ мѣсяцъ, другой и третій, да и раздумался дорогою.

— Ну что если та княжна Анастасія мнѣ понравится? Какъ возьму ее за себя въ замужество, не спросясь напередъ ни батюшки своего ни матушки? Не лучше ли маѣ прежде побывать у моихъ родителей?

Подумавъ такъ, онъ повернулъ коня своего и чрезъ нѣсколько времени пріѣхалъ въ свое отечество.

Но, къ великому удивленію, видитъ, что царство Картауса все разорено и выжжено, а города и слѣдовъ не осталось; удѣлѣла только въ немъ одна хижина, въ которой жилъ старичокъ, да и тотъ кривой.

Вошелъ въ хижину Ерусланъ и сталъ спрашивать старичка о случившемся.

Старичокъ разсказалъ ему, что къ городу подступилъ князь Данила Бѣлый съ несмѣтнымъ воинствомъ, что онъ же и все царство разорилъ, а самого Картауса, Лазаря Лазаревича и всѣхъ прочихъ богатырей въ полонъ отвелъ въ свою землю.

Прослезился Ерусланъ Лазаревичъ, выслушавъ старика, и, нисколько не медля, поскакалъ въ царство Данилы Бѣлаго.

Было еще очень рано, какъ онъ пріѣхалъ въ столицу князя Данилы, поэтому на него никто не обратилъ вниманія.

— Гдѣ тутъ сидитъ князь Картаусъ?—спрашиваетъ онъ у проходящихъ.

Ему указали.

Ерусланъ подъѣхалъ къ башнѣ, перебилъ всѣхъ стражей, сорвалъ замки у дверей и вошелъ въ темницу.

— Здравствуйте,—сказалъ онъ,—государь Картаусъ и любезный родитель мой, Лазарь Лазаревичъ!

Князь Картаусъ и Лазарь Лазаревичъ отвѣчали ему:

Мы голосъ твой слышимъ, а лица не видимъ, а потому и не знаемъ, кто ты такой.

— Я—Ерусланъ Лазаревичъ!—отвѣчалъ онъ.

Князь Картаусъ и Лазарь Лазаревичъ бросились обнимать его, а сами горько зарыдали.

Тутъ рассказали они ему, какъ томятся въ темницѣ, и какъ князь Данила Бѣлый лишилъ ихъ всѣхъ зрѣнія. «Только тотъ развѣ можетъ возвратитъ намъ глаза,—продолжали они,—кто съѣздитъ за тихія воды, за теплыя моря, въ Щетинъ градъ, къ чародѣю, по прозванію Огненный щитъ, Пламенное копьѣ, и кто убьетъ его самого и вынетъ изъ него желчь и этой желчью помажетъ очи наши».

Выслушавъ князя Картауса и отца своего, Ерусланъ Лазаревичъ пришелъ въ негодованіе, и въ душѣ его закипѣло страшное мщеніе. Онъ готовъ былъ сію же минуту растерзать Данилу Бѣлаго, но ему хотѣлось прежде возвратитъ плѣнникамъ зрѣніе, и онъ, простившись съ ними, поскакалъ за спасительною желчью чародѣя.

Ѣдетъ Ерусланъ Лазаревичъ путемъ-дорогою мѣсяцъ, дру-

гой и третій, наѣхалъ на рать силу великую, всю побитую. Смотритъ: что за чудо? Лежитъ живая богатырская голова, изъ стороны въ сторону перекачивается. Удивляется Ерусланъ на величину ея и спрашиваетъ:

— Скажи, кто ты такой, изъ какого царства и какъ зовутъ тебя?

— Я голова богатыря изъ Задонскаго царства, отца моего зовутъ Прохоръ, а меня Росланей. Рать, которую ты видишь здѣсь, побита мною, а принадлежала она чародѣю, по прозванію Огненный щитъ, Пламенное копьѣ. Ну, а ты, Ерусланъ Лазаревичъ, куда путь держишь?

— Я ѣду,—отвѣчалъ онъ,—въ Щетинъ градъ, къ чародѣю Огненный Щитъ, Пламенное копьѣ. Мнѣ нужна смерть его для облегченія участи князя Картауса и отца моего Лазаря Лазаревича, надъ которыми князь Данила Бѣлый совершилъ неслыханное злодѣяніе: засадилъ ихъ въ темницу и выкололъ имъ глаза. И теперь только одна желчь чародѣя можетъ возвратитъ имъ зрѣніе.

— А когда такъ, Ерусланъ Лазаревичъ,—заговорила богатырская голова,—то вотъ тебѣ совѣтъ мой: какъ пріѣдешь въ Щетинъ городъ, и увидишь тебя князь Огненный щитъ, Пламенное копьѣ, тогда не допустивъ до себя, жечь и налить станетъ огнемъ, и если ты этотъ огонь выдержишь, то онъ станетъ спрашивать о причинѣ твоего пріѣзда. Ты отвѣчай ему, что желаешь поступитъ къ нему на службу. Онъ велитъ тебѣ ѣхать съ собою, и нѣсколько дней ты послужи ему вѣрой и правдой, а самъ выбирай удобный случай поразить его. Знай, что его только можетъ погубитъ одинъ мой мечъ, на которомъ теперь покоится голова моя. Мечъ этотъ я, такъ и быть, отдамъ тебѣ; но за услугу и ты заплати мнѣ

услугой: какъ достанешь желчь чародѣя, забъжай опять сюда и помажь голову желчью, и я приму снова такой же видъ, какъ былъ прежде.

Взялъ Ерусланъ мечъ изъ-подъ богатырь-головы, поблагодарилъ за совѣтъ и поскакалъ къ городу Щетину. Увидалъ его тутъ князь Огненный щитъ, Пламенное копье, въѣхалъ въ поле и началъ жечь и палить. Ерусланъ слѣзъ съ коня и замахалъ шлемомъ. Чародѣй пересталъ жечь и спрашиваетъ его:

— Кто ты такой и откуда ѣдешь?

Ерусланъ разсказалъ ему и сталъ проситься къ нему на службу. Чародѣю очень понравилась его почтительность, и онъ съ охотою согласился на просьбу его. Служить у него Ерусланъ Лазаревичъ день, два и три, служить онъ вѣрою и правдою. Наконецъ, замѣчаетъ, что чародѣй одинъ въ своихъ палатахъ, быстро въбѣгаетъ къ нему и разить его на-двое мечомъ богатырь-головы. Тотъ такъ и замеръ на мѣстѣ, не пикнувъ. Ерусланъ проворно достаетъ желчь изъ трупа убитого и, какъ вихрь, скачетъ изъ города.

Подѣхавъ къ богатырь-головѣ, Ерусланъ вынулъ изъ сумки желчь, помазалъ ею отрубленную голову, приложилъ ее къ туловищу—и она тотчасъ же срослась. Росланей всталъ, какъ будто бы съ нимъ и ничего не было. Побесѣдовали нѣсколько времени богатыри и разстались. Росланей отправился въ Задонское царство, а Ерусланъ въ Далматское. Былъ вечеръ какъ онъ въѣхалъ въ городъ, перебилъ стражу и самъ пошелъ въ темницу. Здѣсь вынулъ онъ изъ сумки своей желчь чародѣя, обмазалъ ею глаза князя Картауса потомъ отца своего, и, къ великой радости ихъ, они все

стали видѣть и со слезами на глазахъ бросились обнимать Еруслана за возвращеніе имъ зрѣнія.

Потомъ Ерусланъ Лазаревичъ бросился немедленно въ теремъ князя Данилы Бѣлаго, перебилъ всѣхъ, кто только преграждалъ дорогу ему, и схвативъ князя Данилу, повлекъ его въ темницу, выкололъ глаза ему и крѣпко-на-крѣпко приковалъ къ стѣнѣ. Пѣвникова же всѣхъ освободилъ, а княженіе Данилы Бѣлаго передалъ князю Картаусу.

Всѣ начали веселиться, пиры пошли за пирами. Одинъ только Ерусланъ Лазаревичъ не раздѣлялъ вполне удовольствій. Онъ скакалъ уже къ владѣніямъ князя Вахрамѣя, у котораго была дочь, прекрасная Анастасія. Близъ города, въ которомъ жилъ Вахрамѣй, было глубокое озеро, а въ томъ озерѣ жилъ великій змѣй о трехъ головахъ. Каждый день онъ выходитъ на берегъ и пожираетъ множество людей. Какъ ни старался князь Вахрамѣй сокрушить злого змѣя и сколько разъ ни кликалъ онъ клича,—все напрасно: змѣй губилъ несчастныхъ жителей, и князь Вахрамѣй очень сокрушался объ участи своихъ подданныхъ.

Узнавъ объ этомъ кличъ Ерусланъ и, какъ только приѣхалъ въ городъ князя Вахрамѣя, взялъ онъ съ собою доспѣхи рыцарскіе и отправился на озеро. Змѣй бросился, чтобы проглотить всадника, но Ерусланъ, не допустивъ его до себя, однимъ ударомъ меча отсѣкъ ему двѣ головы и только что хотѣлъ-было рубить третью, какъ змѣй сталъ просить пощады. Ерусланъ Лазаревичъ однако же не жалился надъ нимъ, еще разъ взмахнулъ мечомъ—и чудовище лежало на землѣ безъ дыханія.

Быстрѣе молніи разнеслась объ этомъ вѣсть по всему

городу. Обрадованный князь Вахрамѣй со всеми вельможами своими вышелъ на встрѣчу къ Еруслану Лазаревичу, благодарилъ его за спасеніе жителей и, узнавъ, что онъ княжескаго рода, пригласилъ его къ себѣ въ теремъ. Здѣсь встрѣтила его дочь князя Вахрамѣя, прекрасная Анастасія. Ерусланъ, какъ взглянулъ на нее, такъ и обомлѣлъ отъ удивленія: красоты она была неописанной! Князь Вахрамѣй, по случаю радостнаго событія, задалъ пиръ на весь міръ и предлагалъ Еруслану сокровища на выборъ; но онъ отъ всего отказывался, просилъ только одного, чтобы онъ выдалъ за него въ замужество дочь свою Анастасію. Князь Вахрамѣй очень радъ былъ имѣть у себя зятя богатыря и тотчасъ же благословилъ ихъ на брачный союзъ, а потомъ, вскорѣ послѣ свадьбы, передалъ Еруслану Лазаревичу свое княжество.

Страшный змѣй горынычъ.

Въ тридесатомъ царствѣ, на самомъ краю земли и неба, жилъ царь, и у него былъ сынъ, котораго онъ очень любилъ, потому что кромѣ его у царя дѣтей не было. Все, что бы только ни пожелалъ царевичъ, было всегда исполняемо по его желанію. Царь любилъ забавлять сына, исполняя его желанія; но при всей любви къ нему царь былъ и строгъ: онъ очень не любилъ ослушниковъ и казнилъ ихъ смертію, при своей строгости за ослушаніе не щадилъ даже и любимаго сына и наказывалъ его по всей строгости.

Въ одно время царевичъ, прогуливаясь въ саду своего отца, подошелъ къ башнѣ, крѣпко сложенной изъ гранитнаго камня, съ однимъ окномъ, заколоченнымъ желѣзными

полосами, въ видѣ рѣшетки. Подошедши къ окну, царевичъ увидѣлъ чрезъ рѣшетку сѣдого старика, ростомъ не болѣе какъ съ аршинъ, съ сѣдою бородою, которою былъ онъ кругомъ обмотанъ, а еще конецъ волочился по землѣ. Онъ, увидавши царевича, протянулъ къ нему руку и жалобно сталъ просить его, чтобы тотъ далъ ему напиться. Царевичу жаль стало старика, и онъ побѣжалъ къ колодцу, почерпнулъ изъ него ковшъ воды и подаль его старику, а самъ отошелъ отъ окошка. Старикъ выпилъ воду однимъ духомъ и закричалъ:

— Прощай, Иванъ царевичъ, спасибо тебѣ, что далъ ты мнѣ напиться. Никогда я не забуду твоей добродѣтели и когда-нибудь заслужу тебѣ.

Сказавъ эти слова, онъ высоко поднялся на воздухъ и исчезъ за облаками. Иванъ царевичъ долго стоялъ съ поднятою вверхъ головою и съ разинутымъ ртомъ отъ удивленія; наконецъ, видя, что старикъ пропалъ изъ виду, онъ пошелъ домой, не зная о своемъ горѣ, которое уже ожидало его въ домѣ.

Царь, увидѣвъ изъ окна своего, какъ вылетѣлъ старикъ изъ крѣпкой темницы, въ которую онъ былъ имъ посаженъ, тотчасъ приказалъ узвать, кто смѣлъ растворить темницу и выпустить старика.

Между тѣмъ какъ слуги царскіе отыскивали ослушника воли царской, Иванъ царевичъ вошелъ во дворецъ. Царь спросилъ его, не онъ ли отворилъ дверь краснаго дома, въ которомъ заключенъ былъ старикъ. Иванъ царевичъ отвѣчалъ своему отцу, что онъ не отворялъ дверей, а только далъ старику воды, и тотъ улетѣлъ. Царь, выслушавъ признаніе, ужасно вознегодовалъ на царевича и сказалъ ему:

— За то, что ты освободилъ старика отъ заключенія, тебя стоило казнить смертію, но за твое чистое признаніе я выгоняю тебя изъ моего царства, — иди, куда хочешь, и не показывайся болѣе мнѣ на глаза.

Иванъ царевичъ, зная, что воля царская есть законъ, не сталъ ничего говорить строгому отцу своему и покинулъ родную землю. Долго шелъ онъ дорогою, не зная самъ — куда, и, наконецъ, къ вечеру одного дня пришелъ онъ въ великолѣпную столицу кашемирскаго государя; не думавши нimalo, пошелъ во дворецъ къ царю и сталъ проситься къ нему въ службу, обѣщаясь служить ему вѣрою и правдою. Царь принялъ его въ свои конюхи. Иванъ царевичъ сталъ жить у царя на конюшнѣ, исправляя свою должность.

Въ одно время къ царству, въ которомъ жилъ Иванъ-царевичъ, подступило много войска царя кампійскаго, который требовалъ у кашемирскаго государя дочь его себѣ въ замужество. Царь не отдавалъ и рѣшился вести войну. Въ первый день сраженія Иванъ царевичъ, не будучи въ войскѣ, пошелъ въ поле, долго гулялъ онъ и, уставъ, сѣлъ подъ дерево. Вдругъ откуда ни возьмись старичокъ, въ аршинъ ростомъ и съ саженною бородою, подошелъ къ царевичу и сталъ низко кланяться; но видя, что Иванъ царевичъ ничего не говоритъ съ нимъ, онъ началъ самъ:

— Здравствуй, Иванъ царевичъ, — сказалъ онъ: — ты освободилъ меня изъ заключенія, въ которомъ, можетъ-быть, я находился бы и теперь; ты освободилъ меня, и за это я тебя не забуду; пойдемъ ко мнѣ, я угощу тебя да и скажу тебѣ радостную вѣсточку.

Иванъ царевичъ поблагодарилъ старика и пошелъ вслѣдъ за нимъ къ его дому. Кончился часъ ихъ ходьбы, и они

подшли къ полуразвалившейся хижинѣ. Старикъ отворилъ дверь, вошелъ въ хижину и втащилъ туда за собою царевича. Вошедши въ избу, маленькій старикъ посадилъ царевича за столъ и велѣлъ своей младшей дочери (ихъ у него было три) подать четверть ведра вина. Когда вино было подано, старикъ взялъ его и велѣлъ выпить царевичу однимъ духомъ. Царевичъ отпѣкивался, говоря, что онъ никакъ не можетъ столько выпить, но старикъ опять сталъ принуждать его, и царевичъ, схвативъ кувшинъ съ виномъ, осушилъ его разомъ.

— Молодецъ же ты, Иванъ царевичъ, — сказалъ старикъ, когда царевичъ выпилъ вино: — ну, вотъ теперь, — продолжалъ старикъ, — перебрось черезъ свою голову этотъ камень въ пятьсотъ пудовъ.

— Не поднять мнѣ такого тяжелого камня, — сказалъ Иванъ царевичъ.

Но старикъ велѣлъ дѣлать, что велятъ, и царевичъ, подошедши къ камню, почувствовалъ въ себѣ большую силу и, не думая ни мало, схватилъ камень за его край и какъ легкую палку перебросилъ черезъ свою голову. Старикъ, увидѣвши, что царевичъ перебросилъ камень черезъ голову, потрепалъ его по плечу и велѣлъ своей средней дочери подать полуведерный кувшинъ вина. Дочь исполнила приказаніе отца и подала кувшинъ царевичу. Иванъ царевичъ, не дожидаясь просьбы, выпилъ кувшинъ вина однимъ духомъ и вдругъ почувствовалъ въ себѣ ужасную силу. Ему еще хотѣлось перебросить этотъ камень черезъ свою голову, и онъ подошелъ къ нему, но старикъ удержалъ его руку и сказалъ ему:

— Нѣтъ, Иванъ царевичъ, не берись ты за пятисотпудовой камень, а вотъ возмись за этотъ, что тянетъ тысячу пудовъ и ежели ты перебросишь его черезъ свою голову, то ты будешь богатырь изъ богатырей.

Царевичъ тотчасъ подошелъ къ тысяченудовому камню и, схвативъ его за край, перекинулъ какъ легкое перо черезъ свою голову. Старикъ подошелъ къ царевичу, похвалилъ его богатырство и велѣлъ старшей дочери подать царевичу ведрный кувшинъ. Вино черезъ минуту было подано царевичу, и онъ осушилъ ведрный кувшинъ однимъ духомъ. Когда Иванъ царевичъ поставилъ на землю пустой кувшинъ, то старикъ сказалъ ему:

— Иванъ царевичъ, подними ты этотъ камень, онъ вѣситъ полторы тысячи пудовъ.

Царевичъ, выслушавъ слова старика и почувствовавъ въ себѣ неимовѣрную силу, схватилъ ужасный камень одною рукою и перебросилъ его черезъ свою голову какъ перышко. Старикъ, увидѣвъ, что Иванъ царевичъ перебросилъ и этотъ камень, сказалъ ему:

— Иванъ царевичъ, будетъ теперь для тебя этой силы, ступай ты домой, и когда будетъ у тебя какая нужда, то приходи ко мнѣ, и я тотчасъ тебѣ помогу.

Иванъ царевичъ поблагодарилъ старика за его милость и, распростившись съ нимъ, пошелъ домой скорыми шагами. Пришедши ко двору царскому, онъ встрѣтилъ своего конюшняго старосту, который, увидѣвъ царевича, подошелъ къ нему и началъ бранить.

— Какъ ты смѣлъ, — кричалъ онъ царевичу, — отлу-

читься отъ дѣла! — и, не давъ ему произнести оправданіе, ударилъ его по щекѣ.

Не вытерпѣвъ обиды, Иванъ царевичъ, сжавши кулакъ, ударилъ имъ по головѣ своего старосту; ударъ пришелся крѣпко, и голова отдѣлилась отъ туловища и отлетѣла за версту. Конюхи, стоявшіе неподалеку отъ царевича и видя, что онъ убилъ ихъ старосту, схватили его и представили царю.

— Какъ ты могъ сдѣлать такое преступленіе? — спросилъ гнѣвно царь у Ивана царевича. — Я велю казнить тебя, — продолжалъ царь и сильно топнулъ ногою.

Иванъ царевичъ, поклонившись, отвѣчалъ царю:

— Я убилъ старосту, не думая этого дѣлать; онъ впередъ ударилъ меня, и я отплатилъ ему тѣмъ же, хотя намѣревался ударить тихонько.

Царь разспросилъ у очевидцевъ этого дѣла, точно ли Иванъ царевичъ говоритъ то, что было. Очевидцы подтвердили слова царевича, и царь, будучи отъ природы добръ и милостивъ, простилъ царевича, давъ ему наставленіе и приказаніе слушаться начальниковъ и старшихъ. По прошествіи нѣсколькихъ дней, послѣ смерти старосты непріятель, подступившій подъ стѣны города кашемирскаго государя, былъ имъ разбитъ на голову и со стыдомъ возвратился въ свою страну.

Лишь только окончилась эта война, какъ вдругъ въ одинъ день къ кашемирскому государю явился старикъ съ мѣдной головою, съ желѣзными руками и подалъ царю письмо, запечатанное тремя черными печатями. Царь разорвалъ конвертъ и, вынувъ изъ него письмо, началъ чи-

тать. Въ письмѣ было сказано, что водяной царь проситъ его дочь въ замужество своему сыну, и если царь по истеченіи одного дня послѣ полученія письма не выплететъ своей дочери на морской берегъ, то на берегъ явится трехглавый змѣй и пожретъ весь его народъ, а самого его съ его дочерью увлечетъ въ подводное царство.

Царь, прочитавъ письмо, сказалъ посланному, что онъ готовъ исполнить предложеніе его, государя и велѣлъ посланному старику отправляться къ своему царю, а самъ собравъ всѣхъ своихъ приближенныхъ людей, сталъ ихъ спрашивать, не могутъ ли они подумать чего-нибудь такого, чѣмъ бы можно было отдѣлаться отъ наступающей бури. Долго думали совѣтники царскіе и ничего не придумали лучше, какъ кликнуть кличъ, чтобы отыскался такой человекъ, который могъ бы избавить царевну отъ несчастія. Кличъ былъ сдѣланъ, и отыскался одинъ какой-то человекъ, который рѣшился спасти царевну отъ змѣя, лѣстясь получить ея руку, по обѣщанію царя. Явившись къ царю, онъ попросилъ у него сто человекъ вооруженныхъ воиновъ и, предводительствуя ими, пошелъ къ морскому берегу, гдѣ въ избушкѣ сидѣла царевна, дожидаясь своего горькаго конца. Пришедши съ воинами и не видя змѣя, долго храбрился мнимый спаситель царевны, но лишь только змѣй вынулъ изъ воды свою голову, какъ храбрецъ закричалъ своимъ воинамъ:

— Въ лѣсъ! — и самъ первый бросился въ его густоту.

Между тѣмъ, Иванъ царевичъ, узнавъ о несчастіи царевны, рѣшился спасти ее и, пришедши къ морю, вынулъ свой острый мечъ и бросился къ змѣю. Долго ли продолжалось сраженіе, наконецъ, царевичъ взмахомъ своего меча

прикончилъ водяного богатыря и, не вошедши въ избушку, гдѣ сидѣла царевна, отправился домой.

Мнимый спаситель царевны, увидя погибшаго змѣя, вышелъ изъ лѣсу и, пришедши къ царевнѣ, сказалъ ей, чтобы она сказала отцу своему, что онъ спасъ ее отъ смерти, а не Иванъ царевичъ. Боясь угрозы злого хвастуна, по прибытіи своемъ во дворецъ, она сказала царю, что ее спасъ отъ смерти этотъ человекъ, а не Иванъ царевичъ. Царь обласкалъ его, надѣлилъ своею казною и уже хотѣлъ приготовить къ свадебному пиру, но царевна сказала ему:

— Государь мой батюшка, отложи немного мою свадьбу, потому что я не совсѣмъ здорова отъ такого ужаснаго страха, какой навелъ на меня этотъ ужасный змѣй.

Царь не смѣлъ противорѣчить своей дочери и готовъ былъ ждать цѣлый годъ. Свадьба была отложена на мѣсяцъ.

Только въ одинъ день къ царю пришелъ во дворецъ старичокъ, голова у него была мѣдная, руки желѣзныя и свинцовая борода. Онъ поклонился царю и подалъ ему пакетъ, запечатанный шестью печатами. Царь принялъ пакетъ и, сорвавъ печати, вынулъ изъ него письмо, въ которомъ было написано, чтобы онъ выслалъ царевну на морской берегъ, а ежели не вышлетъ, то выйдетъ изъ моря шестиглавый змѣй и пожретъ весь народъ кашемирскаго царства, съ нимъ вмѣстѣ и самого его.

Царь, прочитавъ письмо, не зналъ на что ему рѣшиться и, не придумавъ ни одной важной мысли, велѣлъ посланному отправиться въ обратный путь и сказать своему царю,

что кашемирскій государь на все согласенъ и вышлетъ ему царевну черезъ три дня. Посланный удалился, а царь, собравъ своихъ главныхъ думныхъ вельможъ, объявилъ имъ о своемъ несчастіи, прося ихъ совѣта о помощи. Подумавши нѣсколько времени, они сказали царю:

— Надо просить прежняго избавителя царевны, чтобы онъ вторично спасъ свою невѣсту.

Поблагодаривъ ихъ за совѣтъ, царь приказалъ позвать въ свой дворецъ нареченнаго своего зятя. Тотъ не замедлилъ явиться и, поклонившись царю, спросилъ его, зачѣмъ онъ нуженъ. Царь объявилъ ему о дерзкомъ требованіи и просилъ его избавить царевну отъ несчастія, обѣщая ему послѣ ея избавленія непременно праздновать свадьбу, а въ приданое полцарства своего.

Мнимый спаситель царевны, хотя и не былъ радъ предложенію царя, потому что онъ уже въ этотъ разъ не надѣялся чужими руками загрести жаръ, но дѣлать было нечего, и онъ согласился. Взявши съ собою нѣсколько вонновъ, въ назначенный день онъ съ ними отправился къ морю. Пришедши туда, онъ вошелъ въ старую избушку, гдѣ уже сидѣла царевна, и сказалъ ей, чтобы она, если явится прежній избавитель и такимъ же манеромъ уйдетъ, не показавшись, то чтобы она, возвратясь во дворецъ свой, сказала царю, что спасъ ее отъ смерти онъ и его воины, а иначе онъ грозился бросить ее въ море на съѣденіе страшному змѣю. Царевна, испугавшись угрозы такого обманщика, обѣщала ему умолчать предъ царемъ объ истинѣ.

Получивъ обѣщаніе царевны, мнимый защитникъ ея вышелъ отъ нея и велѣлъ своимъ воннамъ приблизиться

къ лѣсу, чтобы, въ случаѣ появленія змѣи, можно было дать тягу. Воины тотчасъ стали приближаться къ лѣсу и лишь только приблизились къ нему, какъ вдругъ ужасное море начало бушевать и пѣниться, а велѣдъ затѣмъ черезъ минуту вылѣзъ изъ моря ужасный шестиглавый змѣи и, вышедши на берегъ, сталъ приближаться къ жилищу царицы. Трусливый хвостунъ убѣжалъ въ глубину лѣса, а за нимъ и воины, покинувъ царицу на произволъ судьбы.

Змѣи былъ уже близко около ея жилища, готовый схватить самую царицу; но Иванъ цариичъ не дремалъ: онъ зналъ въ какіе часы царица будетъ на морскомъ берегу и, опоясавшись мечемъ, пошелъ къ жилищу въ то время, когда змѣи подошелъ къ избушкѣ царицы и отворилъ уже дверь избушки. Иванъ цариичъ налетѣлъ на него, и между тѣмъ змѣею и цариичемъ завязалось страшное сраженіе. Много разъ змѣи покушался налетѣть на цариича и проглотить его, но цариичъ каждый разъ срубалъ ему по головѣ, и змѣи, заливаясь своею кровію, съ каждой минутою ослабѣвалъ. Соскучась долгою дракою, цариичъ, улучивъ минуту, бросился на змѣю со всею яростію и разрубилъ его пополамъ. Покончивъ битву, онъ схватилъ туловище змѣи и его головы. Распростясь съ царицею, вышелъ онъ изъ избы и, положивъ туловище змѣи подъ камень, въ которомъ было болѣе тысячи пудовъ, отправился домой.

Видя все это происшествіе, мнимый защитникъ царицы, кликавъ свое войско и взявши царицу, повторилъ ей прежнія слова и отправился къ царю. Царь несказанно радовался спасенію своей дочери и назначилъ черезъ недѣлю свадьбу.

На третій день послѣ побѣды Ивана цариича явился во дворецъ къ царю старичокъ съ мѣдною головою, желѣзными

руками и серебряною бородою. Онъ поклонился царю и подалъ пакетъ, запечатанный девятью печатами. Царь съ трепетомъ сорвалъ печати и, выпувъ изъ пакета письмо, прочелъ въ немъ слѣдующее:

«Царь кашемирскаго народа! приказываю тебѣ: пришли завтрашній день на морской берегъ дочь свою, а если ты этого не сдѣлаешь, то посланъ будетъ въ тотъ день змѣи съ девятью головами, и онъ пожретъ весь твой народъ и самого тебя. Прощай, будь здоровъ и долголѣтенъ». Внизу было подписано: «Водиного государства Боскаль-Дау».

Прочитавъ письмо, царь сказалъ посланному, чтобы онъ воротился къ своему государю и объявилъ ему, что онъ согласенъ на его предложеніе. Отпустивъ посланнаго, самъ созвалъ своихъ приближенныхъ и подалъ имъ письмо. Прочитавъ его, думные люди царскіе, подумавши немного, приговѣровали царю послать на морской берегъ свою дочь и нареченнаго зятя, чтобы онъ могъ защищать царицу отъ ужаснаго змѣи. Царь, выслушавъ предложеніе своихъ министровъ, объявилъ нареченному зятю свою волю.

Съ стѣпеннымъ сердцемъ и ужаснымъ страхомъ отправился нареченный зять царя съ солдатами на морской берегъ и, пришедши туда, по прежнему скрылся съ ротою воиновъ въ чащѣ лѣса, откуда можно было видѣть, что дѣлается на морѣ. Прошло нѣсколько минутъ, какъ онъ спрятался въ кусты со своими воинами, вдругъ ужасно зашумѣло море и, зашумѣвши, бросалось съ яростію на берегъ, готовое поглотить весь берегъ и самый городъ. Потомъ изъ моря выплылъ девятиглавый змѣи и подползъ къ дверямъ избушки, въ которой сидѣла царица. Вдругъ откуда ни взялся Иванъ

царевичъ, наскочилъ на страшное чудовище и ударомъ своего меча отрубилъ ему всѣ головы. Обезглавленный трупъ змѣя залился своею кровію, а Иванъ царевичъ взялъ его головы и самое туловище, отнесъ отъ избушки на нѣсколько шаговъ и навалилъ на него тысячепудовый камень. Сдѣлавши все это, онъ пошелъ обратно въ свой путь; а хвастунишка, увидя это, взялъ царевну изъ избушки и отправился съ нею къ царю.

Царь не зналъ что дѣлать отъ радости и на другой день готовъ былъ праздновать свадьбу своей дочери, но царевна подошла къ своему отцу и сказала ему:

— Государь мой батюшка! не этотъ человѣкъ спасалъ меня отъ смерти, а другой.

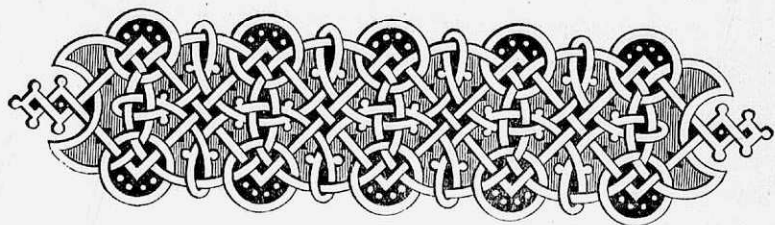
Тутъ царевна все рассказала своему отцу о Иванѣ царевичѣ и хвастунѣ. Царь не зналъ что ему дѣлать—вѣрить ли словамъ дочери или нѣтъ; но царевна повторила ему, что спасъ ее отъ смерти Иванъ царевичъ, и просила своего отца, чтобы онъ позволилъ ему къ нему явиться. Царь согласился на просьбу своей дочери и велѣлъ позвать Ивана царевича. Когда Иванъ царевичъ явился къ царю, то царь просилъ его рассказать ему, какъ спасъ онъ царевну отъ смерти. Иванъ царевичъ въ короткихъ словахъ рассказалъ царю, какъ онъ побилъ трехъ змѣевъ.

Царь, выслушавъ все, обнялъ Ивана царевича, посадилъ съ собою рядомъ и просилъ рассказать ему, чей онъ сынъ и гдѣ живутъ его родители. Не сталъ скрывать своего званія Иванъ царевичъ: рассказалъ царю, кто онъ и кто его родители.

— Хочешь ли ты быть моимъ зятемъ?

Иванъ царевичъ не зналъ что дѣлать отъ радости и открылся царю, то онъ давно уже пылалъ сильною любовью къ царевнѣ. Послѣ того дня прошло еще два, и царь затѣялъ свадебный пиръ. Великолѣпныя кареты были приготовлены для жениха и невѣсты, и тысячи народа пошли за ними въ храмъ. Послѣ обряда начался пиръ. Весь народъ веселился и кричалъ ура! Всѣ веселились, кромѣ мнимаго побѣдителя надъ змѣями. Онъ одинъ не веселился. Царь при всемъ народѣ ужасно срамилъ хвастуна и велѣлъ ему выѣхать въ этотъ день изъ города и болѣе въ него не являться. Кончился пиръ и веселье. Царевичъ вмѣстѣ съ царевною отправились къ своему отцу. Царь принялъ сына и дочь съ распростертыми объятіями и велѣлъ задать великій пиръ. Отправивъ пиръ у своего отца, царевичъ простился съ нимъ и отправился въ обратный путь въ царство своего тестя, гдѣ сталъ жить счастливо съ царицею, а по смерти своего тестя наследовалъ его престолъ и мирно и мудро правилъ государствомъ до дня своей смерти.

СКАЗКА

о нѣкоемъ башмачникѣ и слугѣ его Притычкинѣ.

Въ нѣкоемъ царствѣ, въ нѣкоемъ государствѣ жилъ былъ славной и именитой князь Мистафоръ Скурлатовичъ, у котораго былъ слуга по имени Горя, сынъ Кручининъ. Мистафоръ Скурлатовичъ отдалъ его къ искусному мастеру учиться башмачной наукѣ съ тѣмъ договоромъ, чтобы онъ въ сей наукѣ былъ первой противу всѣхъ мастеровъ и лучше и искуснѣе. И такъ Горя учился нѣсколько лѣтъ и выучился такъ хорошо, что шилъ башмаки не въ образецъ лучше своего мастера. Тогда Мистафоръ Скурлатовичъ взялъ его въ домъ свой и заставилъ на себя шить башмаки, и онъ сшилъ дюжины двадцать башмаковъ, однако барину его

Мистафору Скурлатовичу ни одна пара не показалась, за что билъ онъ его немилосердно и отъ тѣхъ побоевъ башмачникъ Горя Кручининъ чуть ума не рехнулся и отъ печали заворалъ гораздо плотно, и былъ болѣе недѣль съ десяткомъ; а какъ сталъ обматываться и началъ мало по малу бродить, тогда Мистафоръ Скурлатовичъ опять заставилъ Гору Кручинина башмаки на себя шить; но когда онъ нѣсколько паръ сшилъ и принесъ къ нему примѣривать, то не показала ему ни одна пара. Тогда Скурлатовичъ бросилъ тѣмъ башмаками ему въ голову и разбилъ ему всю рожу до крови; а Горя Кручининъ, имѣя у себя алтынъ денегъ, пошелъ въ кабакъ, выговоря ей слова: хоть бы чортъ меня отъ такого барина избавилъ. Вдругъ предсталъ къ нему незнакомой челоѣкъ и сказалъ: о чемъ ты добрый молодецъ горюешь? На то ему башмачникъ Горя отвѣтствовалъ: какъ мнѣ доброму молодцу не кручиниться! Баринъ мой какъ злой песь лихъ, ты видишь, какъ онъ меня сегодня пощипалъ; а недѣль за десять пуще этого еще меня билъ. Незнакомой спросилъ его: за что онъ тебя такъ билъ? На то Горя ему говорилъ: учился я башмачной наукѣ и выучился лучше своего мастера и началъ шить башмаки на своего барина; однако сколько ни шилъ, не могъ попасть на его обычай, и вмѣсто того, чтобы сказать спасибо, все бьетъ меня немилосердно, какъ ты и самъ видишь, что у меня рожа вся избита. На то незнакомый сталъ ему говорить: я знаю твоего господина довольно, надобно тебя отъ него избавить, и ежели ты хочешь, то я сдѣлаю тебя счастливымъ челоѣкомъ и женю тебя на Мистафоровой дочери вмѣсто того князя, за котораго уже она сосватана. Что ты вздурился что ли? сказалъ ему Горя, что такой самбуръ городишь: вѣтъ это нестаточное дѣло! Повѣрь мнѣ, сказалъ ему незнакомый, что я это все могу сдѣлать.

Но башмачникъ усумнился, молвилъ: сколько братъ ты ни болтай, а я этому не повѣрю. Ну! такъ я тебя увѣрю, что все это могу сдѣлать; и потомъ велѣлъ ему зажмуриться и повернуться противъ солнца и ступить два шага назадъ. Когда все это Горя исполнилъ, то велѣлъ онъ ему посмотреть на себя. Горя весьма удивился, видя себя въ драгоцѣнномъ нарядѣ и сказалъ: никакъ ты чертъ въ человѣческомъ образѣ? Конечно я чертъ, потому что ты меня звалъ, я по твоему зову тебѣ явился и хочу тебѣ услужить и женить тебя на Мистафоровой дочери. Да какъ это можно, говорить ему Горя? вить меня тамъ всѣ знаютъ; да и собака можетъ узнать. А сей ему сказалъ: нѣтъ, не правда, никто тебя не узнаетъ, и ты будешь въ образѣ того князя Дардавана, за котораго Мистафорова дочь Догада сговорена и обручена. Хорошо и весьма бы хорошо, еслибъ сдѣлалось, какъ ты мнѣ говоришь, сказалъ ему Горя. Ужъ будетъ такъ, когда я тебѣ говорю. И еще приказалъ ему отступить три шага зажмурившись и послѣ открыть глаза. Тогда увидѣлъ Горя предъ собою палаты бѣлокаменные огромныя и весьма тому удивляясь, отъ чего сіе такъ скоро явилось, со изумленіемъ вскричалъ: ты и въ правду чертъ, а не человѣкъ, что творишь такіа великія мудрости. Я тебѣ говорю правду, а не обманываю, отвѣтствовалъ ему незнакомый, и теперь дарю тебѣ эти каменные палаты, а самъ буду у тебя вѣрнымъ слугою; называй ты меня Притычкинымъ. Послѣ чего слуга сей повелъ новаго своего господина Горю башмачника на широкій дворъ, и увидѣлъ тамъ башмачникъ Горя великое множество слугъ, лошадей, каретъ и всего въ великомъ убранствѣ, и тѣ слуги ему поклонялись, яко князю, и музыканты заиграли на разныхъ инструментахъ; а какъ музыка играть перестала, тогда башмачникъ Горя пошелъ въ палаты бѣлокаменные и увидѣлъ накрытый столъ

съ разными кушаньями, и сѣлъ онъ за тотъ столъ, напился и наѣлся порядочно, и жилъ онъ въ томъ домѣ нѣсколько времени, какъ какой знатный вельможа. Въ то время князь Дардаванъ, обручившись съ своею невѣстою Догадою уѣхалъ въ иной городъ за своими нуждами, а вѣрный слуга Притычкинъ почелъ сіе время за доброй случай женить башмачника Горю на Догадѣ, и для того пришедъ къ своему господину башмачнику, сказалъ ему: теперь надобно сдѣлать чтобъ Мистафоръ призналъ тебя за князя Дардавана, и сказавъ сіе, вышелъ предъ палаты бѣлокаменные и построилъ противъ самыхъ палатъ лагерь великій и велѣлъ играть всѣмъ музыкантамъ вдругъ. Когда музыка заиграла, услышалъ Мистафоръ Скурлатовичъ разные пріятные голоса и помыслилъ въ себѣ, что конечно князь Дардаванъ пріѣхалъ, и послалъ тотчасъ о томъ PROVĖDATЬ. Извѣстившись и въ самомъ дѣлѣ отъ тамошнихъ людей, что мнимый князь Дардаванъ самъ пріѣхалъ, послалъ къ нему много знаменитыхъ людей звать къ себѣ на пиръ вселюбезнаго зятя своего князя Дардавана. Послы Мистафоровы, пришедъ къ башмачнику Горю, кланялись ему униженно и просили его именемъ своего князя Мистафора Скурлатовича, чтобъ пожаловалъ къ нему на пиръ погостить. Башмачникъ Горя имъ отвѣчалъ: подите вы и донесите Мистафору Скурлатовичу, что я за вами же скоро къ нему буду; посланные всѣ, поклонясь низко башмачнику Горю, предстали предъ князя своего Мистафора и рассказали, что отъ мнимаго царевича Дардавана слышали и что видѣли у него. По отшествіи Мистафоровыхъ посланцевъ слуга Притычкинъ пришелъ къ башмачнику Горю и говорить ему: ну, теперь тебѣ надобно ѣхать къ Мистафору; да слушай же, что я тебѣ буду наказывать: когда ты пріѣдешь на дворъ къ Мистафору и слѣзешь съ своего добраго коня, то ты коня своего не привязывай и никому держать

не приказывай, а только каплянн сильнѣе и топи ногою о полъ, сколько есть мочи; а вошедши въ покои, садись на стулъ, которой подъ первымъ номеромъ; въ вечеру же когда тебя стануть унимать ночевать, останься, и какъ тебѣ постелють постель, то ты на нее не ложись, потому что князь Дардаванъ всегда сыпалъ на своей постелѣ, которая тяжестію была въ сто пудъ; я тебѣ ту постель промышлю, а если и позамѣшкаюсь, то ты ударь меня за то по рожѣ при Мистафорѣ и при его дочерѣ; когда же приляжешь въ постель и подадутъ тебѣ множество свѣчъ, то ты имъ скажи, чтобъ они тѣ свѣчи взяли, а вели мнѣ принести камень, которой князь Дардаванъ всегда ночью на столѣ кладывалъ, и я тебѣ тотъ камень достану; и ежели ночью положишь тотъ камень на столъ, то отъ него свѣтъ лучше, нежели отъ тысячи свѣчъ будетъ. Башмачникъ Горя, выслушавши такія рѣчи отъ слуги своего Притычкина, общался все то исполнить, и вышелъ Горя на широкій дворъ, а слуга его Притычкинъ подвелъ ему осѣдланнаго коня. Башмачникъ Горя сѣлъ на того коня, а Притычкинъ на другаго, и поѣхали къ Мистафору Скурлатовичу, и приѣхавши къ нему на широкій дворъ, Мистафоръ Скурлатовичъ вышелъ встрѣчать своего вселюбезнаго зятя, мнимаго князя Дардавана, а башмачникъ Горя слѣзъ тогда съ своего добраго коня, и ни къ чему его не привязываетъ и никому его взять не приказываетъ, а только капляннулъ громко и топнулъ ногою о полъ что есть поры—мочи; конь сталъ на одномъ мѣстѣ, какъ вкопаной. Потомъ вошелъ Горя въ покои, Богу помолился, на всѣ четыре стороны поклонился, съ хозяиномъ поцѣловался и сѣлъ въ передній уголъ на стулъ подъ первымъ номеромъ. Мистафоръ пошелъ къ своей дочери Догадѣ и сказалъ ей, чтобъ она вышла и помиловалась бы съ своимъ обрученнымъ женихомъ,

съ княземъ Дардаваномъ, а какъ Догада была хитра и мудрена, то и отвѣчала на то отцу своему: Милостивой государь мой батюшка Мистафоръ Скурлатовичъ! вить это не князь Дардаванъ, а это башмачникъ нашъ Горя Кручининъ. Никакъ ты вздурилась сказать ей Мистафоръ! Вить я и прежде князя Дардавана въ лицо видѣлъ и знаю, такъ и это тотъ же самой, а не башмачникъ Горя. Хорошо, Государь! сказала Догада, я къ нему пойду и поклонюсь, однако примѣчайте вы и помните, что это не князь Дардаванъ, а башмачникъ Горя въ его образѣ, и примѣтите вотъ почему: когда мы сядемъ за столъ кушать, то велите подать хлѣба бѣлаго и чернаго, и ежели этотъ гость примется рѣзать черной хлѣбъ, то онъ не князь Дардаванъ, а башмачникъ Горя Кручининъ, ибо князь Дардаванъ всегда рѣзалъ прежде бѣлой хлѣбъ. Хорошо! я это посмотрю, сказалъ ей Мистафоръ. Тогда Мистафоръ Скурлатовичъ проситъ башмачника Горю за столъ кушать, и когда они сѣли, и подали хлѣба бѣлаго и чернаго, башмачникъ Горя принялся за хлѣбъ и началъ рѣзать прежде черной хлѣбъ, а не бѣлой, что Мистафоръ и Догада примѣтили. И Мистафоръ началъ его спрашивать: Почтеннѣйшій и любезнѣйшій мой дорогой зять, князь Дардаванъ, для чего сего числа изволить милость ваша рѣзать прежде черной хлѣбъ, а не бѣлой. Услышавъ сіе, слуга Притычкинъ предсталъ невидимо и шепнулъ на ухо башмачнику Горю слѣдующія слова: скажи ты Мистафору на сей вопросъ, что батюшка твой, садясь за столъ, всегда кормилъ прежде бѣдныхъ людей, подавая каждому кусокъ хлѣба, и вмѣсто соли сыпалъ золотую казну, и когда ты сіи рѣчи выговоришь, то вели мнѣ подать золотой казны мѣшокъ. Мнимой царевичъ Дардаванъ тѣ же самыя слова Мистафору пересказавши и наръзавши чернаго хлѣба, закричалъ слугѣ своему Притычкину, чтобъ онъ при-

несъ ему золотой казны мѣшокъ. Проворной Притычкинъ тотчасъ принесть казны золотой мѣшокъ, взятой имъ, или, такъ сказать, уварованной изъ Мистафоровой кладовой, а Горя приказалъ ему собрать сборище нищихъ. Слуга побѣжалъ и привелъ тотчасъ съ собой великое множество бѣдныхъ, а башмачникъ Горя началъ раздавать имъ хлѣбъ, посыпая на всякой ломоть золотой казны, и раздѣливши весь хлѣбъ и золотую казну, сталъ самъ обѣдать. Послѣ обѣда Мистафоръ говорилъ своей дочери: вотъ ты говорила, что это не князь Дардаванъ, теперь сама скажешь, что это онъ; нѣтъ батюшка, отвѣчала Догада, это не князь Дардаванъ, а башмачникъ нашъ Горя Кручининъ! Ты право умарехнулась, сказалъ ей на то Мистафоръ; я чаю, что уже башмачника Горю Кручинина давно чортъ взялъ. А вотъ я докажу, что это точно не онъ, сказала Догада; ежели вы уймете его у себя ночевать, то прикажите послать ему свою постель, и ежели онъ на ту постель ляжетъ, такъ это не князь Дардаванъ, а башмачникъ Горя. Когда пришелъ вечеръ и уже было поздно, Мистафоръ велѣлъ для башмачника послать добрую свою постель, и какъ постель постлали, то Мистафоръ сказалъ минимому царевичу, чтобъ онъ удалился для покоя въ наступающую ночь. Горя, вошедъ въ спальню и увидя, что это не та постель, про которую ему сказывалъ слуга его Притычкинъ, тотчасъ, какъ будто съ великимъ сердцемъ, кликнулъ Притыкина и ударилъ его въ рожу, весьма плотно, говоря: развѣ ты бездѣльникъ того не знаешь, что я здѣсь буду ночевать, для чего ты не приготовилъ мнѣ моей постели, вить ты вѣдаешь, что я всегда сплю на своей стопудовой постелѣ, ступай скорѣе и принеси сюда постель. Притычкинъ побѣжалъ опрометью и принесть стопудовую постель, которую укралъ онъ у князя Дардавана. Башмачникъ Горя раздѣлся и легъ на постель, а

Догада велѣла нарочно зажечь множество свѣчъ и отнестъ въ его спальню; однако Горя не промахъ, прогналъ ихъ всѣхъ и со свѣчми, сказавъ имъ: у меня и безъ вашихъ свѣчей свѣту довольно, и велѣлъ Притычкину подать камень, которой ему того-же времени и принесенъ; ибо онъ и камень тотъ свѣтозарной укралъ вмѣстѣ съ постелью у князя Дардавана. Горя положилъ тотъ камень на столъ и легъ спать и отъ того камня такой сдѣлался великой свѣтъ, что и Боже упаси, пуще зарева возсіялъ. Среди же самой глухой ночи Догада послала къ башмачнику Горѣ въ спальню одну свою служанку и велѣла ей украсть тотъ свѣтозарной камень со стола. Лишь только что вошла служанка въ спальню и хотѣла взять тотъ камень, то вдругъ слуга Притычкинъ, который тогда лежалъ возлѣ дверей, вскочивъ, сказалъ ей: не стыдно ли тебѣ дѣвица красная воровать у будущаго твоего господина? За то должна теперь ты оставить мнѣ закладъ, онъ снялъ съ той служанки юбку, тѣлогрѣю, да третій платокъ, и такъ ее отъ себя отпустилъ. Служанка, пришедъ къ своей госпожѣ Догадѣ, рассказала все происшествіе; однако Догада не унялась, и чрезъ часъ времени, думая, что башмачникъ Горя и его слуга Притычкинъ спятъ, послала другую дѣвку украсть камень; когда и та вошла въ спальню, то Притычкинъ и съ нею равно же поступилъ, связъ съ нее юбку, тѣлогрѣю и платокъ съ головы и отпустилъ. Послѣ того еще чрезъ часъ времени Догада, думая что уже конечно они заснули, вздумала сама пойти и украсть камень; но лишь только что вошла въ спальню къ башмачнику Горѣ и принялась за камень, то Притычкинъ тотчасъ вскочивъ, схватилъ ее и сказалъ: какъ не стыдно вашей честной милости творить такіа пакости, вить это не довлѣетъ честнѣйшаго отца дочери, чтобъ вступать въ такое

дѣло, и за то прекраснѣйшая княжна прошу оставить закладъ; по сказанному, какъ по писанному, Притычкинъ, снявъ съ нее юбку, тѣлогрѣю и съ головы платокъ, отпустилъ отъ себя Догаду со стыдомъ и сожалѣніемъ. На другой день по утру, когда всталъ башмачникъ, Горя Кручининъ, слуга Притычкинъ разсказалъ ему, что ночью происходило, и совѣтовалъ Горѣ башмачнику, когда пойдетъ онъ къ Мистафору, и Мистафоръ начнетъ ему загадывать загадку. то бы онъ ему отвѣчалъ: я не отгадываю загадокъ, а самъ загадываю, и тогда ты загадай Мистафору слѣдующую загадку: «гулялъ я въ вашихъ зеленыхъ лугахъ, и поймалъ три козы, спялъ съ нихъ по три кожи.» Когда Мистафоръ о томъ усумнится и станетъ говорить, что нельзя стать, чтобъ на козѣ было три кожи, тогда кликни ты меня и вели подать тѣ кожи. Башмачникъ Горя, выслушавъ слуги своего Притычкина новое наставленіе, пошелъ къ Мистафору, а Мистафоръ началъ загадывать ему загадки; Горя на то ему сказалъ: я не отгадываю загадокъ, а самъ загадываю, и говорилъ ему: «гулялъ я въ вашихъ зеленыхъ лугахъ, и поймалъ три козы, спялъ я съ нихъ девять кожъ.» Мистафоръ весьма усумнился и сказалъ! этому нельзя стать, чтобы на каждой козѣ было по три кожи. Конечно это такъ и точно это правда, сказалъ башмачникъ Горя, и позвавъ Притычкина велѣлъ ему принести тѣ кожи, которыми онъ снялъ съ трехъ козъ: слуга вскорѣ потомъ принесъ къ нему оныя. Мистафоръ, увидѣвъ платье дочери своей, очень огорчился и распалился на нее сердцемъ своимъ и спрашивалъ мнимого царевича, какъ попалось къ нему Догадино платье? Башмачникъ разсказалъ ему, какъ все происходило, и Мистафоръ, разгнѣвавшись на свою дочь, послѣ ей сказалъ: вотъ ты мнѣ говорила, что это не князь Дарда-

ванъ, а башмачникъ Горя Кручининъ, и такъ не хочу я теперь больше терпѣть, чтобъ мѣшкать твоимъ замужествомъ; ты сей же день готовься къ вѣнцу. И такимъ образомъ въ тотъ же самый день Горя женился на Догадѣ. По нѣсколькомъ времени послѣ его свадьбы, слуга Притычкинъ, пришедъ къ башмачнику Горѣ, сказалъ ему: ну! теперь я довольно сдѣлалъ тебя счастливымъ, то сдѣлай же и ты для меня то, о чемъ я тебя попрошу. Въ саду вашемъ есть прудъ, и въ томъ пруду жилъ прежде я, и мыла въ томъ пруду дѣвка платье и уронила съ себя кольцо и меня изъ пруда тогда выжила; вели ты изъ того пруда воду вычерпать и тотъ прудъ вычистить, и чтобы тамъ кто не нашелъ, вели къ себѣ приносить, и когда найдется, то вели опять въ прудъ выпустить чистую воду и сооронить шлюпку и поѣзжай на той шлюпкѣ кататься по тому пруду, вмѣстѣ съ твоею женою и со мною; а я тогда брошусь въ воду, хотя жена твоя и закричитъ: ахъ! слуга Притычкинъ утонуть: но тогда скажи ты ей: чортъ его возьми. Башмачникъ Горя, выслушавъ отъ слуги Притычкина такія рѣчи, велѣлъ въ саду прудъ высушить и чистить, и велѣлъ также, что кто въ томъ прудѣ найдетъ, приносить къ себѣ, и какъ тотъ прудъ стали чистить, то мальчикъ нашелъ тамъ кольцо, которое и принесъ къ башмачнику Горѣ, а башмачникъ Горя велѣлъ въ прудъ воду выпустить и сооронить шлюпку, и какъ все то готово сдѣлано было, сѣлъ онъ съ своею женою и съ слугою Притычкинымъ въ шлюпку и катался по тому пруду; слуга же Притычкинъ вдругъ бросился въ воду, а Догада закричала: ахъ! слуга Притычкинъ утонуть; тогда башмачникъ Горя сказалъ: чортъ его возьми, мнѣ онъ больше не надобенъ. Князь же Дардаванъ, настоящій обрученный женихъ Догадинъ, посланъ былъ на сраженіе, гдѣ былъ убитъ, а баш-

мачникъ Горя Кручининъ сталъ называться его именемъ, и
жилъ съ Догатою множество лѣтъ въ великой радости и
благополучи, забывъ свою прежнюю несчастную судьбу.

ЗАГАДКИ.

Безъ лица въ личинѣ.

Поймалъ я коровку
Въ темныхъ лѣсахъ;
Повелъ я коровку
Мимо Лобкова,
Мимо Бровкова,
Мимо Глазкова,
Мимо Носкова,
Мимо Щечкова,
Мимо Ушкова,
Мимо Роткова,
Мимо Губкова,
Мимо Ускова,
Мимо Бородкова,
Мимо Шейкова,
Мимо Грудкова,
Мимо Ручкова,
Мимо Плечкова,
Мимо Пояскова,
Привелъ я коровку
На Ноготково.
Тутъ я коровку
И сталъ принимать.

(вошл)

1.

Баринъ ѣздилъ мимо кузницы, и все видитъ, что кузнецъ куетъ день и ночь; онъ и спрашиваетъ: что ты кузнецъ все куешь, куда деньги дѣвать будешь?—А я, баринъ, первую долю — долгъ плачу, вторую долю — въ долгъ даю, третью долю—въ воду рою, а четверту долю—самъ воспитываюсь.

Отгадка.

Первая доля—отца и мать кормлю;
вторая доля—сына рошу;
третья доля—дочь кручу (замужъ отдаю)
четвертая доля—себя содержи.

2.

Мужикъ пошелъ въ лѣсъ,
Въ лѣсъ идетъ
Домой глядитъ:
Изъ лѣсу идетъ—
Домой глядитъ.

(Топоръ).

3.

Кланяется, кланяется:
Придетъ домой—растянется.
(Топоръ).

4.

Сухой Мартынъ
Далеко плуесть.
(Ружье).

5.

Скоро ѣсть,
Мелко жуесть,
Сама не глотаетъ,
Другой сытъ бываетъ.
(Пила).

6.

На улицѣ горбушка
Въ избѣ ломотокъ.
(Бревно).

7.

Черный кочетъ
Рывкнуть хочетъ.
(Ружье).

8.

Сама самоѣлка
Сама сѣлалася
Безъ топора

Безъ клина
Безъ ножичка.
(Щель въ бревнѣ).

9.

Вкругъ поля хожу,
Въ одну жердь колочу.
(Набивка обручей).

10.

Что въ избѣ самоѣтся?
(Щель въ бревнѣ).

11.

Два конца,
Два кольца,
А въ серединѣ гвоздикъ.
(Ножницы).

12.

Дудка—дуга,
На дудкѣ дыра;
Дуда затрещитъ,
Собака бѣжитъ.
(Ружье).

13.

Цѣпь за цѣпь,
Конечъ за печь.
(Щель въ бревнѣ).

14.

Сидитъ баба на юру,
Ноги свѣсила въ рѣку.
(Мельница).

15.

Заплатчу заплатку
Безъ иглы, безъ нитки.
(Замазка щели).

16.

Синенька, маленька,
По городу скачетъ,
Всѣхъ людей красить.
(Иголка).

17.

Летитъ орелъ,
Во рту огонь,
По конецъ хвоста
Человѣчья смерть.
(Ружье).

18.

На окошкѣ пятакъ,
Ни кому его не взять:
Ни попамъ,
Ни дякамъ,
Ни гороховикамъ.
(Сучекъ).

19.

Идетъ свинья изъ болота,
Вся испорота.
(Брединь).

20.

Лежитъ брусъ
Во всю Русь,
Въ томъ брусъ
Двѣнадцать гнѣздъ
Въ каждомъ гнѣздѣ
По двѣнадцати яицъ;
Въ каждомъ яйцѣ
По двѣнадцати цыплятъ.
(Матица).

21.

Летитъ воронъ,
Носъ окованъ:
Гдѣ ткнетъ,
Руда канетъ.
(Ружье).

22.

Въ лѣсу выросъ,
На стѣнѣ вывисъ,
На рукахъ плачетъ,
Кто слушаетъ—скачетъ.
(Гудокъ).

23.

Выше лѣса,
А тоньше колоса.
(Вѣтеръ).

24.

Сорокъ братанъ,
На одномъ сголовкѣ спать.
(Накатъ на матицѣ).

25.

Безсмертная черная овечка
Вся въ огнѣ горить.
(Ночь).

26.

Въ полѣ, полищѣ
Несутъ голенище
Въ этомъ голенищѣ:
Деготь, леготь
И смерть не далече.
(Ружье).

27.

Стоить садъ,
Въ саду 12 грядъ,
На грядяхъ по 4 бороздки,
На бороздкѣ по семи кочней.
(Годъ).

28.

Сорокъ братцевъ
На одной подушкѣ лежать.
(Накатъ на матицѣ).

29.

На горѣ, горищѣ
Лежить голенище:
Въ томъ голенищѣ
Деготь, леготь,
И смерть не далеко.
(Ружье на плечѣ).

30.

Стучить, гремить, вертится,
Ходить весь вѣкъ,
А не человекъ.
(Часы).

31.

Дарья да Марья
Часто видятся
А не обоймутся.
(Полъ и потолокъ).

32.

Летить птица тонка,
Перья красны
Да желты,

По концѣ ея
Человѣчья смерть.

(Ружье, выстрѣлъ).

33.

Скатерть бѣла
Весь свѣтъ одѣла.

(Спѣтъ).

34.

Безъ крылъ летить.

(Вѣтеръ).

35.

Безъ ногъ бѣжить.

(Туча).

36.

Безъ огня горить.

(Солнце).

37.

Безъ ранъ болить.

(Сердце).

38.

Летѣла сова
Изъ красна села,
Сѣла сова
На четыре столба.

(Выстрѣлъ).

39.

Много сосѣдей
Рядомъ вѣкъ живутъ
А никогда не видятся.

(Окна).

40.

Вечеромъ на земь слетаетъ,
Ночь на землѣ пребываетъ,
Утромъ опять улетаетъ.

(Роса).

41.

Въ печуркѣ
Три чурки,
Три гуся,
Три утки,
Три яблочка.

(Ружейный зарядъ).

42.

Блюдо оловянно,
Края деревянные.

(Оконныя рамы).

43.

Ударю я булатомъ
По бѣлымъ каменнымъ палатамъ,
Выйдесть княжна,
И сядетъ на пуховую перину.
(Огниво, кремь,
трутъ, искра).

44.

Летѣла тетеря,
Вечеромъ не теперь,
Упала въ лебеду—
И теперь не найду.

(Пуля).

45.

Вокругъ избушки
Все поползушки.

(Ставни).

46.

Ни въ огнѣ не горитъ,
Ни въ водѣ не тонетъ.

(Ледъ).

47.

Ноги каменны,
Голова деревянная
А самъ въ шабурѣ.
И ходить въ водѣ.

(Недотка, мережа).

48.

Есть дерево:
Крикъ унимаетъ,
Свѣтъ наставляетъ,
Больныхъ исцѣляетъ.
(Береза: она даетъ деготь,
лучину и бересту).

49.

Виситъ, болтается,
Къ ночи въ дырочку спускается.
(Болтъ).

50.

Дворъ дыровать.
Люди говорятъ,
А выйти не велятъ.

(Морда).

51.

Подъ ярусомъ, ярусомъ,
Виситъ вицунъ
Съ краснымъ гарусомъ.

(Рябина).

52.

Двое ходятъ,
Двое бродятъ.
Двое сойдутся
Приобоймутся,
Поцалуются.

(Двери).

53.

Ѣхалъ не конемъ,
Погонялъ не кнутомъ,
Жегъ не палку,
Угодилъ не въ галку

Сварилъ
Не отеребилъ.

(На лучину рыбачить).

54.

Сидитъ дѣвица
Въ темной темницѣ,
Коса на улицѣ.

(Марковъ).

55.

Пришли воры

(Рыбаки).

Хозяевъ украли

(Рыбу).

А домъ въ окошки ушелъ.

(Вода въ ячейки невода).

56.

Ходить безъ ногъ,
Держить безъ рукъ;
Кто идетъ
Тотъ заворотъ беретъ.

(Дверь).

57.

Пошелъ по тух-тухту,
Взялъ съ собой тав-тавту;
Нашелъ я на храпъ тахту.

(Пошелъ за лошадыю,
взялъ съ собой собаку,
а нашелъ на медвѣдицу).

58.

Самъ алый сахарный,
Кафтанъ зеленый, бархатный.

(Арбузъ).

59.

Узелокъ Кузьма
Развязать нельзя
Имячко хорошо:
Алексѣемъ зовутъ.

(Замокъ).

60.

Семьдесятъ одежекъ,
А все безъ застежекъ.

(Качанъ).

61.

Шелъ я
По тюх-тютю
Нашелъ я
Валюх-тютю
Кабы это
Не валюх-тютю
Такъ-бы съѣла
Меня тюх-тютю,

(Мужикъ, топоръ и
медвѣдь).

62.

Подъ дубкомъ

(Подъ кустикомъ, кустомъ),
Свилась клубкомъ,
Да и съ хвостикомъ.

(Рѣпа).

63.

Тычу, потычу
Ночью не вижу,
Дай-ка невѣстка
Днемъ попытаю.

(Замокъ и ключъ).

64.

Въ лѣсу выросло,
Изъ лѣсу вынесли,
На рукахъ плачетъ,
А на полу скачутъ.

(Балалайка).

65.

Свѣтъ-цвѣточекъ
Въ сыру землю зашелъ,
Синю шапку нашелъ.

(Ленъ).

66.

Лежить Химка на полу,
У ней дырка на боку
Подошелъ Тимошка
Попробовалъ немножко.

(Замокъ и ключъ).

67.

Въ лѣсу-то тятъ-тятъ,
Дома-то лятъ-лятъ,
На колѣна возмешь-заплачетъ.

(Балалайка).

68.

На курганъ-варганъ
Стоитъ курочка
Съ серьгами.

(Овесъ).

69.

Дубъ дыроватъ
Въ дубу ядра говорятъ.

(Жилая изба).

70.

На полѣ Ногайскомъ
На рубежѣ Татарскомъ
Стоять столбы точеные
Головки золоченныя.

(Рожь).

71.

По сторону бѣлецъ,
По другую бѣлецъ;
По серединѣ чернецъ.

(Печь, чело и очелышъ).

72.

Баба-яга, вилами нога:
Весь міръ кормить,
Сама голодна.

(Соха).

73.

На морѣ на коробанскомъ,
Много скота тараканскаго
Одинъ пастухъ королецкій.

(Звѣзды и мѣсяцъ).

74.

Два бѣльца
Ведутъ чернеца.

(Печь, чело и очелышъ).

75.

Поле маленько,
Распахано гладенько
Не сохой, не бороной—
Чертовой бородой.

(Подъ и помело).

76.

Худая рогожа
Все поле покрыла.

(Борона).

77.

Широко поле каракайскос,
На немъ много
Скота тараканскаго,
Одинъ пастухъ,
Ровно ягодка.

(Звѣзды и мѣсяцъ).

78.

Сидитъ баба на печкѣ
Въ бѣлой спанечкѣ.

(Печная труба).

79.

День и ночь торчитъ
Одно утро спитъ.

(Заслонъ).

80.

Раскину я рогожку,
Насыплю горошку,
Поставлю квасу кадушку
~~Помещу хлѣба краюшку.~~

(Звѣзды, мѣсяцъ и дождикъ).

81.

Потату потаты,
Такату такаты—
А яички ворохомъ несутся.

(Цѣпь, молотба, зерно).

82.

Бабушка Софья
День и ночь сохнетъ:
Утро придетъ
Она вонъ уйдетъ.

(Заслонъ).

83.

Щука ныряетъ,
Весь лѣсъ валяетъ
Горы ставитъ.

(Коса).

84.

Сидитъ баба на печѣ
Въ бѣлой епанчѣ.

(Печная труба).

85.

Поле водочное
Огородъ кожаный,
Овцы аржанскія,
Пастухъ ухарскій.

(Небо, земля, лѣсъ, лѣпшій).

86.

Мать грузна,
Дочь красна,
Сынъ легче перушка.

(Печь, огонь и дымъ).

87.

Сколько до неба высоко.
По землѣ широко,
До мертвыхъ далеко?

(Если-бъ высоко—

То тамъ-бы гремѣло,
А здѣсь-бы не слышать было;
Если-бъ широко—

То солнышко въ семичасовой
день

Не обошло-бы кругомъ;
А умеръ отецъ и дѣдъ—
Такъ ихъ и нѣтъ).

88.

Бѣлая баянка
По полю ходила,
Домой пришла,
Подъ сарай легла.

(Коса).

89.

Ротъ до ушей,
Хоть завязки пришей.

(Мялка).

90.

Мать толста,
Дочь красна,
Сынъ синь,
Подъ небеса ушелъ.

(Печь, огонь и дымъ).

91.

Красная дѣвушка
По небу ходить.

(Солнце).

92.

Кумово мотовило
Подъ небеса уходило.

(Дымъ).

93.

Поле не мѣрино,
Овцы не считаны,
Пастухъ рогатый.

(Звѣзды, мѣсяцъ).

94.

Сѣдой старикъ
Кусковѣмъ набить..

(Овинъ).

95.

Стоить ларчикъ
Средь избы
Въ ларчикѣ есть платъ
Въ платѣ золото.

(Изба, печь, чело, жаръ).

96.

Погляжу въ окошко,
Стоить рѣпы лукошко.

Выгляну въ окошко—
Полно рѣпы лукошко.

(Небо и звѣзды).

97.

Батюшка—татерь,
Матушка—ладья
Сыки—хватки
Дочушки—полизушки.

(Овинъ, ладонь, цѣпъ, метла).

98.

Старая Варвара
Да сухой Матвѣй
Привязался къ ней
И теперь у ней.

(Печь и голбецъ).

99.

Вся дорожка
Осыпана горошкомъ.

(Звѣзды на небѣ).

100.

Ниже верху
Выше печи
Прѣбеть плечи.

(Полати).

101.

Разсыпался костеръ,
Никому не собрать:

Ни попамъ,
Ни дякамъ,
Ни серебряникамъ.

(Щепанье лучины).

102.

Криво, лукаво,
Куда побѣжало?
Зелено, кудряво,
Тебя стерегу.

(Городьба и озимь).

103.

Стоить Ермошка
На одной ножкѣ,
Крошить крошонки
Ни себѣ, ни жепѣ,
Ни добрымъ людямъ.

(Свѣтець).

104.

Весь міръ подпоясанъ,
Одинъ староста распоясанъ.

(Снопъ и овинъ).

105.

Шли козы по мосту
Увидѣли зорю.
Попрыгались въ воду.

(Звѣзды).

106.

Рѣжутъ меня,
Вязжутъ меня,
Бьютъ нещадно,
Колесуютъ—пройду
Огонь и воду,
И конецъ мой—
Ножъ и зубы.

(Хлѣбъ).

107.

Стоить Тимошка
На одной ножкѣ,
Крошенину крошить.

(Свѣтець).

108.

По утру съ сажень,
Въ полдень
Съ пядень
А къ вечеру
Черезъ поле хватаетъ.

(Тѣнь).

109.

Большой братъ
Меньшого не догонитъ.

(Колеса).

110.

Красенькій котикъ
По шестикѣ ходить.
(Горящая лучина).

111.

Побѣгушки бѣгутъ,
Поползушки ползутъ.
(Сани ѣдутъ).

112.

Мету, мету,
Не вымету,
Несу, несу,
Не вынесу.
Пора придеть,
Сама уйдетъ.
(Тѣнь).

113.

Утромъ смѣется,
А вечеромъ слезы текутъ.
(Свѣча).

114.

Стоитъ городъ,
Въ городу 12 башень,
Изъ каждой башни
По 4 окошка,
Изъ каждого окошка
По семи выстрѣловъ.
(Годъ).

115.

Родился не крестился,
А Христа на себѣ носилъ.
(Осель).

116.

Яко дубъ,
Яко плѣнь,
Яко платье на немъ,
Яко писанная,
Яко разрисованная.
(Икона).

117.

Лежить колода
Поперекъ дороги,
Въ колодѣ 12 гнѣздъ
Въ гнѣздѣ по 4 яичка
Въ яичкѣ по семи зародышковъ,
Что выйдеть?
(Годъ).

118.

Стоитъ Никола
Въ полуподгорьѣ,
Копьемъ оперся
Камкой упился.
(Накрытый столъ).

119.

Выросло дерево
Отъ земли до неба,
На этомъ деревѣ
12 сучковъ,
На каждомъ сучкѣ
По 4 кошеля,
Въ каждомъ кошелѣ
По семи яицъ,
А седьмое красное.

(Годъ).

120.

Вставу рано,
Пойду къ барану,
Къ широкой бородѣ
Къ пустой (толстой) головѣ.
(Рукомойка и полотенце).

121.

Стоить столпъ,
На столпѣ 12 гнѣздъ,
Въ гнѣздѣ по 4 чирка,
Въ чиркѣ по 7 яицъ.

(Годъ).

122.

По горамъ, горамъ,
Ходить шуба
Да кафтанъ.

(Овца).

123.

Висится, болтается,
Всякъ за него хватается.
(Полотенце).

124.

Стучить,
Гремить,
Вергится
Страху Божьяго
Не боится;
Считаетъ нашъ вѣкъ,
А не человѣкъ.
(Стѣнные часы).

125.

Вѣлы хоромы
Красны подпоры.
(Гусь).

126.

365 галокъ,
52 сокола,
12 орловъ,
Сосенка золотая,
Маковка сухая.
(Годъ).

127.

Что всегда ходить?
А съ мѣста не сходить?
(Стѣнные часы).

128.

По полу гудокъ,
По лавкѣ гудокъ
Погудивши гудокъ
Сѣлъ въ уголокъ.

(Голикъ).

129.

Маленькій Трофимчикъ
Скочилъ черезъ овинчикъ.

(Голикъ).

130.

Черная корова
Весь міръ поборолъ.

(Ночь).

131.

Не великъ мужичокъ
Ножки жиденьки;
Подпоясанъ коротенько,
А по избѣ пойдеть—
Такъ пылъ столбомъ.

(Голикъ).

132.

Двемъ курица ребрится,
Къ ночи въ уголъ садится.

(Голикъ).

133.

Царица клюковица
По полю скакала,
Красно золото зобала.
Пришелъ царь Космачъ
И говоритъ: Богъ помочь,
Царица клюковица,
Красно золото зобать!
Она говоритъ:
Молчи, ты царь Космачъ:
И тебѣ то же будетъ.

(Кочерга и помело).

134.

Сестра къ брату
Въ гости идетъ,
А онъ отъ сестры
Прячется (или пятится).

(День и ночь).

135.

Ланочекъ пучекъ,
Утромъ въ огонькѣ,
Ночью въ уголкѣ.

(Помело).

136.

Былъ я на копанцѣ;
Былъ я на хлананцѣ;
Былъ на пожарѣ,
Былъ на базарѣ;

Молодъ былъ
Людей кормилъ,
Старъ сталъ
Пеленаться сталъ,
Умеръ—мои кости негодящія
Бросили въ ямку
И собаки не гложутъ.

(Горшокъ).

137.

Поднять можно
А черезъ избу
Перекинуть нельзя.

(Пухъ).

138.

Былъ я копанъ,
Былъ я топтанъ,
Былъ я на пожарѣ,
Былъ я на кружалѣ,
Сто головъ кормилъ
Сдѣлался старъ—
Пеленаться сталъ;
Выбросили за окно
И собакамъ не надобно.

(Горшокъ).

139.

Живетъ безъ тѣла,
Говоритъ безъ языка,
Плачетъ безъ души,
Смѣется безъ радости;

Никто его не видитъ,
А всякъ слышитъ.
(Голкъ, отголосокъ).

140.

Родился—вился;
Жилъ—мучился;
Палъ—убился;
Нѣтъ ему ни отпѣванья,
Ни погребенья.

(Горшокъ).

141.

Два рога,
А не быкъ,
Шесть ногъ
Безъ копытъ.

(Ракъ).

142.

Безъ рукъ,
Безъ ногъ,
А ворота отворяетъ.

(Вѣтеръ).

143.

Младъ я былъ
Много душъ кормилъ,
Старъ я сталъ
Пеленаться сталъ.
Умеръ безъ погребенья,
Безъ поминовенья.

(Горшокъ).

144.

Отцова сундука
Не подынешь,
Матушкина столечника
Не скатаешь,
Братнина коня
Не обуздаешь.

(Земля, снѣгъ, вѣтеръ).

145.

Жилъ былъ
Много душъ кормилъ,
Умеръ—ни погребенья,
Ни поминovenья.

(Горшокъ).

146.

Домъ шумить,
Хозяева молчать;
Пришли люди,
Хозяевъ забрали,
Домъ въ окошки ушелъ.

(Рыба, неводъ).

147.

Былъ ребенокъ—
Не зналъ пеленокъ;
Старъ сталъ—
Пеленаться сталъ.

(Горшокъ).

148.

Есть крылья—
Не летаетъ;
Ногъ нѣтъ,
А не догонишь.

(Рыба).

149.

Умеръ Дороня;
Никто его не хороня;
Вынесли на улицу—
Ни собаки не ѣдятъ,
Ни вороны не клюютъ.

(Горшокъ).

150.

Туръ ходитъ
По горамъ,
Турица-то
По доламъ,
Туръ свиснетъ,
Турица-то
Мигнетъ.

(Гроза).

151.

Летитъ птица
Крутоносенькая,
Несетъ тафту
Крутожелтенькую.

Еще та тафта
Ко Христу угодна.

(Пчела).

152.

Раскатился черкасъ
Никому его не скленть:
Ни попу,
Ни дяку,
Ни серебренику.

(Горшокъ).

153.

Взять отъ земли яко же Адамъ;
Ввержень въ печь огненную, яко три отрока;
Взять отъ пещи и возложенъ на колесницу,
яко Илія;
Везенъ быеть на торжище яко же Іосифъ;
Ставленъ на лобное мѣсто
И биенъ по главѣ яко же Іисусъ;
Возопи велимъ гласомъ
И на гласъ его приде нѣкая жена,
Яко же Марія Магдалина
И, купивши его за мѣдницу, принесе домой,
Но расплакася по своей матери, умре
И до нынѣ его кости лежатъ не погребены.
(Горшокъ).

154.

Во темной темницѣ
Красны дѣвицы,
Безъ нитки,

Безъ спицы (иглы)
Вяжутъ вязеницы.

(Пчелы въ ульѣ).

155.

Гробъ плыветь,
Мертвецъ реветъ,
Ладанъ пышетъ,
Свѣчи горятъ.

(Туча, громъ, молнія).

156.

Сидитъ баба на полкѣ,
Считаетъ балаболки;
Полка хлопъ,
Бабѣ въ лобъ.

(Горшокъ).

157.

Пала мати съ печи,
Говорила сыну рѣчи:
Сходи, сынъ, въ лѣсъ
Выруби мнѣ жилу,
Чтобъ я два вѣка жила.

(Молостовъ).

158.

Черный котъ
Феклу третъ;
Фекла дуритъ:
Поприбавитъ велитъ.

(Сковорода и сковородникъ).

159.

До неба достанетъ,
А отъ земли не видать.

(Дождь).

160.

Точимъ скатерти браныя,
Ставимъ яства сахарныя,
Людямъ на потребу,
Богу въ угоду.

(Пчелы).

161.

Въ лѣсу тяпъ, тяпъ, тяпъ;
Дома ляпъ, ляпъ ляпъ,
Около: тпруценька.
Въ середкѣ: тпру!

(Рѣшето).

162.

Сидитъ дѣвица
Въ темной темницѣ,
Вяжетъ узоръ,
Ни петлей,
Ни узломъ.

(Пчела).

163.

Чудо чудомъ:
Сошлось кругомъ,

Дыръ много,
А выскочить некуда.

(Рѣшето).

164.

Безъ души родился,
Народу пригодился;
Дамъ пить—пѣть,
 Попрошу—отдастъ.

(Боченокъ).

165.

Грядка—воронецъ,
Татарскій жеребецъ
По берегу рыщетъ,
Гужица ищетъ,
Задавиться хочетъ.

(Ушатъ).

166.

Мостится мостъ
Безъ досокъ,
Безъ топора,
Безъ клина.

(Ледъ).

167.

Ни звѣрь,
Ни птица,
А носъ
Какъ спица.

(Комаръ).

168.

Двое купаются,
Третій валяется;
Двое вышло,
Третье повисло.

(Ведро и корамысла).

169.

Безъ рукъ,
Безъ ногъ
На бабу скокъ.

(Корамысло).

170.

Полно корыто
Голубокъ нарыто;
Голубки клевали,
Носки замарали,
Людей напитаи.

(Чашка и ложки).

171.

Церковка,
Соловейковка,
Никто ее не гладить.
Сама гладка.

(Бутылка).

172.

Въ брюхѣ—баня,
Въ носу рѣшето;

На головѣ—пушокъ,
Всего одна рука,
И та—на спинѣ. (Чайникъ).

173.

Ходить Хамъ по базару,
Хвастается дубиною:
«Ахъ! у меня дубина
«Золотая, маковка увитая».

(Безменъ).

174.

Ни плетъ плетена,
Ни везъ везена,
Ни узлы знать
И не развязать.

(Цѣпь).

175.

Тараска спить,
А таратайка гуторить.

(Опара).

176.

Съ вечера заеркалось,
Къ полуночи задергалось,
Къ утру конецъ усталъ
И ходить пересталъ. (Тѣсто мѣсятъ).

177.

Сама сѣма во кругу,
Шевельнуться не могу:

На рукахъ кандалы,
Ноги распростерты.

(Квашня съ опарой).

178.

Вымету я вымету
Чистое поле,
Загоню я загоню
Бѣлаго скота.

(Хлѣба въ печи).

179.

Летить—воетъ,
А сидеть—землю роетъ.

(Жукъ).

180.

Камовато,
Ноздревато,
И губато,
И горбато,
И тяскло,
И кисло,
И прѣсно,
И вкусно,
И красно;
И кругло, (и грузно),
И легко,
И мягко,
И твердо,
И ломко,
И черно,

И бѣло,
И всѣмъ людямъ
Мило.

(Каравай).

181.

Пришли мужички
Безъ топоровъ,
Срубили избу
Безъ угловъ.

(Муравьи).

182.

Разсыпался стакашекъ
По мѣдненькомъ,
По серебрянкомъ,
По всѣмъ городамъ,
Никто его не соберетъ.

(Крошки хлѣба).

183.

Сѣчка сѣчетъ,
Деревянка везетъ,
Мартынъ поворачиваетъ.

(Бѣда).

184.

Деревяшка везетъ,
Сѣчка сѣчетъ,
Самъ Романъ
Поворачиваетъ.

(Бѣда).

185.

Черна, мала крошка;
Соберутъ немножко,
Въ водѣ поварятъ —
Ребята съѣдятъ.

(Каша).

186.

Возьму пыльно,
Сдѣлаю жидко;
Брошу въ пламень —
Будетъ какъ камень.

(Пирогъ).

187.

На плѣшь
Каннешь,
Ставишь —
Попаришь;
Вынешь —
Поправишь.

(Блины).

188.

Не брусница,
Не клюква,
Не рѣпа,
Не брюква,
Не съменемъ садилась,
А такъ уродилась —

Въ великій сочельникъ,
Въ Петровъ понедѣльникъ,
Хлѣбу замѣна,
Грибамъ перемѣна.

(Волнуха).

189.

Заря зарница,
Ключи потеряла,
Мѣсяцъ пошелъ —
Не нашелъ,
Солнце взошло, —
Ключи нашло.

(Роса).

190.

Разница между каретой и деревней?
(Карету заложать, да по-
ѣдутъ, а деревню — по-
ѣдутъ, да и заложать).

191.

Не сѣяно,
Не молочено,
Въ воду обмачено,
Камнемъ пригнетено,
Къ зимѣ приблюдено.

(Волнуха).

192.

Подъ ледкомъ, ледкомъ
Стоитъ чашечка съ медкомъ.

(Яйца).

193.

Стоит море
На пяти столбахъ;
Царь-то говорить:
«Потѣха моя!»
А царица говорить:
«Погибель моя!»
(Стаканъ съ виномъ).

194.

Черненко,
Горяченко,
А всѣ любить.
(Чай).

195.

Загануть ли тѣ загадку,
Перекинуть черезъ градку,
Черезъ тынъ,
Черезъ плетень,
Черезъ барскій дворъ?
(Гребень и мочка).

196.

Четыре сестренки,
Четыре родныхъ
Одной опоясочкой
Опоясались.
(Мотовило).

197.

Грудью то третъ,
Ногою упретъ,
А рукой швыряетъ —
Стукъ, да стукъ.
(Тканье).

198.

Бѣжить свинка
Желѣзная спинка,
Льняной хвостикъ.
(Игла съ ниткой).

199.

Вокругъ носу вьется,
А въ руки не дается.
(Запахъ).

200.

Я не самъ по себѣ,
А сильнѣе всего
И страшнѣе всего,
И всѣ любить меня,
И всѣ губять меня.
(Огонь).

201.

Звѣрокъ
Съ вершокъ,
А хвостъ —
Семь верстъ.
(Игла съ ниткой).

202.

Тычу, потычу,
Ночью не вижу,
Давай ка, невѣстка,
Днемъ попытаемся.
(Нитку вдѣвають).

203.

Пятеро держать,
Да пятеро пихаютъ;
Двое примѣчаютъ
Ладно-ли пихаютъ.
(Нитку вдѣвають).

204.

Два конца,
Два кольца,
Въ серединѣ гвоздь,
Повертывай небось!
(Ножницы).

205.

Собой не одинака,
А нужна одинако
Младенцу и мертвецу
И доброму молодцу.
(Рубашка).

206.

Идетъ Егоръ
Съ высокихъ горъ,

Ковромъ покрыть,
Скобой прибить.
(Поденѣжная вода).

207.

У одного потолка,
У другого потолка
Всегда при себѣ.
(Рубашка).

208.

Суну—встанетъ,
Вытащу—пованетъ.
(Рукавъ).

209.

Днемъ, какъ обручъ,
Ночью какъ ужъ;
Кто отгадаетъ—
Будетъ мой мужъ.
(Поясъ).

210.

Парень молодой,
Праздникъ годовой—
Ходить, вздыхаетъ,
Глубоко пихаетъ.
(Сапоги).

211.

Гола Матрена
Для всѣхъ страшна,

А лубкомъ покрыта
Для всѣхъ ходка.
(Замерзлая рѣка).

212.

Ѣду, Ѣду —
Слѣду вѣту.
(Вода).

213.

Праздникъ годовой,
Молодчикъ молодой
Надѣваетъ бѣло,
Суеть въ черно;
Праздникъ пройдетъ —
Назадъ возыметъ.
(Сапоги).

214.

Распушу хохлушку,
Всуну голышка.
(Рукавицы).

215.

Рѣжу, рѣжу —
Крови вѣту.
(Хлѣбъ).

216.

Шарю я пошарю,
Дошарю до правды,

На правдѣ дыра,
На дырѣ хохоль,
Всунулъ да пошелъ.
(Рукавицы).

217.

Разойму мохнушку
Воткну голыша.
(Рукавицы).

218.

Шумить, хохочеть,
На дѣвку хочеть.
(Сарафанъ).

219.

Шумить, хлопочеть,
На дѣвушку хочеть.
(Сарафанъ).

220.

Красный бѣсъ
На дѣвку влѣзъ.
(Сарафанъ).

221.

Что подъ подоломъ.
(Подшивка).

222.

У молоденькой молодки
Подъ хвостомъ свѣтло.
(Кичка).

223.

На бабѣ вспотѣла
На дѣвушку захотѣла.

(Кичка).

224.

Малъ малышка,
Золота кубышка,
Ни звѣрь, ни птица,
Ни вода, ни масло.

(Серьга).

225.

Подъ лѣсомъ, лѣсомъ,
Колья съ вѣсомъ.

(Серьга).

226.

То—сто вито сто,
Перевито сто;
Кто сто отганеть
Тому сто рублей,
Кто не отганеть;
Тому сто плетей.

(Бусы).

227.

Стоить дѣвка на горѣ
Да дивуется дырѣ:
—Свѣтъ моя дыра,
Дыра золотая,

Куда тебя дѣти?

—На живое мясо вздѣти.

(Кольцо).

228.

Чѣмъ больше ѣшь,
Тѣмъ больше остается.

(Раки и орѣхи).

229.

Шли двѣ дѣвицы,
Купили по дырицѣ,
Вздѣли на сырое мясо.

(Кольцо)

230.

Въ лѣсъ идетъ—
Изъ лѣсу глядитъ;
Изъ лѣсу идетъ—
Въ лѣсъ глядитъ.

(Котомка).

231.

Стоить Варвара
Не ниже амбара,
Клонится—
Не переломится.

(Очень).

232.

Лежа на боку,
Съ берега въ рѣку

Пуномъ старуха
Воду цѣдить.

(Бочка).

233.

Шуба то нова
Да на подолѣ то дыра.

(Бочка).

234.

Сидить старуха
О семи кожухахъ;
Кто ее потронетъ—
Самъ заплачетъ.

(Луковица и лукъ).

235.

Поле поливанское,
Много скота ивановскаго,
Одинъ пастырь
И два яхонта.

(Небо, звѣзды, Богъ, луна съ
солнцемъ).

236.

Шароватый,
Кудреватый,
На макушкѣ
Плѣшь,
На здоровье
Съѣшь.

(Качанъ капусты).

237.

По льду, льду
Заиграю въ пикульду;
Стоить на льду
Цѣла церковь людей.

(Огурецъ).

238.

Какъ шли казаки
Изъ Азова;
На встрѣчу казакамъ
Стары бабы;
Казаки то имъ
Загадку загадали;
Загадали, наши други,
Загадали!

«А что таково
Въ саду зелено,
Собой красно,
Съ конца востро,
Въ землю вросло?
Отгадайте наши други,
Отгадайте?»

Стары бабы
Имъ загадки
Не отгадали,
Не отгадали, наши други,
Не отгадали!
Какъ шли казаки
Изъ Азова,
На встрѣчу казакамъ

Красны дѣвки;
Казакѣ то имѣ
Загадку загадали:
«А что таково
Въ саду зелено,
Собой красно,
Съ конца остро,
Въ землю вросло?
Отгадайте, наши други,
Отгадайте!»
Красны дѣвки
Имѣ загадку
Отгадали:

—(Это свекла).

239.

Не шатай меня мужикъ,
Не валяй меня, мужикъ,
Лучше стань на меня,
Ты напачкайся,
Наворакайся
Сколько можешь,
Сколько хочешь,
Сколько душенька свяжетъ.
(Черемуха).

240.

Маленькій,
Удаленькій
Въ землю ушелъ,
Красну шапочку нашелъ.
(Маковъ цвѣтъ).

241.

Цвѣтетъ, безъ цвѣту
(Папоротникъ).
Стоитъ безъ отвѣту
(Конь).
Безъ кореня
(Камень).
Выше лѣсу
(Свѣтелъ мѣсяцъ).
Чаще роши
(Часты звѣзды).
Безъ умолку
(Рѣка).
Безъ перемѣны
(Воля Божья).

242.

Кто мостъ моститъ,
Безъ ножа,
Безъ топора,
Безъ клинѣвъ,
Безъ подлинковъ?
(Ледъ).

243.

Маленькая крошка
Сквозь землю прошла,
Красну шапочку нашла.
(Маковъ цвѣтъ).

244.

Стоить сто столбовъ,
У ста столбовъ сто кольцовъ,
У ста колець—сто коней,
У ста коней—по сту уздъ,
У ста уздъ—по сту кистей,
У ста кистей—сто вѣстей.
(Хмѣль).

245.

Два братца
Въ воду глядятся,
Вѣкъ не сойдутся.
(Рѣка и берега).

246.

Стоить дубъ
Стародубъ
На томъ дубѣ
Стародубъ
Сидить птица,
Веретеница;
Никто ее не поймаетъ:
Ни царь,
Ни царица,
Ни красна дѣвица.
(Небеса и солнце).

247.

Весной растеть,
Лѣтомъ вьется,

Осенью цвѣтеть,
Зимой въ дѣло идетъ.
(Хмѣль).

248.

Безъ огня горить,
Безъ крыль летить,
Безъ ногъ бѣжить.
(Солнце, туча, рѣки).

249.

Одинъ говоритъ:
«Побѣжимъ, побѣжимъ;»
Другой говоритъ:
«Постоймъ, постоймъ;»
Третій говоритъ:
«Пошатаемся, пошатаемся.»
(Вода, берега, трава).

250.

Ноги—на морозѣ
Кишки—на деревѣ
Голова—на свадьбѣ.
(Хмѣль).

251.

Четыре ходаста,
Два бодаста,
Одинъ хлебестунъ.
(Корова).

252.

Четыре дѣвицы
Въ одну кринку плюютъ.
(Вымя).

253.

Стоить добро;
Въ то добро
Зашло добро;
Я взялъ добро
Да добромъ добро
Изъ добра выгналъ вонъ.
(Корова во ржи).

254.

Четыре четырки,
Двѣ растопырки,
Одинъ вертунъ,
Да два яхонта (яхруса).
(Кошка).

255.

Подъ поломъ поломъ
Ходить барыня съ коломъ
Ищетъ барыню съ хвостомъ.
(Кошка).

256.

Бѣжитъ Наташка
Въ семидесяти рубашкахъ,
Вѣтеръ дунетъ и тѣло голо.
(Курица).

257.

Стоить Перьянъ городъ;
Въ Перьянѣ—бѣлый градъ;
Въ Бѣломъ градѣ—воску брать.
(Курица и яйцо).

258.

Плотъ плыветъ,
Попъ поетъ;
Ладанъ пышетъ,
Свѣчи горятъ.
(Телѣга и лошадь).

259.

Кленовыя ноги,
Ходимъ по дорогѣ;
Большия ноги посили,
Людей кормили.
(Полосья).

260.

Что съ ушами и языкомъ,
а ничего не слышитъ и не
понимаетъ.
(Колоколъ и звонъ).

261.

Бѣлый лебедь
На яйцахъ сидитъ.
(Поля покрыты снѣгомъ).

262.

За уши повѣсили,
За языкъ подергали.

(Колоколь и звонъ).

263.

На полѣ полицѣ
Стоить теремище,
Въ томъ теремищѣ
Сусло и масло,
Скорбось и бодрось, и весель
И смерть не далеко.

(Кабакъ).

264.

Суну, посуну,
Дѣлаю посуду;
Высуну—поколочу,
И всю вызолочу.

(Ковка).

265.

За языкъ подергають,
За уши повѣсятъ—
Станетъ говорить.

(Колоколь и звонъ).

266.

Летѣлъ перхолъ,
Кафтанъ безъ полъ,

Легъ—шейку протянулъ,
Въ щелку заглянулъ.
(Влюга).

267.

Взойду я на горь-горь-горь,
Ударю я въ бомъ-бомъ-бомъ,
Утѣшу царя въ Москвѣ,
Короля въ Литвѣ,
Старца въ кельи,
Младенца въ зыбкѣ,
Красну дѣвицу
Въ высокомъ терему.

(Колоколь и звонъ).

268.

Стучить, гремить
По улицѣ весь вѣкъ,
А не человѣкъ.

(Мельница).

269.

А што, бате бате
Старище Елизарище
Куплется и похваляется:
Есть у меня калина—дубина
Съ двухъ концовъ свинцомъ налита.
(Мельничный валъ).

270.

Криво да мимо
Кула побѣжало?

Зелено—лукаво,
Тебя стеречи!

(Окозица и поле).

271.

По рублю ступаетъ,
Рубль подымаетъ,
На полтину глядитъ,
Сто рублей говорить.

(Знахарь).

272.

Летитъ птица павица,
Съѣла на лавицу,
Распустила перья—
Всякаго зелья.

(Разнощикъ).

273.

Баба яга—
Поротая нога.

(Соха).

274.

Поле обойдетъ
И въ житницу уйдетъ.

(Серпъ).

275.

Травы поѣмъ—
Зубы притуплю;
Песку хвачу,—
Опять наострю.

(Коса).

276.

Надъ головой крутится,
Въ рукахъ вертится,
Стучить и гремитъ,
Ничего не говорить.

(Цѣпъ).

277.

Посередь толсто,
Съ конца востро.

(Носило).

287.

Заброшу за грядку,
Годъ пушину,
Годовикъ сниму.

(Съютъ).

279.

Шука вертуха
Хвостомъ вернула:
Всѣ лѣса пали,
Стали горами.

(Косятъ).

280.

По какой дорогѣ
Полгода ѣздить,
Да полгода ходить?

(По рѣкѣ).

281.

Щука—бѣлуга
Хвостомъ мигнула,
Лѣса-то пали,
Горы встали.

(Косить).

282.

Туты на туты,
На тутовой горѣ
Всѣ туты избиты,
Головы обриты,
Ножи въ головахъ.

(Бабка сноповъ и серпы).

283.

Шелъ мимо двора поповскаго,
Видалъ дѣло таковское:
Головы разбиты,
А брюха распороты.

(Молотять).

284.

Малы малышки
Катали катышки,
Сквозь землю прошли,
По тышиѣ вползли,
Синю матку нашли,
Синя, синя, да и вишневая!

(Горохъ).

285.

Стоить домъ,
Безъ оконъ, безъ дверей,
А полонъ людей.

(Стручекъ).

286.

Криво—лукаво
Къ лѣсу бѣжало;
Зелено—кудряво
Спрашивало:
«Криво—лукаво!
Куда побѣжало?
—Зелено—кудряво,
Тебя стереги.»

(Изгородь въ полѣ).

287.

Лежить брусъ
Во всю Русь;
Если-бы руки да ноги—
То бы всталъ,
Да и до неба досталъ;
А если бы ротъ да глаза,
То все рассказалъ.

(Дорога).

287.

Выходила я на горушку,
Убивала телушку,
Кожу на земь бросала,

Мясомъ печку топила,
Саломъ лакомилась.

(Сосновая мезга).

289.

Не бей меня,
Не ломи меня;
Лѣзь на меня;
Есть у меня.

(Кедръ).

290.

Стоить туго,
Висить слабо
Кругомъ гладко;
Въ середкѣ—сласть,
На эту сласть
У всѣхъ есть снасть.

(Орѣхъ).

291.

Самъ иду и онѣ идутъ;
Самъ стою и онѣ стоятъ,
Стану кормить—не ѣдятъ.

(Лыжи).

292.

Летѣла тетеря
Вечеромъ—не теперя,
Упала въ лебеду,
И теперъ не найду.

(Пуля).

293.

Кругомъ пуза воетъ
А вдоль дорога идетъ.

(Улей и пчелы).

294.

Что это за тварь:
Всѣхъ людей питаетъ
И въ церкви освѣщаетъ.

(Пчела).

295.

Косо—непрямо! Чего ты стоишь?
— Зелено-кудряво! Тебя стерегу
Ахъ ты стрижено! Что тебѣ нужно?
(Изгородь въ полѣ).

296.

Ася
Разлеглася;
Кабы встала—
Небо достала;
Кабы руки—вора связала;
Кабы ноги—коня догнала;
Кабы глаза—увидала,
Кабы языкъ—разсказала.

(Дорога).

297.

Панъ Пановичъ
Упалъ въ колодезь,

Воды не смутилъ
И самъ не потонулъ.

(Листъ).

298.

Пойду я въ ухту,
Найду я валухту;
Кабы-не кубыхта—
Такъ не быть-бы живому.

(Лѣсъ, звѣрь и ружье).

299.

Стоить изба безугольна,
Живуть въ ней люди безумны.

(Улей и пчелы).

300.

Не море, не земля:
Корабли не плавають
И ходить нельзя.

(Болото).

301.

Живетъ не дѣвка,
Не баба, не солдатка,
Не вдова и не мужняя жена;
Мужа у ней нѣтъ,
Грѣха не имѣетъ,
А дѣтей много.

(Пчела).

302.

Стоить градъ пустъ,
А около града растеть кусть,
Изъ града идетъ старецъ,
Несетъ въ рукахъ ставецъ,
Въ ставцѣ—взварецъ,
А во взварцѣ-то сладость.
(Подрѣзка меда).

303.

Корова комола,
Лобъ широкъ,
Глаза узеньки;
Въ стадѣ не пасется,
И въ руки не дается.

(Медвѣдь).

304.

Бурую корову
Дома не любятъ
И на базарѣ не берутъ.

(Мышь).

305.

Выходила княжня,
Изъ града подполея,
Спрашивала княжня
Царя Кукурея:
Скажи мнѣ царь Кукурей

(Кутарей)

Гдѣ нашъ царь Кесарей?

Отвѣчаетъ ей царь Кукурей:
 Се вашъ царь кесарей
 На каменныхъ горахъ опочиваетъ,
 Силы свои собираетъ;
 По утру будетъ вашъ градъ воевати.
 — О горе намъ горевати!
 Куда намъ милыхъ дѣтокъ подѣвати?
 Развѣ живыхъ въ землю закопати?
 (Мышь, пѣтухъ и котъ).

306.

У насъ на лыжахъ
 Въ подпольи лежить.

(Мышь).

307.

Бѣла какъ свѣтъ,
 Зелена какъ лукъ,
 Черна какъ жукъ,
 Поетъ какъ бѣсъ (быкъ),
 Повертка въ лѣсъ.

(Сорока).

308.

Молодой конекъ,
 За море ходокъ;
 Спинка
 Соболинка,
 А брюшко бѣленькое.

(Ласточка).

309.

По землѣ ползетъ,
 А къ себѣ не подпускаетъ.

(Змѣя).

310.

У красной дѣвушки кушали господа; покушавши
 Богу помолились: «Благодаримъ тебя красная дѣ-
 вица, за хлѣбъ за соль, просимъ къ намъ въ
 гости!» Дѣвица отвѣчаетъ: «Я по землѣ не хожу,
 на небо не гляжу, гнѣзда не завожу, а дѣтей вы-
 вожу».

(Рыба).

311.

Лежить брусь
 Во всю Русь,
 А станетъ—
 До неба достанетъ.

(Дорога).

312.

Подъ мостомъ, мостомъ
 Сидитъ барыня съ хвостомъ
 Ъсть хочется,
 А вылѣзть не хочется.

(Мышь).

313.

Летитъ птица горбата,
 Напередъ поклана,

Поетъ громогласно,
Всему міру ужасно,
Кто ее убьетъ.
Кровь свою прольетъ.

(Комаръ).

314.

Маленькій звѣрокъ,
Никто его не уймётъ:
Ни царь, ни царица,
Ни красная дѣвица.

(Младенецъ).

315.

Маленькій,
Удаленькій,
Лосинный скокъ,
Звѣринный взглядъ;
Пять братьевъ ловили
Да не изловили;
Два брата словили
Да и убили.

(Блошка).

316.

Поймалъ я коровку
Въ темныхъ лѣсахъ:
Повелъ я коровку
Мимо Лобкова,
Мимо Бровкова,
Мимо Глазкова,
Мимо Носкова,

Мимо Щечкова,
Мимо Ушкова,
Мимо Роткова,
Мимо Губкова,
Мимо Ускова,
Мимо Бородкова,
Мимо Шейкова,
Мимо Грудкова,
Мимо Ручкова,
Мимо Плечкова;
Привелъ я коровку
На Ноготково,
Тутъ я коровку
И сталъ принимать.

(Вошь).

317.

Стоять вилы;
На вилахъ — бочка,
На бочкѣ — махало,
На махалѣ — качало,
На качалѣ — зѣвало,
На зѣвалѣ — сморкало,
На сморкалѣ — мигало,
На мигалѣ — роца,
Въ роцѣ — свинка —
Золоты щетинки.

(Человѣкъ).

318.

Подъ поломъ
Подъ полистымъ

Лежить камень дыристый,
Не сохнетъ,
Не блекнетъ,
Не выветрѣетъ.

(Языкѣ).

319.

Кабы всталъ,
Я бы до неба досталъ;
Кабы руки
Да ноги,
Я бы вора связалъ;
Кабы ротъ
Да глаза
Я бы все рассказалъ.

(Дорога).

320.

Ни печено,
Ни варено,
На блюдѣ не бывано,
Ножомъ не рушено.

(Грудное молоко).

321.

Лѣтомъ грѣетъ,
Зимой холодитъ.

(Солнце).

322.

За бабиной избушкой
Виситъ хлѣба краюшка,

Собаки лають,
А достать не могутъ.

(Мѣсяцъ).

323.

Заря заряница,
Красная дѣвица
Брата заперала,
По полю гуляла,
Ключи потеряла,
Мѣсяцъ видѣла,
А солнце скрало.

(Роса).

324.

Туръ ходить по горамъ,
Турица-то по доламъ,
Туръ свиснетъ,
Турица-то мигнетъ.

(Гроза).

325.

Лежить брусъ розо всю Русь; двѣ-
надцать гнѣздышекъ въ немъ; въ
каждомъ гнѣздѣ по четыре яичка.

(Годъ).

326.

Что всегда ходить,
А съ мѣста не сходить.

(Солнце).

327.

Въ книгѣ—шесть листовъ
Простыхъ, седьмой золотой.

(Недѣля).

328.

Пришелъ милый
Да и повалилъ силой.

(Сонъ).

329.

Безъ рукъ, безъ ногъ, безъ языка,
Никто его не видитъ,
Ничего не говорить,
Но каждого страшить.

(Нечистый).

330.

Въ одномъ карманѣ
Вошь на арканѣ,
Въ другомъ блоха на цѣпи.

(Нищета).

331.

Люблю, полюблю,
Середъ поля повалю,
Хоть грѣхъ, хоть два,
А смерть хочется.

(Сонъ).

332.

Ни дровъ, ни свѣчей,
Чѣмъ истопить печей,
Въ правомъ сочельникѣ,
Въ лѣвомъ чистый понедѣльникъ.

(Нищета).

333.

Ты еси великъ,
Ты еси Филиппъ,
Ты еси Петръ,
Ты еси Господь.

(Три поста и оспоживки).

334.

Пѣвчики поютъ,
Ревчики ревутъ,
Сухо дерево несутъ;
Въ томъ дереву
Не пищить,
Не визжить,
Не шевельнется.

(Похороны).

335.

Изъ живаго и мертваго вынуть,
Голову ему сымутъ,
Сердце вынуть,
Дадутъ пить
Станетъ говорить.

(Гусиное перо).

336.

Сѣмя плоско,
Поде гладко,
Кто умѣетъ —
Тотъ и сѣетъ.
Сѣмя не выходить,
А плодъ приносить,
(Бумага и письмо).

337.

Безъ рукъ, безъ ногъ,
А вездѣ бываю.
(Письмо).

338.

Сидитъ сова на корытѣ,
Не можно ее накормити
Ни попами, ни дяками,
Ни пиромъ, ни міромъ,
Ни добрыми людьми,
Ни старостами?
(Смерть).

339.

Родился — не крестился,
Умеръ — не воскресъ,
А Богъ носилъ?
(Оселъ).

340.

Кто красенъ
Послѣ смерти?
(Ракъ).

341.

Стоить Трошка
На одной ножкѣ,
Брошить крошенику
Ни себѣ, ни людямъ.
(Свѣтецъ).

342.

Умылся не такъ,
Нарядился не такъ,
Поѣхалъ не такъ,
Заѣхалъ въ ухабъ,
И не выѣхать никакъ.
(Покойникъ).

343.

Дѣвица въ темницы,
А коса на улицы.
(Морковь).

344.

Сутуль, горбать,
Все поле перешелъ
Всѣ загоны перечелъ.
(Серпъ).

345.

Лежитъ дерево безпрутое,
На его летить птица безкрылая,
Приходить дѣвица безрота
И съѣдаетъ птицу бозкрылую.
(Земля, снѣгъ и солнце).

346.

Въ лѣсѣ оно,
Не видать его,
А съ лѣсомъ равно.
(Сердцевина въ деревѣ).

ПОСЛОВИЦЫ.

*Дай Богъ въ добрый часъ сказать,
А въ худой помолчать.*

Всталъ не такъ, обулся не такъ,
Облолся не такъ, вышелъ не такъ;
Сѣлъ не такъ и поѣхалъ не такъ;
Заѣхалъ въ сугробъ и не выбхать ни какъ.

„Кажется нигдѣ столь рѣзко и ярко не высказывается внѣшняя и внутренняя жизнь русскаго народа, со всѣми ея проявленіями,—говорить И. Снѣгиревъ—какъ въ пословицахъ, въ кои облекаются его духъ, умъ и характеръ. Летучее слово—продолжаетъ тотъ-же авторъ,—проникнутое и одухотворенное живущей мыслию, получаетъ самобытность и вѣковѣчность. Все минется, — говоритъ въ заключеніе авторъ,—одна правда останется“.

А.

Артель атаманомъ крѣпка.
Аптека улечить на полвѣка.
Адамовы лѣта съ начала свѣта.
Аминемъ бѣса не отбудешь.
Александръ храбръ, а отъ худова умеръ.
Амень, да не ходи одинъ.
Азія Африки честные, Августъ Марта теплые.
Аршинъ дубовой, а нить вязова.
Аминь тому дѣлу.
Алтыномъ воюють, безъ алтына горюють.

Адамъ Евы послушалъ, да яблоко скушалъ.
Адъ сотворенъ, и Адамъ водруженъ.
Ай, ай, мѣсяцъ Май; теплъ да холоденъ.
Аптекама предаться, деньгами не жаться.
Аще за друга ругаешь, другу душу свою полагаешь.
Аще бы не Богъ, кто бы намъ помогъ.
Ангель въ правдѣ помогаетъ, а бѣсъ съ лжею подстре-
каетъ.

Б.

Баба бредить, чортъ-ли ей вѣрить.
Баба скачетъ задомъ и передомъ, а дѣло идетъ своимъ
черedomъ.
Бабушка походить, всему дѣлу пособить.
Варышъ съ накладомъ на однихъ саяхъ ѣздить.
Бездонной кадки водой не наполнишь.
Безпечальному сонъ сладокъ.
Баба ворожила, да головой наложила.
Богъ—что захочетъ, человекъ—что сможетъ.
Были веселы, да головушки повѣсили.
Будетъ путь—да долго ждать; а къ осени беречь—волкъ
бы не съѣлъ.

Бѣда вымучить, бѣда и выучить. Что вымучить, то
и выучить. Что мучить, то и учить.

Быль бы другъ, найдемъ и досугъ.
Безъ масла каша не вкусна.
Быть было бѣдѣ, да случились деньги при бедрѣ.
Безъ добраго дѣла и воды моей не пей.
Бери весь деготь, батюшка пріѣдетъ,—вица навезетъ.
Баба на Новгородъ три года сердилась, а великой про-
то не зналъ—вѣдалъ.

Богоданна матушка—что ладошко бурливое.
Бывало людей выручаю, а теперь самъ погибаю.
Бѣда идетъ, бѣду везетъ, а третья погоняетъ.
Береза не угроза: гдѣ стоитъ, тамъ и шумитъ.
Быть бычку на веревочкѣ.
Брови нависли—злoba на мысли.
Бабы вранья и на свинѣ не объѣдешь.
Безъ плачу у бабы дѣло не спорится.
Баба что мѣшокъ: что положишь, то и несетъ.
Бабы слезы, чѣмъ больше унимать, тѣмъ хуже.
Безъ жены, что безъ кошки, а безъ мужа, что безъ
собаки (т. е. некому оберегать).

Быль у меня мужъ Иванъ, не приведи Богъ и вамъ.

В.

Воля спаси и неволя спаси.

Воръ воруетъ, а богатъ не живетъ.

Всего, что по водѣ плыветъ, не переловишь.

Воръ слезливъ, а плутъ богомоленъ.

Время переходчиво, да злы не объѣдчиво.

Все купишь: только отца съ матерью не купишь.

Врешь, да не въ одно слово.

Воровская копѣйка не въ прокъ.

Ври дуракъ, что хочешь, со вракъ пошлѣнь не берутъ.

Все пройдетъ, какъ огнемъ прожжетъ.

Встанешь поранѣе, шагнешь подалѣе.

Всякая козявка, да хочетъ быть букашкой.

Въ долгъ давать—подъ гору метать, а въ долгъ брать
—съ земли поднимать.

Всякой всячины напачено.

Всякую ложь къ себѣ приложь.

Всѣ други, всѣ пріатели до чернаго лишь дня.

Всякъ заговѣтся, да не всякъ разговѣтся.

Въ Воскресенье орешь, а въ Понедѣльникъ кобылы ищешь.

Въ Москвѣ даромъ ничего не даютъ.

Въ людяхъ хорошо, а дома еще лучше.

Въ господина жить—и прожить.

Въ чужую душу не влѣзешь.

Въ селѣ не безъ бабы.

Всякой куликъ на своемъ мѣстѣ великъ.

Въ Москвѣ рубятъ, въ Питеръ стружки летятъ.

Всякой дуракъ красному радъ.

Всталъ не такъ, обулся не такъ, облокался не такъ, и поѣхалъ не такъ; заѣхалъ въ сугробъ и не выѣхать никакъ.

Всякой за себя, а Богъ за всѣхъ.

Въ одной берлогѣ два медвѣдя не живутъ.

Въ одно перо и птица не родится.

Въ одномъ карманѣ сочельникъ, а въ другомъ Иванъ постникъ.

Въ часъ доброе слово сказать, а худое помолчать.

Вынесетъ нашъ, а не вынесетъ Божій.

Вралъ до обѣда, да и къ ужину оставилъ.

Въ старину бывало собака съ волкомъ жила.

Все на свѣтѣ корытомъ покрыто.

Все минется, одна правда останется.

Вѣру къ дѣлу примѣняй, а дѣло къ вѣрѣ.

Въ комъ есть страхъ, въ томъ есть и Богъ.

Въ комъ стыдъ, въ томъ и совѣсть.

Выношенная шуба не грѣетъ.

Во всякой избушкѣ свои поскрыпушки.

Вчера не догонишь, а отъ завтра не уйдешь

Вѣкъ изжить—не рукой махнуть.

Взялся за гужъ—не говори, что не дюжъ!

Воеводою быть—безъ меду не жить.

Воду пей, остатки не лей: остатки сладки — пойдутъ на добавки.

Вѣрующему умереть—одежду продать.

Въ болотѣ тихо, да жить тамъ лихо.

Въ дѣвкахъ—приторно, замужемъ натужно, а во вдовьей чредѣ, что по горло въ водѣ.

Вдову взять—спокойнѣе спать.

Во хмелю, что хошь намелю, а проснусь отопрусъ.

Высоко поднялъ, да низко опустилъ.

Г.

Гдѣ грозно, тамъ и резно.

Гдѣ день, гдѣ ночь, лишъ-бы утки прочь.

Гдѣ народъ увидить, тамъ и Богъ услышитъ.

Голова безъ ума—шалюга.

Грѣхъ не по лѣсу ходить, а по людямъ.

Говори учтиво,—выслушаютъ правду.

Гдѣ грозно, тамъ и хлѣбно.

Гдѣ куснетъ, тамъ и зачесется.

Голова—всему начало.

Грѣхъ пополамъ.

Грѣхъ съ орѣхъ, ядро съ ведро.

Горе отъ Бога, а неправда отъ дьявола.

Глаза золотомъ запорошать—ничего не увидишь.

Горохъ въ полѣ, да дѣвка въ домѣ — завидное дѣло: кто не пройдетъ—тотъ щипнетъ.

Глядитъ въ бокъ, а говорить въ сторону.

Д.

Дай въ долгъ, а порукой-то волкъ.

Девять разъ отиѣрь, а однажды отрѣжь.

Два дурака дерутся, а третій смотреть.

Дай въ окно, а Богъ дастъ въ подворотню.

Дѣла, дѣла,—какъ сажа бѣла.

До неба высоко, до царя далеко.

Дикѣ собака—на вѣтеръ лаетъ.

Дай Богъ въ добрый часъ сказать, а въ худой помолчать.

День съ иглою, а ночь съ удою.

Деньга за животь, такъ и старуха живетъ.

Дай Богъ съ молодости глотать кости, а подъ старость жевать мягкое.

Дѣла не дѣлай, а отъ дѣла не бѣгай.

Для друга—вѣтъ круга.

Драчливый пѣтухъ жиренъ не бываетъ.

Дураку—дурацкая честь.

Дай Богъ ротокъ,—дасть и кусокъ.

Деньги—дѣло нажитое.

Дуракъ родится—Богу печаль.

Для грѣшника нѣтъ праздника.

Дуракамъ Богъ опекунъ.

Дурака крести, а онъ кричить: въ воду пусти!

Доброму вору все въ пору.

Дешево покупаетъ, да домой не носить.

Дѣвушки по участи, ягоды по станицѣ.

Деревья скоро садить, да не скоро съ нихъ плодъ ѣдятъ.

Добро тому вратъ, кто за моремъ бывалъ.

Дальше въ лѣсъ—больше дровъ.

Дальніе проводы—лишніе слезы.

День дологъ, а вѣкъ коротокъ.

Даютъ—бери, а бьютъ—бѣги.

Добраго не бѣгай, а худого не дѣлай.

Е.

Ерема, Ерема! сиди дома: хоть не бай, да дѣтей качай.

Есть привычка, есть и отвычка.

Если-бъ зналъ, гдѣ упадешь, подстлалъ бы соломки.

Если-бы не Богъ, кто бы намъ помогъ.

Есть въ мошинѣ, будетъ и въ квашнѣ.

Есть молоко, да достать далеко.

Если посѣять въ дождь—то урожай.

Если-бы на топорѣ не плена, не та-бы топоръ цѣна.

Если-бы не плѣшь—то не было-бы голо.

Егорій съ кузовомъ, а Никола съ возомъ.

Если-бы твоими устами, да медъ пить.

Егорій—съ водой, а Никола—съ травой.

Если не попъ—не суйся въ ризы.

Единъ Богъ безъ грѣха.

Егорій съ ношей, и Никола съ возомъ.

Ершь-бы въ ухѣ, да лець въ пирогахъ.

Еловымъ вѣникомъ не парятся.

Есть пиво—пьемъ, а пѣть его—ждемъ.

Есть пирожокъ, есть и дружокъ.

Есть что слушать, да нечего кушать.

Ежели-бъ на горохъ не морозъ, давно-бъ черезъ тынь переросъ.

Есть рубль, есть и умъ.

Ж.

Животное съ земли подбираетъ, а худой человѣкъ карманы обчищаетъ.

Жизнь пережить, не поле перейти.

Животъ животы даетъ, а смерть все отберетъ.

Жизнь дана на добрыя дѣла.

Жизнь на ниткѣ, а думаетъ о прибыткѣ.

Женился, какъ на льду обломился.

Живетъ, не тужить, а никому не служить.

Животъ безъ хлѣба не проживетъ.

Живи не скупися, да съ друзьями веселися.

Живи смиренъ, такъ всѣмъ будешь милъ.

Живи просто, проживешь лѣтъ со-ста.

Живи тихо, да избывай лихо.

Жиль въ нѣгѣ, а ѣздили въ телѣгѣ.

Жиль-бы хорошенько, да денегъ маленько.

З.

Захочетъ кобылка овса, такъ вывезетъ на гору.

Золотой молотокъ и желѣзные двери отворяетъ.

Заработанный ломоть лучше краденнаго каравая.

Злому человѣку не прибавить Богъ вѣку.

Зацѣпилъ—потачилъ, а сорвалось—не ко двору пришлось.

За ножку, да объ сонку.

Заложилъ пару сапожнаго товару.

Замужество—что жеребій: кто что вытащитъ.

Злаго любить—себя избить.

Злато не говорить, да много творить.

Зелень виноградъ не сладокъ, а младъ человѣкъ не крѣпокъ.

Злая жена сведетъ мужа съ ума.

Земля любить навозъ; лошадь—овесъ, а воевода приносъ.

Знаетъ и крестьянинъ, что попъ не бояринъ.

Знаетъ кошка чье мясо съѣла.

И.

И крылья есть, да некуда летѣть.
И смиренъ пень, да что въ немъ?
Идетъ воевать, а не хочетъ сабли вынимать.
И бездомникъ не безъ домовища.
И въ Иерусалимѣ собаки есть.
Иной любить попа, иной—попадью, а иной—попову дочку.
И не въ ладъ, да ладно.
Изъ большого не выпадеть.
Изъ дому гонить мачиха, а изъ лѣсу медвѣдь.
Излишнее обхожденіе рождаетъ уничтоженіе.
Иду мимо, а не зайду гдѣ не мило.
Избалуются овца не хуже козы.
И зубы есть, да нечего ѣсть.
Изъ грязи да посаженъ въ князи.
Изъ лѣсни слова не выкинешь.
Или сѣна клокъ, или вилы въ бокъ.

К.

Красна не жиръ, а пирушка не пиръ.
Кто безъ дѣла божится—на того нельзя положиться.
Кто хвалится—тотъ съ горы свалится.
Каковъ уродился—таковъ и пригодился.
Кумовство да сватовство—ближнее родство.
Кумиться—кумитесь, да не подеритесь.
Кто много спитъ, тотъ и денегъ не копить.
Какъ не путай, а Божья воля распутаетъ.
Кто отъ рукъ отмотался, тотъ и правъ остался.
Которая рука крестъ кладетъ, та и ножъ точить.
Кто не богатъ, тотъ и алтыну радъ.
Кто на Бога уповаеъ, тотъ никогда не унываетъ.
Кто на морѣ бывалъ, тотъ и страхъ видалъ.
Кто на молодой хочетъ жениться, тому съ холостыми не надобно водиться.
Кто не желаетъ власти, на того не приходятъ и напасти.

Л.

Людской задоръ—что вострый топоръ: не думаетъ—рубить.
Лѣнивому всегда праздникъ.

Ловить волкъ роковую овцу.

Лишь-бы пилося да ѣлось, а дѣло на умъ не шло.

Любовь не пожаръ, а загорится—не потушишь.

Любовь кольцо, а кольца нѣтъ конца.

Любви, огня, да кашля—отъ людей не спрячешь.

Любишь ѣздить—люби и саночки возить.

Лѣтъ семи—достатки самъ смотри.

Лучше сто разъ смолчи, а одинъ не оболги.

Лихо помнится, а добро не забудется.

Лицомъ хорошъ, а душею не притождь.

Личикомъ бѣленька, да ума маленько.

Лихо избудешь,—всю кручину забудешь.

М.

Мысли, но не вымышляй: знай разницу!

Мужъ по дрова, а жена со двора.

Мужъ пьетъ, а жена горшки бьетъ.

Мужъ клиномъ, баба блиномъ,—а дойметъ.

Матушкинъ сынокъ, — а батюшкинъ горбокъ (т. е. негодный).

Мужъ согрѣшилъ, такъ въ людяхъ грѣхъ, а жена согрѣшила,—домой принесла.

Молодость не грѣхъ, а и старость не смѣхъ.

Мужикъ деревенскій, что пѣтухъ индѣйскій.

Мужъ въ бѣдахъ, а жена въ гостяхъ.

Мужъ да жена—одна сатана.

Мужъ жену бьетъ, а жена свое поетъ.

Мужикъ богатый, что быкъ рогатый.

Мысль за горами, а смерть за плечами.

Мѣтилъ въ ворону, а попалъ въ корову.

Молчанье лучше пустаго болтанья.

Н.

Не чихни ненарокомъ: люди скажутъ—съ порокомъ.

Не всякъ успѣхъ себѣ ладить, кто другимъ гадить.

Не оставляй на завтра дѣла, а оставляй хлѣба.

На чужой каравай ротъ не разѣвай, а пораньше вставай, да свой приспѣвай.

На чужой ротокъ не накинешь платокъ.

Не то хорошо,—что хорошо, а кому что нравится.

Не любо — не слушай, а врать не мѣшай.

Не слушалъ начала, такъ жди конца.

На бѣднаго Макара всѣ шипки летятъ.

На то и щука въ морѣ, чтобъ карась не дремалъ.

Нашему козырю все въ масть.

Не умѣлъ шить золотомъ, такъ бей молотомъ.

На людяхъ и смерть красна.

Не радуйся нашедши, не тужи потерявши.

О.

Одинъ въ полѣ не воинъ.

Одного полюбишь—про другихъ забудешь.

Отъ людей утаишь,—отъ Бога не скроешь.

Отца съ матерью кормить—старый долгъ платить.

Обмануть не хитро, обмануться—того легче.

Одной рукой собирай, другой раздавай.

Отъ солнца свѣтъ, отъ ума просвѣщенье.

Охота пуще неволи.

Одна слеза катилась, другая воротилась.

Отъ добра—добра не ищутъ.

Отъ напасти не пропасти.

Обожеся на молочкѣ—будешь дуть и на водицу.

Отрѣзанный ломоть не приставишь.

Охаль дядя, на чужія деньги глядя.

Отъ худого сѣмени не жди добраго племени.

Овчина выдѣлки не стоитъ.

Одинъ ротъ—и тотъ деретъ.

Одинъ говоритъ—красно, двое говорятъ—пестро.

II.

Пошелъ кумъ пѣше—кумъ легче.

По бѣднымъ свищетъ соловей, а по богатымъ служить архіерей.

Пусть-бы долюшка сиротская, лишь-бы волюшка господская.

Проврался, что прокрался.

Пой пѣсни—хоть тресни, а ѣсть не проси.

Полубится сатана—лучше ясна сокола.

Птица поетъ—сама себя продаетъ.

Про всякъ часъ ума не напасешься.

По Сенькѣ шапка, по барину кафтанъ.

Пропалъ Авдѣй отъ злыхъ людей.

Повторенье—мать ученья.

Птичка-невеличка—да звѣнокъ голосокъ.

Про одни дрожжи не говорятъ трожди.

Пьяному—море по-колѣно.

Поетъ хорошо—гдѣ-то сидеть?

Р.

Руби дерево по себѣ.
Рубль копѣйку бережетъ.
Рѣдко да мѣтко.
Рука руку моетъ.
Рыба ищетъ гдѣ глубже, а человекъ—гдѣ лучше.
Рыбакъ рыбака видитъ изъ-далека.
Разказалъ,—что размазалъ.
Рано птичка запѣла, кабы кошечка не съѣла.
Радъ-бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ.
Родила мама, да жаль, что не взяла яма.
Радъ Филать, что дѣло пошло на ладъ.
Русскій часъ—съ днемъ тридцать.
Рыжій да красный—человѣкъ опасный.
Рѣшетомъ воды не наносишь.
Работать не заставляютъ и ѣсть не поставятъ.
Радъ Аванасъ, что гости по насъ.
Радъ бы душой, да хлѣбъ чужой.

С.

Суженаго и конемъ не объѣдешь.
Свой своему—по неволѣ братъ.
Семеро одного не ждутъ.
Сердечушко каже: тукъ-тукъ—вѣрь!
Смѣхъ сдержишь—обидушку упредишь.
Скорая смертушка—меньшая заботушка.
Сорокъ у насъ дѣвокъ на 'деревнѣ, да одна хороша—
Машутка.
Свѣтить,—да не грѣть.
Смѣлому Богъ помогаетъ.
Сперва скончались,—потомъ повѣнчались.
Счетъ дружбы не терять.
Смѣлость города беретъ.
Скоро—да не споро.
Соловья баснями не кормятъ.
Старая погудка на новый ладъ.
Старость не радость.
Семи смертямъ не бывать, а одной не миновать.
Сила соломѣ ломить.

Т.

Тяпъ да ляпъ—и вышелъ корабль.

То не грѣшно, что въ моду вошло.

То не бѣда, что во ржи лебеда, а то двѣ бѣды—когда ни
ржи, ни лебеды.

Товаръ лицомъ продается.

Того не берутъ, чего въ руки не даютъ.

Терпи казакъ—атаманомъ будешь.

Тамъ свѣтъ—гдѣ насъ нѣтъ.

Твоими-бы устами да медъ пить.

Только и свѣту, что въ окнѣ, а выйди въ поле—того болѣ.

Тише ѣдешь—дальше будешь.

То и полезно, что въ домѣ полезло.

Тишь да гладь—Божья благодать.

Тише пыли, не твои бобыли.

Только у молодца и золотца, что пуговка оловца.

Торговали—веселились, сосчитали—прослезились.

У.

У семи нянекъ—дитя безъ глаза.

У кого что болитъ, тотъ про то и говорить.

Участью не гордись,—всякому поклонись.

У нашего сосѣда всѣ дѣвки хороши, да одна Машутка
лучше всѣхъ.

Утро вечера мудренѣе, а жена мужа хитрѣе.

Украсть—въ бѣду попасть.

У кольца нѣтъ конца.

Умень, какъ попъ Семень: книгу продалъ, карты купилъ.

У всякой птички свои замашки.

Умѣй у людей погостить и къ себѣ запросить: до воротъ
проводить и опять воротить.

Ученье свѣтъ, а неученье—тьма.

У каждого мудреца довольно простоты.

Униженіе паче гордости.

У нашего Гринки нѣтъ отрыжки.

Умѣю, да не смѣю.

Ф.

Флоръ Флорихъ не думаетъ лиха.

Филиппъ ко всему привыкъ.

Флоръ не туда забрелъ, а Лаворъ ходитъ межъ дворъ.

Флориха дошла до лиха.

Филать и кашъ радъ.

Фарисейскіе корабли, что сельскіе воробы гинуть.

Фикъ—фокъ—на одинъ бокъ.

Форсу много,—толку мало.

Федотъ—да не тотъ.

Фу-ты, ну-ты—лапти обуты, а стопталь и босъ сталъ.

Фортуна бона, а другая дома.

Флоръ Флорихъ набитой братъ.

Философъ смерти не боится.

Флоръ съ добромъ, а Флориха съ навозомъ.

Фортуна велика, да ума мало.

Х.

Хороша Маша, да не наша.

Холостого сватомъ не посылають.

Хоть на головѣ—то густо, да въ головѣ пусто.

Ходи кругомъ—деньги вѣрные!

Хоть часть—да нашъ.

Хоть костлива, да счастлива.

Худое дерево въ сукъ растеть.

Хоть на задѣ, да въ томъ же стадѣ.

Худое дѣло, коли жена не велѣла.

Худой мужъ умереть, добрая жена по дворамъ поидеть.

Хороша молодежь, а къ порѣ никого не найдешь.

Хохоль не совретъ, да и правды не скажетъ.

Хлѣбъ да вода—крестьянская ѣда.

Хлѣбъ за брюхомъ не ходить.

Хлѣбъ соль ѣшь, а правду рѣжь.

Ц.

Цыгану безъ обману дня не прожить.

Цыганъ, что голоднѣе, то веселѣе.

Царство раздѣлится, скоро разорится.

Цыганъ разъ на вѣку правду скажетъ, да и то покается.

Царствомъ владѣть, а на Бога надежду имѣть.

Царь повелѣваетъ, а Богъ на истинный путь направляетъ.

Цѣну забылъ, да дорого.

Цѣна яйцу двѣ деньги, а бѣжать сто рублей.

Цѣлилъ, да не попалъ, лишь зарядъ потерялъ.

Цыганъ ищетъ того, чтобъ обмануть кого.

Цѣлы-ль сани, а лошади пропали.

Цыганъ только обманетъ, а злой до сердца достанетъ.

Царь жалуется, а псарь не жалуется.

Царево сердце въ рудѣ Божіей.

Царевъ гнѣвъ—посолье смертный.

Ч.

Что посѣешь—то пожнешь.

Чѣмъ богатъ—тѣмъ и радъ.

Чистая душа, что чистая вода: въ ней все насквозь видно.

Чинъ чина почитай.

Чей чередъ, тотъ и беретъ.

Чему быть—тому не миновать.

Человѣку подъ стать и масть не подберешь.

Что съ возу упало, то пиши—пропало.

Чужая душа—темный лѣсъ.

Что потопашь, то и полопашь.

Что гусь безъ воды, то мужикъ безъ жены.

Черного кобеля—не домоешь до бѣла.

Чужая сторона прибавить ума.

Чѣмъ ругаться—лучше подражаться.

Что съ бою взято, то свято.

Чортъ чесалъ, и чесалку потерялъ.

Ш.

Шутя медъ пьютъ, а въправду кандалы трутъ.

Шутить—не мутить.

Широко растопырилъ, да въ верхъ не поднималъ.

Шелудиваго брить—не лучше-ль опалить?

Шуринъ по зятю не наследникъ.

Шла кума пѣша—куму легче.

Шутилъ Мартыня, да спрятался подъ тынъ.

Шей да пори: не будетъ глухой поры.

Шуба новѣя, да въ подолъ дыра.

Шелудивый поросенокъ и въ Петровки заблѣнетъ.

Шутку шутить—людей насмѣшить.

Шутить—шутить, да смотри не глуми.

Шубу носить не для красоты, а для теплоты.

Шутка до добра не доведетъ.

Шутку шутилъ,—мужа съ женою смутилъ.

Щ.

Щи—хоть брюхо полощи.

Щеголялъ съ молодю, а подъ старость умираетъ съ голоду.

Щедровитый оспы не боится.

Щеголокъ—милой животокъ.

Щука умерла, а зубы остались.

Щеголь съ погосту—и гробъ за плечами.

Ъ.

Ъшь пирогъ съ грибами, а языкъ держи за зубами.

Ъду, Ъду,—не свищу, а наЪду не спущу.

Ъсть—такъ губа титькой, а работать—такъ носъ окованъ.

Ъдетъ Ананьинъ внукъ съ Великихъ Лукъ.

Ъду къ обЪду, а къ ужину домой пріѣду.

Ъдетъ не скоро, да споро.

Ъдетъ ни путемъ, ни дорогою.

Ъшь не кроши, и больше не проси.

Ъхаль-бы далече, да болять плечи.

Ъхаль-бы прямо, да жена упряма.

Ъхаль въ Казань, а заЪхаль въ Рязань.

Ъшь сморчки, да берегись, чтобъ не вытолкали въ толчки.

Ъшь хлѣбъ, коли пирога нѣтъ.

Ъхаль—не доЪхаль; опять поѣду—авось доѣду.

Ъшь кутю, поминай Кузьму.

Ъшь медъ, да берегись жала.

Ъшь пироги, а хлѣбъ впередъ береги.

Ъшь щи съ мясомъ, а когда нѣтъ, такъ хлѣбъ съ квасомъ.

Ъшь меня собака, да невѣдомая.

Ъль-бы сметану, да нѣтъ въ коровахъ талану.

Ъль-бы пирогъ, да въ печи сжегъ.

Ъздилъ ни почто, привезъ ничего.

Ъхаль-бы воевать, да лѣнивъ вставать.

Э.

Это не ученье, а просто мученье.

Это твое, это мое, а все Божье.

Этой-бы головѣ да желѣзную шею—не было-бъ износу.

Эхъ-ма! пропадай Гома!

Этотъ носъ—черезъ рѣку мостъ.

Этнмъ саломъ, да по твоимъ мысаламъ.

Это не бьютъ, а ума даютъ.

Эта шутка не въ лисей шубкѣ.

Этотъ кусъ не твоихъ устъ.

Это бѣда—не бѣда: только-бъ больше не было.

Эка ворона! залетѣла въ чужія хоромы.

Эти кошки облизали ложки.

Этому не бывать, чтоб безрукому воевать.

Эта каша—мать наша.

Эти щи изъ Питера пѣши шли.

Ю.

Юла юлить—спать не велить.

Юность къ старости—дѣло не къ радости.

Юноши рѣзвятся—старики веселятся.

Юность скачетъ, старость плачетъ.

Юность крѣпнеть, старость меркнеть.

Я.

Языкомъ болтай, а рукамъ воли не давай!

Языкъ безъ костей: что хочетъ—то и лопочетъ.

Языкъ не лопатка,—знаетъ что сладко.

Языкъ доведетъ до кабака.

Языкъ одинъ, и въ будни и въ праздникъ.

Языкъ кормить и поить, и спину поретъ.

Языкъ—врагъ мой.

Я за кусокъ, а ты за носокъ.

Языкъ болтаетъ,—голова не знаетъ.

Я за пирогъ,—а гость на порогъ.

Ярославль городокъ, Москвы уголокъ.

Я тебѣ радъ, да боюсь, что ты воровать.

Я тебя выручилъ, а ты меня выучилъ.

Я къ тебѣ всей душой, а ты ко мнѣ всей спиной.

Я съ тобой—какъ рыба съ водой: по гробъ не расстанусь.

Ө.

Өалелей не нашелъ въ избѣ дверей.

Өедуль—всѣхъ одуль, а Өетисъ—на суку повисъ.

Өома не безъ ума, а Ерема не безъ промыслу.

Өома большая крома.

Өедуль губы надуль, глаза вытаращилъ.

Өома не купить ума, и свой не продастъ.

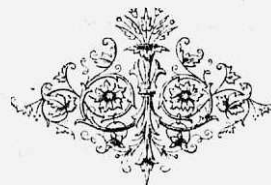
Өедюшкѣ дали денежку, а онъ и алтына просить.

ПРИБАУТКИ,

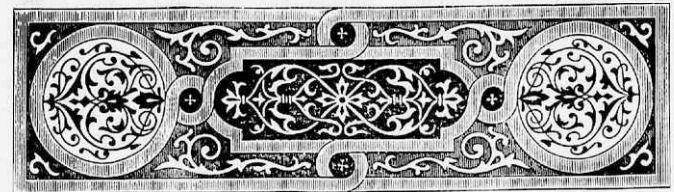
перегудки, припѣвы, присказки,
скороговорки, счетъ и задачи.

Шапку долой, А що: глянѣ: все бо бояре.

Эй, Господи Боже, да э—э!
Эй, пособи—тко, да э—э!
Эй, намъ опружить, да о—о!
Эй, намъ поутюжить, да о—о!
Эй, мой куманекъ,
Эй, миленькій дружочекъ!
Эй, ты кума—ста!
Эй, вечеръ ты брали—ста,
Эй, не побрела—ста.
Оу, оу! о, охъ, охъ!

(Архангельск. губ.).

Сварба сыча.

—
Веѣ гости сошлись—собрались.
Одну совушку насилу дождались.
Пришла же сова—Елизарова кума,
Сѣла-же сова на печной на столбъ.
Сычушка по полу похаживаетъ
Стаканъ наливаетъ да совѣ подаетъ.
—Ужъ ты выпей-ка Сова Елизаровна!
—Не потчуй, Сычъ Афонасьевичъ!
А что же ты, Сычушка не женишься?
—Радъ бы я жениться—невѣсты нѣтъ.
Взялъ бы я ворону—да тетушка,
Взялъ бы я галку—да божатушка,

Взялъ бы я сороку—щекотлива сука б...дь.
 —Возьми-ко ты, Сычушка, меня за себя?
 —А умѣешь-ли ты, Совушка, ткать да прясть?
 —Я не тку, не пряду, да не нага хожу.
 А умѣешь-ли ты, Сычушка, пашеньку пахать,
 Пашеньку пахать, въ полѣ хлѣбъ засѣвать?
 Въ городѣ не пахутъ, да калачики ѣдятъ,
 А въ деревнѣ-то орутъ, да все мякинушку
 жрутъ.

(Замосской вол. Кадниковскаго у.).

—Сколько тебѣ лѣтъ?
 —Сколько вчера было—того нѣтъ.
 Подъ столомъ ходила—
 Хвостъ носила,
 Столъ переросла—
 Коровъ доить пошла.
 Косу отпустила—
 Въ работницахъ служила.
 Пора настала—
 Съ молодцомъ гуляла,
 Пора прошла—
 Замужъ пошла;
 Замужемъ двадцать лѣтъ жила, —
 Тяжко горюшко несла.
 Овдовѣла—осиротѣла.
 Вотъ тебѣ и весь сказъ!
 А, когда родилась: —
 Память извелась.

—Братъ, здорово!—Брату челомъ!—Ты, братъ, отколѣ?
 Я изъ Ростова. — А что, говорятъ, во Ростовѣ-то архіерей
 женится? — Вчерась я пошелъ, сегодня пришелъ, случилось
 мнѣ мимо ростовскаго архіерейскаго дома итти: стоять ка-
 реты смазаны, свиньи запряжены, хвосты подвязаны. Засви-
 стали, поѣхали не знаю куда. — А что, говорятъ, въ Ростовѣ
 бабы-то пшеницу на печкѣ посѣяли? — Вчерась я пошелъ,
 сегодня пришелъ, случилось мнѣ мимо ростовскихъ печей
 итти—жнутъ бабы пшеницу. — А что, говорятъ, въ Ростовѣ-
 то озеро сгорѣло? — Случилось мнѣ мимо Ростовскаго озера
 итти щука да карася по дугамъ, язи по елямъ, а плавааетъ
 ершишка — голышка, глазоньки покраснѣли, перышки под-
 горѣли.

Отчего казакъ гладокъ?
 Отъ того казакъ гладокъ:—
 Поѣлъ казакъ,—да и на бокъ
 Заботушки никакой
 У головушки не ропчетъ
 И у сердечушки не топчетъ.

—Братъ, здорово!—Брату поклонъ. — Ты братъ отколѣ?
 —Я, братъ, съ базара. — Что на базарѣ? — Возы-то по во-
 замъ, а деньги то по мошнамъ. — А ты, братъ, чего ку-
 пилъ? — Рѣшено гороху. — Это, братъ, добро. — А добро, да
 небольно. — А что? — Сталъ высыпать, да просыпалъ. — Это,
 братъ, худо. — А худо, да небольно. — А что? — Сталъ огребать,
 да четверикъ нагребъ. — Это, братъ, добро. — А добро, да не-

больно. — А что? — А посѣялъ, да рѣдокъ. — Это, братъ, худо. — А худо, да небольно. — А что? — А рѣдокъ, да стручить. — Это, братъ, добро. — А добро, да небольно. — А что? — А пришла попова тарлыга, да все и съѣла.

Наша водка вину тетка!
Раздереть глотку—
И пить водку.

— Здорово братъ Пантюха! — Здорово, братъ Сидорка! — Все-ли у васъ дома-то поздорово? — А все-бы, братъ, поздорово, да одно, братъ, нездорово. — А что-же? — Да вѣдь старшаго брата повѣсили. — За что его повѣсили? — Да за шею? — Да въ чемъ его повѣсили то? — Въ старомъ будничномъ кафтанѣ. — Да за какую винищу-то? — Походилъ въ церковь, укралъ книгу стихарницу, махарницу, книгу хлопотурницу. И это-то все-бы еще ничего, да лѣшій сносилъ на колоколицу, и спихнулъ тамъ кыркуна. — Вы Ивана-то Семеновича просили-бы. — Мы и то его просили, и ягодъ и брусницы носили, да не беретъ.

Бери себѣ что помѣщается въ утробушкѣ, остатокъ отдавай, — тягость сбавляй; тягость сбавляешь, — грѣхи отпускаешь.

Все-ли благополучно? — Все слава-Богу, только любимый воронъ вашъ обѣлся падали. — Да гдѣ-же онъ ее нашелъ? — Да жеребедъ вороной палъ. — Какъ такъ? — А какъ усадьба

горѣла, такъ на немъ воду возили, да загнали. — Отчего-же пожаръ сдѣлался? — Да какъ хоронили матушку вашу со свѣточками, такъ невзначай подожгли.

Летить пуля, жужжить: я въ бокъ — она за мной, я упалъ въ кусты — она меня хватъ въ лобъ, я цапъ рукой — анъ это жукъ.

Пеки блины. — Рада бы пекла — да нѣтъ муки. — Такъ и такъ пеки.

Продай на рубль, — пропилъ полтину, пробуянилъ другую, — только и барыша, что болить голова.

За дѣло не мы, за работу не мы, а поѣсть, поплясать — противъ насъ не сыскать.

За хлѣбомъ — солью всякая шутка хороша.

Верба красна — бьетъ напрасно, верба бѣла — бьетъ за дѣло.

Надъ другомъ шути — пока краска въ лицо не вступитъ.

Дожчикъ, дождикъ перестань!

Мы поѣдемъ на Иордань

Богу молиться,

Христу поклониться.

(Кричать ребятишки въ дождь).

Сорока-бѣлобока на порогъ скакала,

Гостей поджидала,

Кашу варила,

Дѣтокъ кормила.

Паточка съ инберемъ,

Вареная съ инберемъ;

Варилъ дядя Симеонъ,

Тетушка Арина

Кушала,—хвалила;

Дядя Елизаръ—

Пальчики облизалъ.

Шельма на шельмѣ ѣдетъ, шельмой погоняетъ.

Наносилъ мужикъ сѣнца,

Поставилъ среди поля,—

Не сказать-ли съ конца;

(докучная сказка).

Шуринь по зятѣ—не наслѣдникъ.

Солнышко, солнышко выглянь въ окошечко! Твои дѣтки плачутъ, сѣру (смолу лиственницы) колунаютъ, намъ не даютъ, черному медвѣдю по ложкѣ, намъ ни крошки. (Дѣтская прибаутка въ Восточной Сибири).

Не для чего иного прочаго, какъ для единой единственности и совершеннаго компанства.

Не для чего, чего иного, какъ прочаго другаго.

Самъ на кобылѣ, жена на коровѣ, ребята на телятахъ слуги на собакахъ, кошки на лукошкахъ.

Позвалъ попъ кота среди поста: поди котъ, возьми пирога въ ротъ: а котъ привелъ съ собой и кошку, да и съѣлъ съ нею въ печурку.

Не для чего иного прочаго другаго, а для единого единства и дружнаго компанства.

Не для компанства, а для пріятства.

Алеша три гроша, шейка копѣйка, атынъ голова, по три денежки нога: вотъ ему вся цѣна.

Сегодня праздникъ, жена мужа дразнить, на печь лѣзеть, кукишъ кажетъ: на тебѣ, муженекъ, сладенькій пирожекъ, съ лучкомъ, съ мачкомъ, съ пернчкомъ!

Чудакъ покойникъ: умеръ во вторникъ, въ среду хоронить—а онъ въ окошко глядитъ (а онъ поѣхалъ боронить).

Около меня свищетъ—я туда—свищетъ, я сюда—свищетъ; бѣда думаю—взлѣзъ на березу—сизу, свищетъ; авъ это у меня въ носу.

Былъ себѣ человекъ Яшка (Сашка), на немъ сѣрая сермяжка, на затылкѣ пряжка, на шеѣ тряпка, на головѣ шапка—хороша-ли моя сказка? (Докучная сказка).

Васька-васенокъ, худой поросенокъ, ножки трясутся, кишки волокутся—почемъ кишки? По три денежки.

Котъ Евстафій, ты постригся?—Постригся.—И посхимился?—И посхимился.—Пройти мимо тебя можно?—Можно.

Мышка побѣжала, а котъ ее цапъ.—Оскоромись, котъ Евстафій!—Кому скоромно, а намъ на здоровье.

Пошелъ я на лыко гору драть; увидалъ на уткахъ озеро плавать. Я срубилъ три палки: одну еловую, другую березовую, третью рябиновую; бросилъ еловую — не добросилъ, бросилъ березовую перебросилъ, бросилъ рябиновую — угодилъ; озеро вспорхнуло, полетѣло, а утки остались.

Ахъ вы Сашки, канашки мои, размѣняйте бумажки мои.

Мужикъ сѣрый, кафтанъ рослый, на босу ногу топоры, лапти за поясомъ, подъ носомъ румянецъ, а во всю щеку — что въ носу.

Чудакъ покойникъ: умеръ во вторникъ; стали гробъ тестать, а онъ вскочилъ, да и ну плясать.

Бѣлки трои не получишь, на тошнѣ заживотить, и на ворчалѣ забрюшнить. (Сутки трои не поѣшь, на животѣ затошнить, и на брюхѣ заворчить).

Жилъ-былъ журавль съ журавлихой, поставили они стожокъ сѣнца—не сказать-ли опять съ конца (докучливая сказка).

Небылица въ лицахъ найдена въ старыхъ свѣтлицахъ
оберчена въ черныхъ тряпичахъ.

Жила-была старица одна въ сельцѣ, поставила старица
зародь сѣнца; шло буде не ладно — опять съ конца (до-
кучливая сказка).

Былъ себѣ царь Додонъ, застроилъ онъ костяной домъ;
набралъ со всего царства костей, стали мочить — перемо-
чили; стали сушить — кости пересохли, опять намочили, а
когда намочнутъ, тогда доскажу.

Шелъ мужикъ, а ему на встрѣчу три мужика: солнце,
вѣтеръ и морозъ. Мужикъ поклонился вѣтру. Солнце ска-
зало: я тебя сожгу; а вѣтеръ: я тебя не допущу. Морозъ
молвилъ: я тебя заморожу; а вѣтеръ: я тебя отдую (Рязань).

Нѣтъ-ли вошки, нѣтъ-ли блошки — одинъ червячекъ, да и
тотъ золотой: бить или на волю пускать? (игра ? ?).

Сорока-ворона кашку варила, на порогъ скакала, гостей
призывала: этому дала (по пальцамъ), тому дала, а этому
не досталось (шишъ на голову).

Гуси въ гусли, утки въ дудки, вороны въ коробки, та-
раканы въ барабаны, коза въ сѣромъ сарафанѣ, корова въ
рогожѣ, всѣхъ дороже.

Скороговорки.

По ремешку, по бревешку бокомъ проведу кобылку.

Семь-те стрѣлъ каленыхъ странилице.

Аль лаль, бѣль алмазь, зелень изумрудъ.

Сенька везенька ,вези бабу на санкахъ: санки скокъ,
Сеньку въ лобъ.

Около кола три хвоя вьются.

Выдерни лычко изъ-подъ кодычка. Лычко изъ подъ кодычка.

Около ямы три хвои ваяны; на хвой стану, хвой достану.

На семеры сани по семеры въ сани.

Изъ-подъ кислаго молока, изъ подъ простокваши.

Въ одинъ, Климиъ, клинъ колоти.

На улицъ съ лаптемъ, съ девтерикомъ—намъ не до лаптей, не до девятериковъ.

Сыворотка изъ-подъ простокваши.

У сыра дуба, у суха сука, бѣлошерста сука.

Шить колпакъ, вязенъ колпакъ, да не поколшаковски.

Кругъ прорублю, мать проведу, сестру выведу.

Стоять шапочка на окошечкѣ, не подъявлена, не выявлена: пришелъ хватъ подъявить; подъявилъ и выявить.

Бѣлогубы огурцы, молодцы бѣлопупы.

Полчетверти четверика гороху, безъ червоточинки.

Какъ-то намъ будетъ передъ антихристомъ-то стоять.

Худъ идетъ въ гору, худъ идетъ подъ гору; худъ худу баеть: ты худъ, я худъ; сядь худъ на худъ; погоняй худъ худомъ, желѣзнымъ прутомъ.

У насъ на дворѣ подворьѣ погода размокрогодилаась.

Нашего пономаря не перепономаривать стать.

Изъ-подъ Костромщины шли четыре мужчины; говорили они про торги да про покупку, про крупу да про подкупки.

Шли три попа, три Прокопья попа, три Прокопьевича,
говорили про попа, про Прокопья попа, про Прокопьевича.

Съѣлъ молодецъ тридцать три пирога съ пирогомъ, да все съ
творогомъ.

Стоитъ попъ на копнѣ, колпакъ на попѣ, копна подъ попомъ,
попъ подъ колпакомъ.

Два дровосѣка, два дровокола, два дроворуба говорили
про Ларю, про Ларьку, про Ларину жену.

Здорово отецъ, братецъ, сестрица, пріятель, другъ—скажи
челобитье поклонъ: прости отецъ, мать, дѣдка, батюшка,
братецъ, сестрица, птича, курица.

Иванъ болванъ—молоко взболталъ, да не выболталъ.

Хохлатыя хохотушки хохотомъ хохотали ха, ха, ха, ха!

Братъ Аркадій зарѣзалъ буру корову на горахъ Ара-
ратскихъ.

Не диковина полубрату сказать про Поликарпа.

Петръ Петровъ, по прозванью Петровъ, поймалъ птицу
пигалицу; понесъ по рынку, просилъ полтинку, подали пя-
такъ, онъ и продалъ такъ.

Быкъ тупогубъ, тупогубенькій бычекъ, у быка бѣла
губа тупа.

Шли сорокъ мышей, несли сорокъ грошей; двѣ мыши
поплоше несли по два гроша.

Бѣжить кошка по небу, догоню да поиму.

Быкъ тупогубъ, у быка губа тупа.

По двору, подворью, въ добромъ здоровьѣ.

Бѣжить лиса по шесточку, лизни лиса песочку.

Рыла, рыла свинья, вырыла полрыла.

Свинья тупорыла весь двор перерыла, вырыла полу-
рыла, до норы не дорыла.

Была свинья тупорыла, бѣлорыла, весь двор перерыла,
вырыла подрыла.

Утка моя, селезняха моя, не летай за рѣку, не клюй
песку, не тупи носку.

Отъ топота копытъ конска.

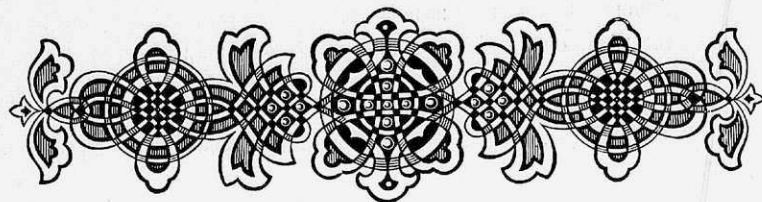
Летать три пичужки, черезъ три пусты избушки.

Отъ топота копытъ пыль по полю летить.

Курочка честра—пестра, уточка съ носка плеска.

Кубра на кубру щи варила, пришедши букара, да
выхлебала.

Ползеть глиста по шесточку, глони глиста песочку.

Припѣвы.

Эхъ разъ по два разъ! расподмахивать гораздъ; кабы
чарочка винца, два стаканчика пивца, на закуску пирожка,
для потѣшки дѣвушка.

Шейка копѣйка, алтынъ голова, сто рублей борода.

Шурьянъ—камадь самъ прокурать—трахъ-тара-ра-ра-ра.

Ай авсень, ай авсень! Таусень, таусень!

Виноградъ, красно—зелена моя.
Ой дидо, ой ладо! Ой калина моя, ой малина моя

Ай, люли, люли! Ай люшеньки люли! Сбю, вбю, вбю,
сбю.

Ой дидо калина моя, ой ладо малина моя!

Шары, бары, растобары, бблы снбги выпадали, сбры
зайцы выббгали, охотнички выбзжали и красну дбвку испу-
гали; ты дбвица стой, красавица пой!

Ой дидъ ладо (затбмъ слбдуетъ повтореніе послбдняго
въ стихб слова).

Ахъ Донъ, ты нашъ Донъ, сынъ Ивановичъ Донъ!

Ой жги, говори, договаривай!

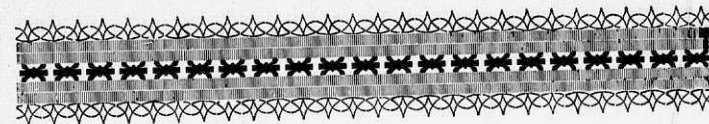
Черви, жлуди, вины, бубны.
лень—шиварганъ!

Шилды—булды пачики — чикалды, шикалды — валды,
бухъ—булды.

Ой, жги, ври, говори!

Ой, жги, говори (затбмъ слбдуетъ повтореніе послбд-
няго стиха).

ПРИСКАЗКИ.

—
Растеть не по днямъ, по часамъ, какъ пшеничное тѣсто
на опарѣ киснетъ.

—
Облачается небесами, подпоясывается зарями, застигается
звѣздами.

—
Сивка бурка, вѣщій каурка, стань 'передо мной, какъ
листъ передъ травой.

—
Тише воды, ниже травы. Слышно какъ трава растеть.

Огнемъ дышетъ, полымемъ пышетъ. Полымя изъ ноздрей,
паръ (дымъ) изъ ушей.

Съ молодецкаго поевисту пыль столбомъ.

Во лбу свѣтелъ мѣсяцъ, въ затылкѣ часты звѣзды.

Хвостомъ слѣдъ устилаетъ, доли и горы промежъ ногъ
пускаетъ.

Конь бѣжитъ, земля дрожитъ, изъ ушей полымя пышетъ,
изъ ноздрей дымъ столбомъ (или полымя изъ ноздрей, дымъ
изъ ноздрей).

Конь копытомъ бьетъ, удила грызетъ.

Подъ темными лѣсами, подъ ходячими облаками, подъ
частыми звѣздами, подъ краснымъ солнышкомъ.

Попрыски (слѣдъ) молодецкіе, ископыть (комья изъ-подъ
копытъ) багатырская.

Изъ милости траву-мураву достигаешь.

Утка крикнула, берега звякнули, море взболталось, вода
всколыхалась.

По локоть въ красномъ золотѣ, по колѣни ноги въ
чистомъ серебрѣ.

Небылица въ лицахъ.

Не за былью и сказка гоняется.

Чуръ мою сказку не перебивать; а кто ее перебьетъ,
тотъ трехъ дней не проживетъ (тому змѣя въ горло за-
ползетъ).

Изъ сказки (изъ пѣсни) слово не выкидывается.

Избушка, избушка на куриныхъ ножкахъ: повернись къ
лѣсу задомъ, ко мнѣ передомъ!

Стань передо мной какъ листъ передъ травой!

Я самъ тамъ былъ, медъ и пиво пилъ, по усамъ текло,
а въ ротъ не попало, на душѣ пьяно и сытно стало.

Стань, бѣлая береза, у меня назади, а красна дѣвица
наперед!

Вотъ тебѣ сказка, а мнѣ бубликовъ вязка.

Ясни, ясни на небѣ, мерзни, мерзни, волчій хвостъ.

Жилъ-былъ царь овесъ, онъ всѣ сказки унесъ.

Сказка отъ начала начинается, до конца читается, въ
середкѣ не перебивается.

Ни словами (ни въ сказкѣ) сказать, ни перомъ написать.

Не сизый орелъ, не ясный соколъ подымается... Не
лебедь бѣлая (сѣрая) выплывала... Не бѣлы снѣги въ чи-
стомъ полѣ забѣлились... Не черны лѣса дремучіе чернѣются...
Что не пылъ въ полѣ подымается... Не туманъ сизый съ раз-
долу подымается...

Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоемъ государствѣ.

Въ тридесѣтомъ царствѣ, за тридевѣть земель, въ тридесѣ
томъ государствѣ.

Полетѣла птица синица за тридевѣть земель, за сине море-
окіанъ, въ тридесѣто царство, въ тридевѣто государство.

На морѣ, на окіанѣ, на островѣ на Буянѣ, лежитъ
бѣль-горючъ камень Алатырь.

Свиснулъ, гаркнулъ, молодецкимъ посвистомъ, богатыр-
скимъ покрикомъ.

Берега кисельные, рѣки сытовые (молочныя).

На морѣ, на окіанѣ, на островѣ на Буянѣ, стоитъ быкъ
печеный: въ задѣ чеснокъ толченый, съ одного боку-то рѣжь,
а съ другаго мокай да ѣшь.

На полѣ—полянѣ, на высокомъ курганѣ.

Подъ свѣтлымъ мѣсяцемъ, подъ бѣлыми облаками, подъ ча-
стыми звѣздами и пр.

Шапка—невидимка. Сапоги—самоходы. Скатерть—хлѣбо-
солка. Сума—дай пить и ѣсть. Коврикъ—самолетъ и пр.

Въ чистомъ полѣ, въ широкомъ раздолѣ, за темными
лѣсами, за зелеными лугами, за быстрыми рѣками, за кру-
тыми берегами.

Гусли самогуды: сами заводятся, сами играютъ, сами пля-
шутъ, сами пѣсни поютъ.

Вправо поѣдешь (по раздорожью)—коня потеряешь, влѣво
поѣдешь—самому живу не быть.

Баба—яга, костяная нога, въ ступѣ ѣдетъ, пестомъ уни-
раетъ, помеломъ слѣдъ заметаешь.

Близко-ли, далеко-ли, низко-ли, высоко-ли.

Чудо—юдо, мосальская губа.

Доселѣ русскаго духа слыхомъ не слыхано, видомъ не ви-
дано, а нынѣ русскій духъ въ очью является.

Мертвой и живой воды добыть.

Мальчикъ-съ-пальчикъ. Дѣвочка-снѣгурочка. Дѣвчурка-
снѣгурка.

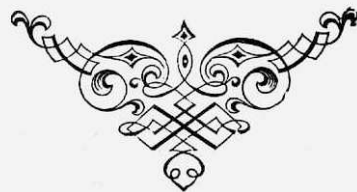
За бѣлы руки принимали, за столы бѣлодубовы сажали, за
скатерти бранныя, за явства сахарныя, за питья медовыя.

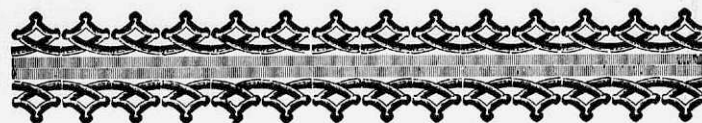
Семи пяденей во лбу. Промежъ глазъ калена стрѣла
укладывается.

Мертвой водой окропить—плоть и мясо срастаются; живой
водой окропить—мертвый оживаетъ.

Мечъ кладенецъ. Калена стрѣла. Тугой лукъ. Копье
булатное мурзачье.

Свинка — золотая щетинка. Конекъ горбунокъ. Сивка
бурка, вѣщій каурка. Змѣй-горынычъ.

Счетъ и задачи.

1.

У насъ скота много было: былъ одинъ баранъ. Не хватило у насъ соли, послалъ жену на базаръ: «Поди продай барана, купи соли, а барана назадъ привези, барана заколи, да въ стадо отгони, кума въ гости позови, купи полштофъ вина.» Кумъ ѣлъ да похваливалъ.

(Шерсть продали, а барана выложили).

2.

Восемь шли,
Грошь нашли,
По многу-ли досталось?

3.

Шли семь стариковъ,
Несли семь подоговъ;
На всякомъ подогѣ
По семи сучковъ;
На всякомъ сучкѣ
По семи кошелевъ;
Во всякомъ кошелѣ
По семи пироговъ;
Во всякомъ пирогѣ
По семи воробьевъ;
Во всякомъ воробѣ
По семи пупковъ.
Сколько всего?

4.

У меня былъ тесть бородатый; купилъ тысячу вѣшниковъ,
заплатилъ по три денежки сто.

5.

У полусемянъ мышей
Много-ли ногъ да ушей?

6.

У семерыхъ братьевъ по одной сестрицѣ. Много ли всѣхъ?
(Одна).

7.

Шли столбцомъ:
Сынъ съ отцемъ,
Да дѣдъ со внукомъ.
Сколько ихъ? (Три).

8.

Ты, да я, да мы съ тобой. Много-ли ихъ стало?
(Двое).

9.

Одинъ дѣдъ, два отца и два сына въ трои сапоги обу-
вались всѣ?
(Три).

10.

Сидятъ три кошки; противъ каждой кошки—двѣ кошки.
Много-ль всѣхъ?
(Три).

11.

Шелъ мужъ съ женой, да братъ съ сестрой, да шуринъ
съ зятемъ. Много-ли всѣхъ?
(Трое).

12.

Шли межою
Мужъ съ женою,
Братъ съ сестрою,
Шуринъ съ зятемъ.
Много-ли хватить?
(Три).

13.

Жалъ молодецъ съ дѣвицей, имъ—на встрѣчу баринъ
на тройкѣ. «Молодецъ! Тебѣ не довѣтъ съ дѣвицей жать
поздно вечеромъ.»—А что-же намъ не жать? Мы, говорить,

родные! «Да какъ вы родные?»—Да моя то, говоритъ, мать
ея то матери—родная свекровь.

(Отецъ и дочь).

14.

Бздилъ мужикъ на югъ, купилъ вѣниковъ на рубль;
каждое сто по три деньги шло, а послѣднее сто за копѣйку
купилъ. Много-ли онъ вѣниковъ привезъ?

15.

Летѣла стая тетеревовъ, сѣла на рошу деревьевъ, по двое
на дерево садутъ—одно дерево лишнее, по одному садутъ—
одинъ тетеревъ лишній.

16.

Шло семь стариковъ; каждый старикъ несъ по семи ко-
стылей, на каждомъ костылѣ—по семи рогалей, на каждомъ
рогалѣ—по семи кошелей, въ каждомъ кошелѣ—по семи пи-
роговъ, въ каждомъ пирогѣ по семи воробьевъ. Сколько было
воробьевъ?

17.

Триста вѣниковъ,
Пятьсотъ голиковъ,
По три денежки сто.
Много-ли рублей?

18.

Шли не мало: братъ съ сестрой, мужъ съ женой, да
шуринъ съ зятемъ. Много-ли ихъ стало?

(Три).

19.

Волкъ съѣстъ козу, коза съѣстъ сѣно (капусту), а пере-
везти черезъ рѣку можно только по одному. Какъ ихъ пере-
везти?

(Два раза козу перевезть).

20.

Купить на сто рублей сто скотинъ, платить и по десяти
и по пяти рублей и по пятидесяти копѣекъ. По сколько
скотинъ придется на каждую цѣну?

21.

Сидѣло семь галицъ; я стрѣлилъ, трехъ убилъ. Много-ли
осталось?

(Четыре).

22.

Старикъ съ мальчикомъ шелъ; мальчика спросили: «ка-
кая тебѣ родня старикъ?» Онъ отвѣчалъ: «Его матушка моей
матери—свекровь.» Какая это родня?

(Дядя).

23.

Мальчикъ милостыню подавалъ; спрашиваютъ его. «По
комъ?» Да она, говоритъ, мнѣ не мать и не мачиха, а отцу
законна жена.

(Сынъ мачихи и первая жена).

24.

Шли мужъ съ женой, братъ съ сестрой, да кумъ съ кумой;
нашли полтора хлѣба—раздѣлили по полухлѣбу?

(Три).

25.

Шли гурьбой:
Теща съ зятемъ
Да мужъ съ женой;
Мать съ дочерью,
Да мать съ дочерью,
Да бабушка со внучкой,
Да дочь съ отцемъ.
Много-ли всѣхъ?

(Четверо).

26.

Везъ одинъ мужикъ волка, козу и капусту и надо было ему переѣхать черезъ рѣку въ небольшой лодкѣ, а каждую вещь перевезти по одиночкѣ. Если перевезть волка и козу, то волкъ съѣстъ козу, если—капусту и козу, то коза капусту съѣстъ. Какъ же онъ перевезъ?

(Два раза козу перевезъ).

27.

Летѣло стадо птицъ на рошу, сѣли по двѣ на дерево—одно дерево осталось; сѣли по одной—одного не достало. Много-ли птицъ и деревъ?

28.

Стояло сорокъ столбовъ,
У каждаго столба по сорокъ кольцовъ,
У каждаго кольца по сорокъ жеребцовъ.
Много-ли было жеребцовъ?

29.

Купила баба куровъ на пять рублей; каждый куръ—три копѣйки, а послѣдній—двѣ?

30.

Одинъ молодецъ подошелъ къ лавкѣ пряничной и говоритъ продавцу. «Дай мнѣ на десять копѣекъ пряниковъ четырехъ сортовъ: двухкопѣчныхъ, копѣчныхъ, полукопѣчныхъ и четверть копѣчныхъ, такъ чтобы и пряниковъ было десять ровно.» По сколько пряниковъ каждаго сорта дать нужно?

31.

Пили, гуляли въ трактирѣ двадцать человекъ, прогуляли двадцать рублей. Мужикъ на четыре рубля нагулялъ, а баба—на полтину, а дѣвка—на двадцать пять копѣекъ. Почему на человека?

32.

На двадцать рублей купи двадцать людей: бабу по рублю, дѣвку—по полтинѣ, мужика по пяти рублей.

33.

Летѣло стадо гусей; попадаетъ ему на встрѣчу гусь и говоритъ: «здравствуйте сто гусей!» Они ему отвѣчаютъ: «Насъ не сто гусей, а какъ было-бы еще столько, да пол-столько, да четверть столько, да ты бы, гусь, съ нами, то и было бы насъ сто гусей.» Сколько ихъ летѣло?

(Тридцать шесть).

34.

Денегъ: пять денегъ, грошъ, копѣйка, денежка стара.
Много-ли стало?

35.

Мужъ съ женой, отецъ съ сыномъ, да мать съ дитей.
Сколько всѣхъ?

(Три).

36.

Шли: теща съ зятемъ, мужъ съ женой, бабка со внучкой, мать съ дочкой, да дочь съ отцемъ.

37.

Шли двѣ матери съ дочерью, да бабушка со внучкой; нашли полтора пирога. По много-ль досталось?

(По половинкѣ).

38.

Жали у поля два жнеца, пріѣхали два купца. «Коли мужъ съ женой, то Боже поможе, коли братъ съ сестрой то насъ разсмѣши:»—Ни мужъ съ женой, ни братъ съ сестрой, а ея матушка, моей матушкѣ свекровь была.

(Сынъ).

39.

Его мать моей матери однимъ одна дочь.

(Дочь).

40.

Что такое: ни мать, ни мачиха, а моему отцу родная жена.

41.

Сынъ отца моего, а мнѣ не братъ.

(Я самъ).

42.

«Здравствуйте мои братцы, жены моей дѣти! Скажите своей матери: «Твой мужъ пришелъ!» Притомъ знайте вы, что вашъ отецъ и мнѣ отецъ, я вашъ братъ, а жена моя вамъ мать.

(Дѣти, прижитыя солдаткой со свекромъ).

43.

Батька съ сыномъ, да батька съ сыномъ, да дѣдушка со внукомъ. Много-ли стало?

(Три).

44.

Шуриновъ племянникъ, какъ зятю родня?

(Сынъ).

45.

Здравствуйте братцы, моей жены дѣтки! Скажите своему отцу, что его жены мужъ пришелъ.»

(Дѣти, прижитыя солдаткой со свекромъ).

46.

Мать съ дочерью, да мать съ дочерью, бабушка со внучкой. Много-ли ихъ всѣхъ?

(Три).

47.

Шелъ я по дорожкѣ и увидѣлъ сидить дитя и говорить:
Есть у меня отецъ и мать, а я самъ не сынъ.»

(Дочь).

48.

Что милѣе ста рублей?

(Двѣсти).

49.

Сидитъ *тихо*, говоритъ *лихо*: «Тихо погляди въ окно—
нейдетъ-ли кто?—Идетъ *кортя*, ведетъ *вортю*. Бери *чилима*,
полѣзай въ *Адамъ*, въ *Адамъ* есть-ли душа?

(Сноха, свекровь, свекоръ,
жбанъ, погребъ и пиво).

НАРОДНЫЯ ПРИСЛОВІЯ.

*Мы люди не грамотные,
Бдимъ пряники не писанные.*

Нѣкоторые изъ помѣщенныхъ здѣсь народныхъ присловій, а именно въ числѣ около 50, были собраны и записаны мною лично. Причемъ, помѣщены здѣсь были только тѣ изъ записанныхъ мною присловій, которыя до сихъ поръ нигдѣ еще не были напечатаны.

Всѣ предшествовавшіе бытописатели представляли вниманію читателя то, что каждый находилъ по своему болѣе цѣлесообразнымъ, я же, не дѣлая никакихъ исключеній въ данномъ случаѣ, помѣстилъ здѣсь все то, что слышалъ про старину отъ старыхъ людей и что записалъ какъ болѣе или менѣе любопытное.

Народныя присловія.

А Р ЗА М А С Ц Ы.

Лукофды.—Гусятники.

А Р Х А Н Г Е Л Ь Ц Ы.

Морожефды.—«Ивановичъ, Ивановичъ! слѣзь съ крыши, я къ тебѣ пріѣхала!»

Жена какого-то Архангельскаго поселянина, соскучась по мужѣ, рѣшилась искать его въ Петербургѣ. Зная, что ея мужъ промышляетъ кровлю крышекъ, она не спрашивала его въ дворахъ и домахъ, а высматривала все по крышамъ. Вдругъ ей показалось, что на одной крышѣ стоитъ ея мужъ.

Да, это онъ, точно онъ, какъ живой стоитъ, думаетъ она. «Ивановичъ, Ивановичъ! Стѣзь съ крыши, я къ тебѣ пріѣхала!» Проходящіе будто едва могли увѣрить, что на крышѣ стоитъ не мужъ, а статуя..

БАЛАХОНЦЫ.

Балахна, стоитъ ротъ распахня.

БОЛХОВИТЯНЕ.

Рака съ звономъ встрѣчали. «Вотъ воевода къ намъ ползетъ, щетинку въ зубахъ несетъ».

БОРИСОГЛѢБЦЫ.

Кислогнѣздые. — Большая часть жителей Борисоглѣбска состояла прежде изъ скорняковъ и клейщиковъ. Дома и дворы ихъ, наполненные сими фабричными заведеніями, издавали самый непріятный запахъ. Прохожіе, проходя Борисоглѣбскъ, съ досады говаривали:—«Кислогнѣздые!» — Нынѣ этотъ попрекъ совершенно уничтожился, и осталось одно преданіе.

БОРОВИЧИ.

Луковники. — «Луку, луку зеленого!»

Поселяне Боровскаго уѣзда искони занимались огородною промышленностію, и осенью, проѣзжая по селеніямъ съ своими товарами, кричали во услышаніе всѣхъ: «Луку, луку, зеленого!»

БРЯНЦЫ.

Куралесы.—Брянская коза.

Въ старину Брянскіе поселяне считались странными людьми у нашихъ стариковъ. Бывало, поѣдутъ-ли на торгъ, а пріѣдутъ или къ кружалу, или на гумно. Въ этомъ виноваты были ихъ лошадки, а поселянинъ какъ выѣзжалъ изъ двора, такъ уже спокойно засыпалъ. Проѣзжіе, видя ихъ безпечность, прозвали ихъ: «Куралесами».

БѢЖЕЧАНЕ.

Колокольню рожкомъ подколотили.

Въ старину еще, жители города Бѣжецка очень любили нюхать табакъ, и держали его въ рогѣ. Соберутся къ церкви въ праздничный день за чашъ, чтобы къ началу поспѣть, расположатся на паперти, и давай одинъ другого табакомъ подчивать; разумѣется сперва рогомъ постучать въ стѣну или о паперть. Вотъ отсюда и пошло присловье.

БѢЛОЗЕРЦЫ.

Бѣлозерскіе снятки.

Извѣстные Бѣлозерскіе снятки, продаваемые по русскимъ городамъ, доставили Бѣлозерцамъ это прозваніе.

БУЕВЦЫ.

Буй да Кадуй чортъ три года искалъ, а Буй да Кадуй у воротъ сидѣлъ. Буй городокъ, — отбей кошелекъ. — Домосады.—Лѣсники.

Есть народное преданіе, что когда-то татары хотѣли разорить городъ Буй; но, не зная къ нему дороги, шатались изъ лѣса въ лѣсъ. Бувцы, смѣясь татарскимъ баскакамъ въ Москвѣ, говорили имъ: «Буй да Кадуй чортъ три года искалъ, а Буй да Кадуй у воротъ сидѣлъ».

ВАЛДАЙЦЫ.

Колокольники.—«Молодецъ! купи баранокъ, а поцѣлуй въ придачу».

ВИЛЬЯНЕ.

Кто въ Вильяѣ не бывалъ, тотъ чудесъ не видалъ. Въ Вильяѣ семь дорогъ для жида и три для поляка.

ВИТЕБЦЫ.

Волянка и гудокъ сбереги нашъ домокъ; соха и борона раззорили наши дома.

ВАРНАВИНЦЫ.

Медовики.

ВЕТЛУЖАНЕ.

Санники.—Санникъ, телѣжникъ, а выѣхать не на комъ.

ВИЧУГОВЦЫ

Салфеточники.

ВЛАДИМІРЦЫ.

Постовскіе каменщики.

Клюковники. — «По клюкву, по клюкву, по красную клюкву».

Многіе изъ Владимірскихъ поселянъ хаживали зимою по городамъ и селамъ съ клюквою и причитывали разныя при- сказки о своей клюквѣ. Горожане подмѣтили ихъ слова о обрекли въ попрекъ.

— Собирались кулики на болотѣ сидючи, они Суздальцы да Владимірцы, и волянка и гудокъ.

Это присловіе составилось изъ народной пѣсни, въ се- лении Гуслицы, про Владимірцовъ.

— Деревянныя печи, золотыя ворота, желѣзныя церкви.

Есть народное преданіе, что Владимірцы пріѣхали когда- то въ Москву похвалиться. Москвичи долго слушали по- хвальбы Владимірскія, да съ досады и говорили: «Охъ вы, плотники! У васъ и всего де: деревянныя печи, золотыя ворота, желѣзныя церкви». Деревянная печь дѣйствительно находилась въ старомъ архіерейскомъ домѣ, близъ Успен- скаго собора; золотыя Владимірскія ворота получили свое названіе отъ золотой главы; желѣзная церковь, стоявшая тамъ близъ Рождественскаго монастыря уничтожена была въ концѣ XVIII вѣка.

Кто изъ Владимірскихъ жителей не знаетъ старинной прибаутки о самихъ себѣ:—наши молодцы не дерутся, ни борются, а кто больше съѣстъ, тотъ и молодецъ.

В О Л Ы Н Ц Ы.

Будемо ляхивъ и жидовъ ризати! — или мамо! закрой мини очи, нехай не дывлюся на того нешднаго ляха.

ВАРШАВЦЫ (или варшавяне).

Полякъ глупой все купить, а москаль сдеретъ, даромъ возметь; французъ выдумаетъ, нѣмецъ сдѣлаетъ, полякъ купить.

Московский часъ—подожди.

В Е Л Ь Ц Ы.

Судить рядить не умѣю, а на воеводство садять.

В О Л О Ж А Н Е

(или Вологодцы).

— Теленка съ подковкой съѣли.

— На словахъ, какъ на маслѣ, а на дѣлѣ, какъ на Вологдѣ.

— Толокномъ Волгу замѣсили.

— Наши не велики да цапки: семеро одного не бояться.

— Сорокъ на сорокъ идетъ, а если сорокъ одинъ,—то и катомочки отдадимъ.

Чудъ бѣлоглазая.

Старинная сказка о Вологодцахъ—какъ они толокно мѣсили въ Волгѣ,—досель сохраняется въ народныхъ преданіяхъ. Говорятъ, что когда-то они собрались въ дорогу, и взяли съ собой вмѣсто хлѣба—толокна. Подходятъ къ Волгѣ; время было обѣденное. Вотъ и расположились на берегу обѣдать. Кашеваръ вынулъ мѣшокъ съ толокномъ и сталъ разводить Дежень въ Волгѣ. Мѣшалъ, мѣшалъ ложкой, и сталъ подчивать земляковъ. Взяли ложки дружно Вологодцы, принагнулись и полѣзли въ Волгу за Деженемъ. Попробуютъ: вода, водой. Гдѣ Дежень? Никто не знаетъ, не вѣдаетъ. Пристали къ кашевару. Бѣдный, сколько не увѣрялъ, а долженъ былъ опуститься въ Волгу, отыскивать толокно. Опустился на дно Волги, и выплыветъ ни съ чѣмъ. Земляки не пускаютъ его на берегъ. Догадался кашеваръ, что дѣлать, а догадавшіеся сказали:—«Водяной съѣлъ».

— На Водяномъ не будешь отыскивать,—сказали Вологодцы и воротились обѣдать въ свою деревню. Вѣдь не голоднымъ-же было идти въ путь.

В Ы Т Е Г О Р Ы.

— Камзолники.

В Я З М И Ч И.

- Прянишники.
- «Мы люди не грамотные, ѣдимъ пряники не писанные».
- Коврижки съ анисомъ.
- Глухая Вязьма, безтолковый Дорогобужъ.

В Я Т И Ч А Н Е.

- Вятская баталія.
- Хлыновскіе бояре.
- Свистоплясы.
- Слѣпороды.
- Вятка, всему богатству—матка.

Вятская баталія, говорятъ, происходила между вятчанами и морскимъ чудовищемъ. Неизвѣстно, кто эту баталію перенесъ на лубочныя картинки.

Слѣпородами Вятчанъ прозвали послѣ несчастной ихъ битвы съ Устюжинами. Это было въ 1480 году, когда къ нимъ они пришли, какъ сосѣди, на помощь противъ татаръ. Вятчане открыли сраженіе противъ Устюжанъ ночью подъ предводительствомъ Михаила Разсохина, а Устюжанами управлялъ Новгородскій выходецъ Аноалъ. Съ разсвѣтомъ дни увидали они, что били своихъ сосѣдей, а не татаръ.

Г А Л И Ч А Н Е.

- Що царь галуньки.
- Корову въ баню тащили.
- Городъ Галивонъ, озеро Миронъ, а люди Кривичи.
- Овчинники.
- Толокно весломъ въ рѣкѣ мѣшали, и толокна не достали.
- Галичанъ наши дѣды называли кривичами по ихъ хитрости и оборотливости въ торговыхъ дѣлахъ. Сказка о толокнѣ почти одинаковая съ Вологодскою.

Г Л У Х О В Ц Ы.

- Попутный табачекъ.

ГРЕКИ даютъ русскимъ прозвище, обратившееся въ поговорку: русый, рыжій народъ; они имѣютъ также при сказку, будто русскій въ Константинополѣ, не нашедши квасу, сказалъ: — «*что за городъ это, что и квасу въ немъ нѣтъ!*»

Г Р Я З О В Ц Ы.

- Сорокъ кабаковъ, одна церковь въ грязи потонула.

ГУСЛИЦЫ

(село Владимірской губ.).

— Собирались кулики на болотѣ сидуча, они Суздальцы, володимірцы и волынка и гулюкъ.

ДАНИЛОВЦЫ.

Барана въ зыбкѣ закачали.

Одинъ изъ даниловцевъ когда-то украсть ягненка: къ нему пришли въ домъ съ обыскомъ. Не зная куда дѣвать покражу, — воръ спеленать ягненка и положилъ его въ колыбель, желая тѣмъ ввести въ заблужденіе сыщиковъ и избавиться отъ неминуемаго наказанія.

Пришедшіе съ обыскомъ застали вора за качаніемъ колыбели, въ которой лежалъ вмѣсто младенца спеленатый ягненокъ. Когда обратились къ вору съ допросомъ, то воръ, не долго думая, отвѣтилъ слѣдующей клятвой: — «Вотъ вамъ правая рука, даю чрезъ милое дитя, да и ему-бы на ножѣ поторчать!» —

Благодаря такой находчивости воръ избавился отъ уличенія въ крадѣ и не найденный ягненокъ остался въ его полную собственность.

— Любимые ловцы.

— Даниловцы, невыдавцы.

— Кошкодавы: кошку не купили, а на базарѣ задавили.

ДѢДНОВЦЫ.

— Макары.

Есть въ народѣ преданіе, что Дѣдновцы Рязанской губерніи отправили своего старосту съ выборными людьми отъ всего міра встрѣтить Петра Великаго съ хлѣбомъ—солью. Государь сказалъ: «хорошо!» Потомъ спросилъ у другихъ объ ихъ именахъ.

Дѣдновцы будто вообразили, что имя старосты ихъ правится царю, всѣ до единого назвались «Макарами». Государь на это сказалъ смѣясь: «будьте же всѣ вы Макарами!» Съ тѣхъ поръ и зовутъ ихъ—Макарами.

ДМИТРОВЦЫ.

— Лягушешники.

Болота, окружающія Дмитровъ, всегда бываютъ наполнены лягушками. Прохожіе и проѣзжіе, проѣзжая чрезъ этотъ городъ, бывали оглушены кваканіемъ лягушекъ, и въ негодованіи прозвали и самыхъ жителей—лягушками.

ДОНЦЫ.

— Ивановичи.

ЕГОРЬЕВЦЫ.

— Головотяпы.

Е Л Ъ Ч А Н Е.

— Сычужники.

— Радуга ушатъ воды выпила.

— У насъ въ Ельцѣ, на Соснѣ рѣцѣ, курица втенка (утенка) вывела.

Одна Ельчанка когда-то лѣтомъ поставила на дворѣ ушатъ воды, чтобы солнышко нагрѣло воду, а сама занялась хозяйствомъ. Въ это время пришла корова и выпила воду. Приходить сынъ съ базара. Мать высылаетъ его посмотреть воду. Сынъ выходитъ на дворъ и видитъ: воды нѣтъ, а радуга распространилась надъ ушатомъ.

Вотъ онъ и кричитъ своей матери: «матушка, матушка! Радуга ушатъ воды выпила».

Е Ф Р Е М О В Ц Ы.

— Въ кашелѣ—кашу варили.

Ефремовцы зимою ходятъ съ образами въ Москву, и всю съѣстную провизию кладутъ въ лычные, плетеные кашели. Когда-то у нихъ вышелъ весь запасъ каши, а безъ каши, известное дѣло, мужику жить нельзя. Въ чемъ-же варить? Гдѣ горшокъ взять?—думали мужики собравшись въ кружокъ. Вотъ и придумала одна умная голова: «будемъ-же ребята варить кашу въ кашелѣ». Сдуманное дѣло тутъ же затѣялось. Налиють воды въ кашель, засыпать крупъ, посмотреть: крупы цѣлы, воды нѣтъ. Снова нальютъ воды, а вода опять пропадетъ. Выбились Ефремовцы изъ силъ. Вотъ и придумала одна умная голова: «А що, ре-

бята, неволить себя, будемъ варить кашу безъ воды?». Сдуманное дѣло тутъ-же затѣялось. Разложили огонь, повѣсили надъ нимъ кашель, а сами пошли спать на воза. Соснули по-русски, вспомнили про кашу, да и все пошли къ огню. Приходятъ—нѣтъ ни каши, ни кашеля—все сгорѣло.

Е Г О Р Ь Е В Ц Ы.

— Самъ ножъ точить, а говорить: «не боюсь!».

— Рудометы, коновалы.

Е Н И С Е Й Ц Ы.

— Гробоавозы.

Во время одного изъ пожаровъ, бывшихъ въ Енисейскѣ, нѣкто изъ городскихъ богачей, желая скрыть отъ любопытныхъ взоровъ свои сокровища, положилъ ихъ въ гробъ, который и сплавилъ на плоту по Енисею.

З А Д Н Ъ П Р О В Ц Ы (или Запорожцы).

— Задрипанцы.

Такъ Кіевляне въ старину величали запорожцевъ за ихъ неопрятность.

З А Б А Й К А Л Ь Ц Ы.

Омулятники—такъ какъ омуль (родъ сельди, ловится въ озерѣ Байкалѣ) составлялъ въ Забайкальѣ лѣтъ 20 тому

назадъ, главную народную пищу; теперь-же онъ—«въ са-
пожкахъ ходить»,— и продается на базарахъ по 10—15 к.
за штуку.

ИВАНОВЦЫ.

— Богатъ, да хвастливъ, какъ Ивановскій мужикъ.

ИРКУТЯНЕ.

Иркутянь называютъ «бакланами»; должно быть они
ужь очень ловко умѣютъ найти и захватить добычу.

КАДНИКОВЦЫ.

— Водохлѣбники. Баскіе. Форсуны. Толоконники.

— Теленка съ подковкой съѣли.

КАЗАНЦЫ.

— Казань прогребли и орду прошли.

КАДЦЕВЦЫ.

— Кадошники.

КАЛУЖАНЕ.

— Калужанинъ поужинаетъ, а тулякъ, такъ ляжетъ.

— Шагольники: Шаголь шагалуетъ на осиновомъ дубѣ,
да воскогуркнетъ: «ткау! ткау!»

Наша Калуга Москвы болѣе не болѣй, а калачами да
квасомъ удалѣй.

— Козла въ соложеномъ тестѣ утопили.

КАЛАЗИНЦЫ.

— Свинью за бобра купили.

— У нашего Макара по три деньги Натальи, а грошъ
дай, любую выбирай.

КАПОРЦЫ.

— Крошевники.

— Капорское крошево и кисло и дешево.

КАРГОПОЛЬЦЫ.

— Чудъ бѣлоглазая, сыроѣды.

КАШИНЦЫ.

— Собаку за водка убили, да деньги заплатили. Водо-
хлебы.

Когда-то Кашинцы собрались поохотиться. Сборы были
долги: да за то собрались всеѣмъ городомъ. Вотъ и спраши-
ваютъ другъ у друга: что бить? что ловить? Миръ приду-
малъ, пригадалъ бить волковъ. Далеко ходить было некуда;

лѣсъ росъ подъ ногами. Стали по облавамъ и ждутъ звѣря. Бѣжать звѣрь немудрый. Кашинцы вскрикнули разомъ, подняли дубины, да и давай мачалить звѣря. Лежить звѣрь убитый, а какой? Тутъ только міръ спозналъ, что убита воеводина собака. Съ воеводомъ даромъ не сладишь; собрали со всѣхъ дворовъ окупъ, да и помирились съ нимъ.

КАШИРЦЫ.

— Шапку долой! — А що? — Все бо бояре.

Каширскіе поселяне, проѣзжая съ барщины по Каширской дорогѣ, повсюду встрѣчали избы съ трубами, ворота съ растворами, сани съ козырями, точь въ точь, какъ на барскомъ дворѣ. Староста Артема отдалъ приказъ мужикамъ: «Когда въѣдутъ въ такую деревню, то снимать всѣмъ шапки». Староста былъ мужикъ смышленный и догадливый; онъ прежде слыхалъ, что въ такихъ деревняхъ живутъ только господа, а потому-то велѣлъ мужикамъ снимать шапки. Лишь только въѣдутъ въ деревню, мужики ужъ другъ другу кричатъ: «шапку долой! А що? Глянь, все бо бояре». Послѣ открылось дѣло, что въ такихъ деревняхъ жили не бояре, а однодворцы.

Про Каширскихъ однодворцевъ въ народѣ извѣстна старинная сказка. Когда-то однодворцы провинились предъ чертомъ. Чортъ, собравши виноватыхъ со всѣхъ деревень, положилъ ихъ въ рѣшето да и понесъ на базаръ продавать. Извѣстное дѣло, что онъ не ходитъ, не ѣздитъ, а только летаетъ. Поднялась буря. Чортъ давай разгонять бурю. Въ это время рѣшето повернулось, а однодворцы посыпались на Каширскія поля. Съ тѣхъ поръ, говорятъ, они живутъ тамъ цѣлыми селеніями.

КИЖАНЕ.

— Золотую грамоту просили.

КИМРЯКИ.

Пѣтуха на канатѣ кормили, чтобъ на чужую землю чрезъ межу не перешелъ.

— Склеенный сапогъ.

— Свои сапоги на лапоть промѣняли, лапти мошь, нашего товара прочнѣе.

КИНЕШЕМЦЫ.

— Суконщики.

— Кинешма да Решма кутить да мутить, а Вологда — убытки платить.

КЛИНОВЦЫ.

— Лапотники.

КОСТРОМИЧИ.

— Лучше-бы три раза погорѣла, чѣмъ разъ овдовѣла.

— Костромичи въ кучу, Ярославцы прочь, они на руку не чисты; лапти растеряли, по дворамъ искали, было шесть, а стало семь.

— Гдѣ лишняя навоза колышка, тамъ лишняя хлѣба коврижка.

КОЛАЗИНЦЫ.

— Толоконники.

Они свинью за бобра купили, собаку за волка убили.

КИНЕШЕМЦЫ.

Отъ Рѣшмы до Кинешмы глазами докинешь-ли?

КОРЕГИ (около Буи).

Корегскій баринъ самъ оретъ и пашетъ.

КАМЕНЕЦЪ-ПОДОЛЬЦЫ.

Каменецъ-вѣнецъ, кругомъ вода, а въ серединѣ бѣда.

КОЛОГРИВЦЫ.

— Дегтярники.

КОЛОМЕНЦЫ.

— Чернопебье.

КРАПИВЕНЦЫ.

— Сѣно съ колокольнымъ звономъ встрѣчали, а воеводы не видали.

Какъ-то разъ прослышали Крапивенцы, что съ Соловы поднялся къ нимъ воевода. Нарядились міряне въ праздничные кафтаны, и сѣли по лавкамъ. А чтобъ знать, когда встрѣчать воеводу, то послали десятскаго на колокольню съ наказомъ: «какъ будетъ» де, «подѣзжать воевода, звони».

Заклубилась пыль по дорогѣ, десятскій зазвонилъ, за-трезвонилъ. Вышли міряне съ хлѣбомъ-солью, глядятъ, ѣдетъ мужикъ съ сѣномъ. Ему—то міряне и били челомъ.

КРЕМЛЯНЕ.

— Живетъ въ Кромахъ, въ разныхъ домахъ.

ЛИВЕНЦЫ.

— Соломатой мостъ обломили.

Въ какое-то незапамятное время прѣхалъ въ Ливны на воеводство воеводичъ. Ливенцы наварили соломаты по горшку со двора и понесли въ подарокъ воеводичу. Поѣхалъ обозъ съ соломатой по мосту, а мостъ ни крытый, ни шитый, изъ тычинокъ собранный, хворостомъ покрытый, подъ соломатой то и подломился.

ЛИХВИНЦЫ.

— Лихвинскія горы, да Новосильскіе воры—злѣе всѣхъ.

ЛУЧАНЦЫ.

— Въ Луцкѣ все не по людски, на вколо вода, въ срединѣ бѣда.

Это старинное присловье произошло отъ уніатотъ и жи-
довъ, наполнявшихъ городъ въ началѣ XVII столѣтія. Точно
такое-же присловье говорили и о Каменцѣ. «Каменецъ —
вънець, кругомъ вода, въ срединѣ бѣда».

ЛЮБИМЦЫ.

— Козу пряникомъ кормили.

— Водохлебы.

— Не учи козу, сама стянеть съ воза, а пречиста рука
все причистить.

— Двѣнадцатый часъ, а матушка изъ міру не бывала.

Сынъ изъ Питера пріѣхалъ съ часами, половымъ тамъ
былъ, а матери ничего не высылалъ, такъ что та по міру
начала ходить, подаваніемъ жить.

Въ старину Любимскіе поселяне не жили дома, а пе-
реселялись въ поднощики по кружаламъ и харчевнямъ, гдѣ
они, какъ страстные любители чаю, получили прозваніе
водохлебовъ и бухваловъ.

Въ незапамятную старину двое Любимскихъ поселянъ
собрались покататься на масляницѣ. Заложили лошадь въ
сани. У обоихъ были одни сапоги; вотъ они надѣли ихъ,
кто съ права сидѣлъ на правую ногу, а кто съ лѣва — на
лѣвую. Тѣхъ двухъ ногъ, что внутри саней и не видать,
что онѣ въ лаптяхъ, а все-же питерщиной нужно поба-
хвалить.

Выѣхалъ экипажъ: дуга золоченая, сбруя_ременная, ло-
шадь три дня не кормленая. Ыдутъ да остановятся, будто

конь ихъ до того заѣлся и горячится, что лѣзетъ изъ хо-
мута вонъ; а конь изъ-за голода ни съ мѣста и безъ хо-
мута. Принялись мужики за кнуты, подъ гору бьютъ въ
четыре кнута, а съ горы — въ десять, конь стоитъ все
тутъ-же.

ЛАДОЖАНЕ.

— Щуку съ яйца согнали.

ЛУГОВЦЫ.

— Разношники.

ЛИФЛЯНДЦЫ.

— Желѣзные рыцари.

МАЛОРОССЫ.

(или малороссіяне).

— Мозеницы.

— Хохлы.

— Чубы.

— Хохолъ гаупѣ вороны, а хитрѣ чорта.

— Москаль продалъ съ хохла поля на ярмаркѣ за три
деньги, а хохолъ въ придачу пошелъ ни за калачъ, ни за
денежку.

— Цапъ (козелъ) ведетъ сто барановъ на базаръ, а татаринъ сто хохловъ въ Крымъ.—Что это за люди? — Мы бо не люди, а малороссы.

— Казакъ коли не пье, та воши бье, а все таки не гуляе.

— Чубы. Это прозваніе происходитъ отъ обычая у малороссіянъ оставлять на маковкѣ головы чубъ, или клокъ волосъ; между тѣмъ какъ у запорожцевъ отпускался одинъ лишь длинный клокъ волосъ на головѣ—отъ макушки — и назывался *оселедецъ*; этотъ клокъ завертывался за правое ухо.

Сказываютъ, будто-бы, когда императрица Елизавета Петровна, увидавъ малороссіянъ, пришедшихъ въ Питеръ съ волами, спросила ихъ:—«*Что вы за люди?*» — Они гордо отвѣчали:— «Мы бо не люди, (т. е. не *рабы*), а малороссіяне».

МОЖАЙЦЫ.

— Можайскій вѣтеръ.

Такое названіе вѣроятно дано Можайцамъ изъ-стари по той причинѣ, что они легко переходили отъ одного властителя къ другому, напримѣръ: отъ Москвичей къ Шемякѣ, потомъ къ полякамъ противъ князя Василя Васильевича Темнаго.

МОСАЛИ.

— Гуторы гуторили, гуторили, да и загуторили воеводу.

— Матушка Заугра, не потопи нашего города Масальска и нашего старосту Гаврюшку.

Когда-то Мосальцы отправили своего старосту Гаврюшку провѣдать въ Москву, почемъ тамъ православные принимаютъ людей на заработки?

— Староста выѣхалъ въ саняхъ, прямо по рѣкѣ Угрѣ, дѣло было во время растоплѣн. Рѣка Угра поднималась изъ береговъ. Староста долго не думалъ, сѣлъ въ сани, махнулъ кнутомъ по лошади, и взѣхалъ прямо на льдину, а Мосальцы провожали его всѣмъ міромъ. Вдругъ вода поднялась изъ береговъ, икры пошли за икрами, старосту затерло во льдинахъ. Изъвахаись Мосали, припали къ берегу и стали голосить:—«Матушка Заугра! Не потопи нашего города Мосальска и нашего старосту Гаврюшку!»

МЕЦНЯНЕ.

— Амчинина быте во дворъ.

— Бабы кружевницы—мужья лежебоки.

— Когда-то Мецняне, обиженные лѣтомъ проѣзжими, вздумали зимой отыскивать виноватыхъ. Лѣтомъ было не до того имъ: то сѣнокосъ, то жатва. Зимой другое дѣло: съ печи да на палаты, съ палатей да на печь. Собрались міромъ и стали толковать: гдѣ же искать проѣзжихъ? Из-

вѣстное дѣло, на постоянныхъ дворахъ. Долго не думали, собрались всемъ міромъ на однихъ саниахъ, да отправились въ дорогу. Куда не приѣдутъ, вездѣ находятъ виноватыхъ. Расправа коротка: въ кнуты да въ дубины. Съ тѣхъ поръ Мценскіе дворники не могутъ равнодушно слушать, когда имъ говорятъ: «Амчинина быте во дворъ!»

МОСКВИЧИ.

- Рака со звономъ встрѣчали.
- Московскій часъ—подожди.
- Съ москалемъ дружи, а камень за пазухой держи.
- Москаль не великъ человекъ, а опасенъ.
- Правда московская.
- Москаля верти (обманивай).
- Видь москаля, помы срижи, да втекай (бѣги).
- Отъ чорта открестисься, а отъ москаля дубиной не отобьешься.
- Въ Москвѣ толсто звонятъ, да тонко ѣдятъ.
- Москва стоитъ на болотѣ, ржи въ ней не молотятъ, а больше деревенскаго ѣдятъ.
- Винь какъ на-москался, що изъ подъ живаго пята рѣжить.
- Видно великъ городъ, что семь воеводъ.

- Въ Москвѣ недороду хлѣба не бываетъ.
- Живетъ въ Москвѣ, не въ милой тоскѣ.
- Два брата съ Арбата, а оба горбаты.
- Съ Москвы съ посада съ овощнаго ряда.

— Многія московскія присловія принадлежатъ временамъ историческимъ. Такъ, присловіе: — «Правда Московская» — вышло отъ Псковичей, когда Москвичи взяли Псковъ, когда они на Москвѣ били челомъ въ своей покорности. — «Видно великъ городъ, что семь воеводъ» — указываетъ прямо на «Семибоярщину». Другія-же выдуманы малороссіянами. Такъ присловіе: — «Московскій часъ—подожди» — произошло отъ медленности въ дѣлахъ. Поговорка Москвичей: сей часъ! — надоѣла малороссіянамъ.

— У малороссіянъ ведутся между чернью поговорки о привязчивости и хитрости москалей, что — «Отъ черта отхрестисься, а отъ москаля и не отобьешься; что москаль не великъ человекъ, да ба (т. е. опасенъ).

МИНЦЫ.

- Дай Богъ тебѣ въ Вильну ходить, горы копать.

МУКОБРЯНЫ.

- Такъ называли ихъ вѣроятно потому, что они мукою брали.

МУРОМЦЫ.

- Кадошники.

— Вертячія бабы.

— Святогоны.

Послѣднее присловіе осталось за муромцами съ того времени, когда они выгнали изъ своего города Епископа Василія въ XIII вѣкѣ.

НЕРЕХОТЦЫ.

— Село Лупино, Арменки глупые, а Нерехта на умъ поставить.

— Не бойся по Арменской дорогѣ воровъ, а бойся въ Нерехтѣ каменныхъ домовъ.

— Нерехотскіе бѣгуны.

Нерехотскіе поселяне получили прозваніе бѣгуновъ отъ того, что они зимою ходятъ съ безменомъ по селамъ покупать пряжу.

НИЖЕГОРОДЦЫ.

— Дома каменные, люди желѣзные.

— Татинецъ да Слатинецъ—ворамъ кормилецъ.

— Нижегородцы не уродцы.

Нужно замѣтить, что селенія Татинецъ и Слатинецъ находящіяся отъ Нижняго-Новгорода въ 60 верстахъ, были въ старь опасными мѣстами для путешественниковъ, такъ какъ въ этихъ двухъ селеніяхъ часто имѣли пребываніе волжскіе разбойники, о которыхъ и сейчасъ можно слышать отъ старожилловъ.

— Бородка-Нижегородка—усть Макарьевскій.

НОВГОРОДЦЫ.

— Шильники, долбежники.

Долбежниками называли новгородцевъ потому, что побѣдители бросали мятежныхъ гражданъ въ Волховъ, отбивая ихъ желѣзными долбнями отъ береговъ.

— Долбежники.

— Гущефды, плотники.

— Упрямъ—какъ Новгородецъ.

— Ты вѣдь не Новгородскій дворянинъ.

— Сига въ Волховъ столкнули.

Долбежниками Москвичи называли Новгородцевъ по ихъ дубинкамъ, съ которыми они въ старину ходили на бой.— Гущефдами прозвали Новгородцевъ за постное кушаніе во время поста, приготовляемаго изъ обожженного ячменя, свареннаго въ простой водѣ.

Въ старину хлѣбосольные Москвичи, выговаривая спѣсивому гостю, что онъ не пріѣзжалъ къ обѣду, говорили: ты вѣдь не Новгородскій дворянинъ.

НОВОТОРЫ.

— Городъ Коростень, владѣніе Ольгино, народъ Бривичи.

— Новоторы—воры.

Въ Новоторжскѣ есть близъ города городище, а жители, желая оставить за собою старшинство, говорятъ:—Мы люди старые, прежде были посадскіе города Коростеня, владѣнье Ольгино, народъ Кривичи».

«Новоторы—воры» — такъ съ незапамятныхъ временъ Новоторовъ величаютъ Осташи, а Новоторы отвѣчаютъ имъ тогда на этотъ попрекъ:—«И осташи хороши!»

О Л О Н Ч А Н Е.

— Олонцы—добры молодцы.

— Наши молодцы не бьются, не дерутся, а кто больше съѣсть, тотъ и староста.

— У насъ одинъ молодецъ съѣлъ тридцать три пирога съ пирогомъ, да все съ творогомъ.

— Одинъ молодецъ ѣлъ хлѣба мягка, ножа былъ востра, а какъ шапка свалилась на полъ, покатила, до рѣки пи-халъ ногой, а войдя въ рѣку, почувалъ, что-то лопнуло. «Не брюхо-ли лопнуло?» подумалъ; глядитъ: брюхо цѣло, а ремень лопнулъ, голову нагнулъ и шапку надѣлъ.

— Любезный Олонецъ—бѣлые берега.

— Кайваны въ Олонцѣ не бывали.

Всѣ эти старинныя присловія остались только въ народныхъ преданіяхъ Москвичей. Нынѣ только за Олончанами осталось одно присловье—добры молодцы.

О Н Е Ж А Н Е.

— На рогахъ онучи сушили.

— Прохорята.

— Прохоровы дѣти.

— Прохоръ письмо прислалъ и любодырному велѣлъ деньги собирать.

— Во всей Онегѣ нѣтъ телѣги.

— Лѣтомъ воеводу возили на санихъ по городу.

О Р Л О В Ц Ы.

— Проломленные головы.

— Орелъ да Кромы—первые воры, да и Карачи на поддачу.

О Д О Е В Ц Ы.

— Молодечъ, молодечъ! Продай за грошъ постныхъ яичъ.

Разъ Одоевцы привезли товаръ въ Москву, пришло время обѣда; вотъ вошки послали одного изъ своихъ купить провизію къ обѣду. Молодецъ впервые Москву видитъ. Подходить парень къ лотку съ огурцами и спрашиваетъ: «что это за товаръ?» Москвичъ смекнулъ что это за птица и отвѣчаетъ:—«Постныя яйца». Одоевецъ призарясь на огурцы и слыша, что яйца эти постныя, а дѣло было въ Петровки, началъ торговаться:—«Молодечъ, молодечъ! продай за грошъ постныя яича.»

О С Т А Ш И.

- Волчи объѣдки.
- Ершеѣды.
- Опозорили, опозорили, а чѣмъ-же? Ужъ и не говори.

П Е Н З Я Н Е.

Сура рѣчка у насъ важная, течетъ потихоньку, донышко у нея серебрянное, круты бережки, позолоченные.

ПЕТРОЗАВОДЦЫ.

- Качу лавочку, качу мытный дворъ, качу свой торжокъ.
- Боску съѣли.
- Боска, боска, на тебѣ костку.

П С К О В И Ч И.

- Капустники.
- Небо кольями подпирали.
- Хочу скацу, хочу не скацу.

Когда-то во Псковѣ было долго ненастное время, тучи ходили низко, такъ низко, что православные думали—небо валится на землю. Собрались на мірскую сходку подумать—какъ-бы отбить бѣду. Три дня Псковичи думали, а на

четвертый приладили дѣло: «разобрать городьбы, да кольями подпереть небо.» Разобрали городьбы и стали съ кольями по всѣмъ концамъ города. Наступило ведрушко, прошли тучи. Идетъ посадскій по городу, самъ бороду покручиваетъ, на народъ поглядываетъ, посередъ площади становится, а самъ говорить: «здорово-те православные! Стбыла бѣда; идите по домамъ.»

Будто въ старину, когда просватывали невѣсту, мать дѣлала изъ пояса кругъ посередъ полу, а невѣста становилась на лавку. Отецъ съ матерью оглашали дочери жениха. Дочь должна была отвѣчать:—«Хочу вскоцу, не хочу не вскоцу.» Если она соглашалась, то становилась въ кругъ, а если нѣтъ, то начинала плакать.

П Е Т Е Р Ь У Р Ж Ц Ы.

Питеръ бока вытеръ.

Въ Петербургѣ денегъ много, только даромъ не даютъ.

Питеръ кому мать, кому мачиха.

П О Д О Л Ь Ц Ы.

Нанъ дере съ жида, съ пана юриста, и съ юриста по триста.

Онъ хуже Лютера и Кальвина.

П Е Н Ъ Ж А Н Е.

Покупала по цетыре денецки, продавала по два грошика; барыша куца куцей, а денегъ ни копѣцки.

Одна Пенѣжанская крестьянка пріѣхала когда-то изъ деревни въ городъ Пенѣгу торговать рыбою. Накупила товару, продала весь его, да возвратилась домой. Когда мужъ спрашивалъ у ней, что она дѣлала въ городѣ? жена ему отвѣчала вышеприведенными словами.

ПОШЕХОНЦЫ.

- Слѣпороды.
- Въ трехъ соснахъ заблудились.
- За семь верстѣ комара искали, а комаръ у пошехонца на носу сидѣлъ.
- На сосну лазили Москву смотрѣть.
- Бывало когда Пошехонецъ начнетъ хвалить свою родину, то говорить:— «У насъ боста не быютче, не борютче, а тотъ добрый молодецъ, кто 33 пирога съ пирогомъ съѣстъ.» — Изъ такого порядка счисленія выводили, что они не знали счету далѣе 33-хъ.

О старинныхъ проказахъ Пошехонцевъ у насъ на Руси, была издана особенная книга: «Анекдоты древнихъ Пошехонцевъ» Соч. Василя Березайскаго. СПБ. 1798. Второе изданіе было напечатано въ 1821 году, съ прибавленіемъ словаря. Но это собраніе пошехонскихъ анекдотовъ состоитъ большею частію изъ произвольныхъ вымысловъ, а часть даже переведена съ польскаго.

Р Ж Е В Ц Ы.

- Батьку на кобеля промѣняли.

РОМАНОВЦЫ.

- Схорони концы.
- Барана въ зыбкѣ закачали.

Когда-то въ старину одинъ изъ романовскихъ поселенъ укралъ ягненка. Встасковался хозяинъ по ягненку! нельзя жить безъ него—вѣмъ онъ говорилъ. Наложу руки на себя—кричала его жена. Сжалились православные надъ бѣдняками, ударили въ набатъ. Сошлись міряне на сходку. Вотъ міръ и придумалъ: идти съ повальнымъ обыскомъ по домамъ, а какъ виноватаго найдутъ—такъ безъ пощады въ рѣкѣ утопить. Приходятъ къ вору съ обыскомъ. Романовецъ, прослыша про мірской приговоръ, спеленалъ ягненка, и положилъ въ колыбель. Входятъ міряне. Романовецъ качаетъ барана, будто своего дитя. — «А гдѣ, родимой, ты спряталъ то барана?»—говорили ему старики.—«Вотъ вамъ правая рука! даю чрезъ милое дитя и чтобы ему съ матерью на поторчать»—отвѣчалъ Романовецъ старикамъ.

РОСТОВЦЫ.

- Вислоухіе.
- Лапшеѣды, огородники.
- Озеро соломой зажигали.

— У насъ-ти въ Ростовѣ, чесноку-ти, луку-ти много, а навозъ-ти все конскій.

Вислоухими—старикъ прозвали Ростовцевъ за зимнюю шапку съ длинными ушами, лапшедами—за любимое ихъ кушанье—лапшу.

Когда-то въ Москвѣ понадобилось много рыбы. Послали батраковъ съ наказомъ по городамъ: свозить рыбу въ Москву. Такія прибыльные вѣсти дошли до Ростова. Въ то время на дворѣ стояли крещенскіе морозы. Озера все замерзли. Думаютъ Ростовцы: гдѣ-жъ взять рыбы? Не стать изъ снѣгу валять. Думали день,—не придумали; на другой собрались и порѣшили: снять съ крышъ солому, да соломой и растопить озеро. Сняли солому съ крышъ и привезли на озеро. Ну ребята, говоритъ староста, зажигаю на счастливую!—Запылала солома, что твой Ивановъ день. Озера не растопили, только деревню спалили.

РЯЗАНЦЫ.

- Кособрюхѣ.
- Мѣшкомъ солнышко ловили.
- Блинами острогъ конопатили.
- Макары.

Мужикъ для поговорки шелъ до Москвы.

Когда на походъ Петра I подъ Полтаву жители извѣстнаго села Дѣднова Рязанской губерніи отправили отъ себя старосту съ *отборными крестьянами*, встрѣтить государя хлѣбомъ-солью.

Принявъ усердное приношеніе крестьянъ, государь спросилъ старосту объ его имени, послѣдній отвѣчалъ, что его зовутъ Макаромъ. Государь промолвилъ—*хорошо*, и спросилъ о томъ-же другихъ дѣдновцевъ, тѣ, думая, что имя старосты понравилось царю—все назвались Макарами. Петръ I промолвилъ: Будьте-же вы все Макарами.

Когда то Рязанцы воевали съ Москвичами. Сошлись стѣна съ стѣной, а драться ни кому не хочется. Вотъ Москвичи и догадались: пустить солнышко на Рязанцевъ: «ослѣпить» де они. Тогда и безъ бою одолѣмъ ихъ». Засвѣтило солнышко съ утра, а Москвичи и стали махать шапками на Рязанскую сторону. Ровно въ полдень солнце поворотило свой ликъ на Рязанцевъ. Догадались и Рязанцы: высыпали изъ мѣшковъ толокно, и стали ловить солнышко. Поднимутъ мѣшки вверхъ, наведутъ на солнышко, да и тотчасъ завяжутъ. Поглядятъ въ верхъ, а солнышко все на небѣ стоитъ, какъ вкопанное. Не одобровать намъ, говорили Рязанцы. Попросимъ миру у Москвичей; пускай солнце возьмуть назадъ. Сдумали и сдѣлали.

Когда-то прогнѣвался воевода на Рязанцевъ и грозилъ имъ большой бѣдой. Проходить годъ, проходить два, а воевода все не выдумаетъ большой бѣды. Наступила Масляница. Запировали Рязанцы. Бьетъ воевода въ набатъ; собираются православные на базаръ. Идетъ воевода, не кланяется, а подошедъ къ людямъ молвилъ:—«Вы де и забыли, что острогъ не замнешь? Конопатить скорѣй!»—До того-ли Рязанцамъ было; у всехъ одно на умѣ:—блины.

Вотъ и придумали мужики: всехъ блиновъ непоѣдимъ, поестъ на носу. Законопатимъ острогъ блинами. Сдумали и сдѣлали. Идетъ воевода смотрѣть острогъ. Смотритъ: вездѣ

крѣпко. Давно бы такъ-то, говорилъ воевода Рязанцамъ, слушались меня.

СИБИРЯКИ.

- Сибирь золотое дно.
- Тепло, жарко да масляно, — Сибирякъ любить.
- Чевотники.

СМОЛЪЯНЕ.

— Якой губерніи? — Смоленской. Якого уѣзда! города? — Драгобужска. — Якой волости? — Демьяновской посады. — Якова боярина? — Про то не вѣдамъ.

- Кружники.
- Хоть бейся о Малаховскія ворота.
- Крѣпки какъ Малаховскія ворота.

СЕРПУХОВЦЫ.

— Дядя ѣдетъ отъ Серпухова, бороду гладить, а денегъ нѣтъ.

СОЛИГАЛИЧАНЕ.

- Бревенщики.
- Известняки.

СПАСЦЫ.

- Откуда ты молодецъ?
- Спаской кунецъ. — Чѣмъ торгуешь? — Краснымъ товаромъ: свѣщами и чистымъ дегтемъ.

СТАРОРУССЫ.

— Лошадь съѣли, да въ Новгородъ писали, чтобъ еще прислали.

СУДИСЛАВЦЫ.

- Грибовики.
- Сыроежники.

СОЛЪВЫЧЕГОДЦЫ.

- Языкъ на сговорѣ.

СУЗДАЛЬЦЫ.

- Мазаники.
- Въ Суздаль да Муромъ Богу помолиться, въ Вязникахъ погулять, въ Шуѣ напиться.

СТАРИЧАНЕ.

— Возьми сорокъ алтынъ? — Сороци, не сороци, а меньше рубля не отдамъ.

— Пѣтуха встрѣчали съ хлѣбомъ—солью.

Прослышали Старицане, что въ ихъ городъ Старицу идетъ грозень посолъ. Надо умиловить грознаго посла—говорили старики на мірекой сходкѣ.—«Вы, люди старые придумайте, пригадайте, а мы молодые не прочь отъ васъ». Придумали старики: напечь пироговъ съ яйцами и идти за городъ съ поклономъ на встрѣчу послу. По сказанному, какъ по писанному, все было сдѣлано. Прибѣжали ребята съ поля, повѣдали вѣзмъ: «пришелъ грозень посолъ, стоитъ у города; шуба на выворотъ; самъ низенекъ, а поперекъ его о пяти охватъ, словечка не молвить, а шипитъ только». То не грозень посолъ подходитъ къ Старицѣ, а залетѣлъ Индѣйскій пѣтухъ. Вышли Старицане встрѣчать грозна посла. Встрѣчали по старому, всё безъ шапокъ, а старики говорили пѣтуху:—«Вотъ тебѣ пирогъ и яйца, не погуби нашъ городъ Старицы.

Т В Е Р И Т Я Н Е.

— Ряпучиники.

— Забѣгай, забѣгай!—А что?—Не видишь, что куница бѣжитъ?—Это собака съ Клементьева двора.—Ну, такъ пускай бѣжитъ.

— Новоприведенная дѣвонька.

— Цвякалы, цуканы.

Т А М Б О В Ц Ы.

— Молоканы.

— Хрептуки степные.

Т И Х В И Н Ц Ы.

— Свято то мѣсто, гдѣ Тихвинца вѣтъ.

— Козу на колокольню тащили.

Т О Р О П Ч А Н Е.

Ракъ не рыба, а грекъ не человѣкъ.

— Таботеры.

— Торопчанина обманетъ цыганъ, цыгана—жидъ, жиды—грекъ, а грека—чортъ.

— Цыгану лошадь на лапти промѣнялъ.

Говорятъ старики, что такое Новгородское присловье о торопчанахъ разошлось изъ Новгорода по вѣзмъ городамъ, когда цыганъ вымѣнялъ лошадей на лапти во всемъ Торопцѣ.

Т Р О Й Ч А Н Е.

— Полякъ съ пушками, а мы съ клюшками.

Т У Л Я К И.

— Живетъ въ Тулѣ, да ѣстъ дули.

— Бей челомъ на Тулѣ, ищи на Москвѣ.

— Стальная душа.

— Блоху на цѣпь приковали.

— Бачика присядь, присядь—чижи летятъ.

— Хорошъ заяцъ, да тумакъ, хорошъ малый, да Тулякъ.

Очень, очень давно было, когда Тульскіе оружейники занимались разными проказами, а этого времени, по всеѣмъ распросамъ, никто уже не помнитъ; тогда, говорятъ, сторожины, они любили сидѣть подъ мостомъ и встрѣчать проезжихъ гостей. Въ эти-то времена они заслужили себѣ прозвище:—«Хорошъ малой, да Тулякъ».

Въ старину Тульскіе оружейники бывали большіе охотники до чижей и соловьевъ. Съ начала весны они отправлялись по мѣстамъ ловить пѣвчихъ птицъ. Когда-то отецъ съ сыномъ долго бродилъ по лѣсамъ, безъ всякой удачи. Отецъ влезъ на дерево посмотрѣть, а сынъ разставлялъ тенета и сыпалъ для приманки семячко. Вдругъ полетѣли чижи. Отецъ этого не видалъ. Сынъ кричитъ ему:—«Бачика! присядь, присядь—чижи летятъ». Отецъ все поглядываетъ вдаль. Съ досады и отчаянія потерять чижей, сынъ беретъ дубинку и сталкиваетъ отца съ дерева.

УСОЛЬЦЫ.

— Огуречники.

УГЛИЧАНЕ.

— Небось, небось батька! Вѣдь это не наше.

Было время,—говорятъ старики, котораго давно никто не помнитъ,—ненастное и голодное; въ это-то время собра-

лись Углицкіе мужики, отецъ съ сыномъ, поворовать съ горя. Ночь была темная, а отецъ на бѣду еще былъ и подслѣповатъ. Какъ вышли изъ двора, то и дорога пропала. Пропѣли третьи пѣтухи, и дорога сыскалась, когда уже прошло золотое время. Поди, батько, такъ говорилъ сынъ отцу, ты посмѣлѣй меня. Какъ на бѣду, отецъ, куда не придетъ, вездѣ мерещится ему свой домъ. Сынъ указалъ отцу чужой домъ. Лезетъ старикъ на сыниныхъ плечахъ, и за что не дотронется, все какъ будто свое беретъ, а сынъ ему кричитъ:—«Не бось, небось, батько! Вѣдь это не наше!»

УСТЮЖАНЕ.

— Мазы.

— Черносеребренники.

— Красноязыки.

ФИНЛЯНДЦЫ.

— Упрямъ какъ финнъ.

Въ Швеціи говорятъ объ упорствѣ финляндцевъ: «упрямы, какъ чухны», «залили за шкуру сала», «Выборгскій трескъ».

ХОЛМОГОРЦЫ.

— Заугольники.

— Царя изъ-за угла встрѣчали.

Когда-то Петръ Великій проѣзжалъ въ Архангельскъ, то Холмогорскіе старовѣры изъ страха, боясь приблизиться къ

Государю, смотрѣли на него изъ-за угла. Съ тѣхъ поръ будто сосѣди стали ихъ называть—заугольниками.

ЧУХЛОМЦЫ.

- Рукоуи.
- Чухломскій рукоуи!
- Рукавицы за поясомъ, а другихъ, ищеть.

ШЕНКУРЦЫ.

— Не по одежкѣ протягиваетъ ножки: у него расходъ, какъ въ Кирилловѣ монастырѣ, а приходъ какъ въ рѣпной пустынѣ.

Вышеприведенное присловіе объясняется слѣдующимъ: сколь богатъ былъ Кирилловъ монастырь (въ Новгородской губ.) именовавшійся въ древности *Городомъ*, столь бѣдна была Рѣпная пустынь (Вологодской губ.), упраздненная при состояніи штатовъ.

ШУЯНЕ.

- Бѣса въ солдаты отдавали.
- Въ Питерѣ бывалъ, на полу сыпалъ и тутъ не упалъ.
- Кабы мнѣ крѣпкаго мыльца.

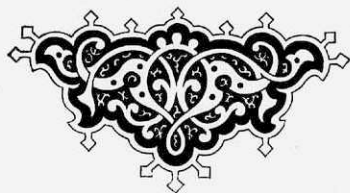
ЮРЬЕВЦЫ.

- Китаешники. Балалаешники.

ЯРОСЛАВЦЫ.

- Красавцы—бѣлотѣлы, пѣсенники.
- Ярославль городокъ—Москвы уголокъ.
- Пудъ мыла извели, а родимаго пятна у сестры не смыли.

НАРОДНЫЯ

повѣрья, примѣты, предсказанія,
предразсудки и обычаи.

Русскія народныя повѣрья, примѣты, предсказанія, предразсудки и обычаи вмѣщаютъ въ себѣ подробности тайныхъ сказаній, передаваемыхъ изъ рода въ родъ русскимъ народомъ. Наши письменные памятники намекаютъ о нихъ, когда наука заставляла указать народу на какія-либо вредныя слѣдствія.

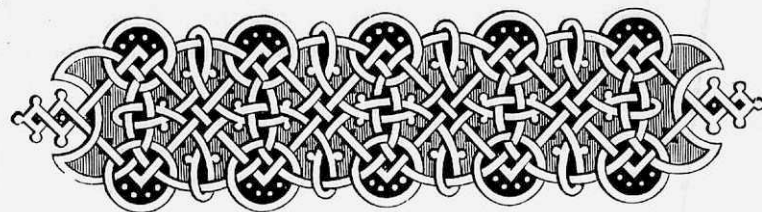
Здѣсь мы представляемъ тѣ изъ наиболѣе интересныхъ преданій, которыя содержатъ въ себѣ различныя сказанія о тайнахъ, доселѣ признаваемаго народомъ нашимъ, мнимаго чернокнижія.

А также помѣщаемъ здѣсь и тѣ многіе случаи изъ обыденной жизни народа, которые, на основаніи многократныхъ опытовъ, признаны мудростію народной за знаменательные, и потому въ понятіяхъ простолюдина сложившіеся въ форму чего-то роковаго, неизбежнаго, и на основаніи такового понятія все подобныя случаи, въ глазахъ народной массы, являются уже не какъ простая случайность или обыкновенное стеченіе обстоятельствъ, а чѣмъ-то въ родѣ фатума, заранѣе предвѣщающаго то или иное поло-

женіе человѣческой судьбы, а иногда и самой жизни человека, и вслѣдствіе такого рѣшающаго значенія, все подобныя случаи начинаютъ играть въ обыденной жизни народа одну изъ важныхъ ролей, которая всегда и вездѣ, въ мало культурныхъ населеніяхъ, сводится къ всему фатальному и таинственному, чего не въ состояніи объяснить себѣ простой человекъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, здѣсь же мы помѣщаемъ и все то, что такъ или иначе имѣетъ связь съ фатальнымъ или таинственнымъ; такъ какъ, подобно случаямъ, въ силу какихъ-либо обстоятельствъ, становящимся въ глазахъ народа примѣтою, — все сказанія, повѣрья и обычаи, имѣютъ основаніемъ своимъ одинъ и тотъ же корень, то-есть—все таинственное и фатальное,—и разъ гдѣ-либо привившись и войдя въ строй народной жизни,—потомъ уже все эти примѣты, повѣрья, сказанія и т. п. какъ устно, такъ и письменно переходятъ изъ рода въ родъ и дѣлаются вѣчной и необходимой принадлежностію простаго русскаго человека.

О народных повѣрьяхъ, примѣ- тахъ и проч.

Всѣ суевѣрныя народныя повѣрья, примѣты, чудесныя секреты, не имѣя основаніемъ своимъ никакихъ уважительныхъ причинъ, протекають отъ младенческаго легковѣрія, отъ односторонняго на всѣ предметы воззрѣнія.

Съ распространеніемъ истиннаго просвѣщенія, основаннаго на твердыхъ понятіяхъ религіи и чистой нравственности, умы людей укрѣпляются, дѣлаются самостоятельными, и не покоряя себя легковѣрію, разсматривають предметы со всѣхъ сторонъ. Почему всего страннѣе кажется, когда и теперь еще встрѣчаемъ людей, имѣющихъ довѣріе къ стариннымъ повѣрьямъ и примѣтамъ.

Заблужденія сіи такъ многоразличны, что даже невозможно собрать всѣхъ бредней, которымъ вѣрять, особенно въ провинціяхъ. Достаточнымъ считаемъ показать здѣсь только тѣ немногія, которыя въ большомъ довѣріи были у многихъ въ старину, а также нѣкоторыя иностранныя для сравненія, что и сіи не прочтѣ нашихъ имѣютъ основаніе. Такъ, напримѣръ:

Древніе имѣли большое довѣріе къ нѣкоторымъ днямъ; отъ нихъ идутъ преданія: что наканунѣ Иванова дня, искать должно кладовъ.

Наканунѣ Нового Года узнаютъ судьбу свою. Для сего льютъ олово, воскъ; льютъ свѣжее яйцо въ стаканъ воды, полютъ свѣтъ, слушаютъ прохожихъ, кадаютъ бабмаки, стелютъ мостъ подъ изголовьемъ и проч.

А.

Аграфенинъ день. — (Аграфена купальница).

Іюня 23 дня церковь празднуетъ память святыя мученицы Агрипины, которая въ простонародіи прозвана Купальницею по слѣдующей причинѣ:

Древніе Славяне признавали идола Купало богомъ плодовъ и праздновали ему 23 и 24-го Іюня. Разложивъ огонь, они плясали передъ нимъ, производили разныя игры и перескакивали черезъ него, часто припѣвая имя Купалово, за это ожидали они въ тотъ годъ изобилія плодовъ и великаго урожая. Слѣды этого языческаго обряда остались во многихъ деревняхъ и между нынѣшними христіанами, а потому Святая Агрипина всеми простолюдинами и называется Купальницею, по производству этого прозванія отъ имени идола Купало.

Къ числу мѣстъ, почитавшихся у древнихъ язычниковъ за святыя, принадлежитъ и находящаяся по Рижской до-

рогѣ, въ десяти верстахъ отъ Санктпетербурга, липа, вѣтви которой, переплетаясь съ отраслями ближайшихъ деревъ, составляютъ какъ бы природную бесѣдку, замѣчательную еще тѣмъ, что Императоръ Петръ Великій неоднократно отдыхалъ подъ ея тѣнью. На этомъ мѣстѣ, наканунѣ Иванова дня, то-есть на Аграфенинъ день, сходятся Ижорки и разложивъ большіе огни, препровождаютъ всю ночь, распѣвая пѣсни, въ которыхъ повторяется имя Купало; потомъ сожигаютъ бѣлаго пѣтуха, начинаютъ плясать, скакать, и вся эта сцена, совершаемая въ ночномъ мракѣ, при заревѣ пылающихъ огней, заключаетъ въ себѣ что-то фантастическое и необыкновенное въ нашемъ христіанскомъ быту.

Антихристъ, — то-есть противникъ Христу.

Раскольники утверждаютъ, что Антихристъ воцарился уже мысленно, въ то самое время, какъ началось въ Москвѣ исправленіе церковныхъ книгъ, что Москва есть Вавилонъ и престолъ Антихристово царства, и что настало уже время пршествія Христова; по этому нѣкоторые, зажигая свѣчу, молятся ночью всегда до пѣнія пѣтуховъ, въ ожиданіи Страшнаго суда и потомъ уже ложатся спать.

Аршина на кровать не класть — покойникъ будетъ.

Амистистъ имѣетъ симпатическую силу удерживать и исцѣлять человѣка, имѣющаго его при себѣ, отъ пьянства и запоя.

Ассо — азіатскій камень, имѣющій силу стѣдать безъ всякой боли дикое мясо и наросты. Онъ собою легокъ, мягокъ и покрытъ мучною пылью.

Б.

Бракъ. — Въ русскомъ простонародіи бракъ сопровождается слѣдующими обрядами:

Наканунѣ вѣчанія призывается въ домъ жениха шести или семилѣтній мальчикъ; онъ укладываетъ въ нарочно-купленный для того ларчикъ разныя вещи, которыя въ этотъ же вечеръ женихъ долженъ отвезти въ подарокъ къ невѣстѣ, а именно: башмаки, опахало, серьги, пряжки, бѣлила, румяны, перчатки и т. п. Въ бытность жениха у невѣсты, онъ садится на мохнатой шубѣ, въ знакъ благополучной, будущей жизни въ супружествѣ. На другой день передъ поѣздомъ въ церковь тотъ-же мальчикъ, или другой, съ невѣстиной стороны, долженъ обуть невѣсту въ новыя башмаки, и продаетъ ей косу за гривну или за рубль, то есть, что дадутъ. Невѣста, въ знакъ ея покорности, обязана разуть жениха, причемъ онъ кладетъ въ правый сапогъ деньги, а въ лѣвый плетъ: когда невѣста приметъ сперва за лѣвую ногу, то женихъ, вынувъ плетъ, ударяетъ невѣсту, а когда за правую, то отдаетъ ей деньги. Новобрачныхъ никогда не кладутъ спать въ жиломъ покоѣ, но въ пустомъ и нетопленномъ, какъ-бы холодно ни было; и нѣкоторые нарочно для этого строятъ покои, но земли на потолокъ не кладутъ. Подъ постелью раскладываютъ ржаные снопы или солому. Если на невѣсту въ церкви, чтобы не испортить головнаго убора, не надѣваютъ вѣнца, а держитъ его какой-нибудь мужчина, то вѣрятъ, что этотъ бракъ будетъ не дѣйстви-

теленъ и что жена непременно будетъ имѣть любовниковъ, потому что она вѣнца не надѣвала, или потому, что вѣнчалось ихъ три вмѣсто двухъ.

На другой день свадьбы, если невѣста, находясь въ дѣвичесествѣ, не сохранила своего цѣломудрія, матери ея подносить стаканъ съ дырою, изъ котораго, когда она возьметъ его въ руку, потечетъ напитокъ, потому что дружка, поднося ей, ототкнетъ скважину, до того времени зажатую его пальцемъ.

У Донскихъ казаковъ женихъ пріѣзжаетъ за своею невѣстою верхомъ на лошади, обвѣшанной колокольчиками, чтобы невѣста могла слышать пріѣздъ его. Эти колокольчики хранятся потомъ или у родителей новобрачныхъ, или у нихъ самихъ для памяти; невѣста не приноситъ за собою никакого приданаго, но женихъ долженъ одѣть ее съ головы до ногъ. У Яицкихъ казаковъ къ сговоренной невѣстѣ, до самой свадьбы, собираются каждый вечеръ ея подружки, поютъ пѣсни, пляшутъ и играютъ съ молодцами. Въ это время, продолжающееся иногда до двадцати недѣль, женихъ можетъ обходиться съ невѣстою почти также, какъ мужъ съ женою. Въ дѣвишникъ онъ долженъ принести ей въ подарокъ вѣнчальное платье и весь женскій уборъ, невѣста-же даритъ ему шапку, сапоги, рубаху и штаны. Послѣ вѣнчанія невѣста ѣдетъ изъ церкви на телѣгѣ, позади сидятъ мать и сваха, у которой на всѣхъ пальцахъ должны быть надѣты кольца; та и другая прикрываютъ невѣсту съ обѣихъ сторонъ, чтобы зрители не могли видѣть ея лица. Передъ телѣгою ѣдетъ женихъ съ отцомъ и дружкой; позади телѣги ѣдутъ провожатые на лошадяхъ верхомъ; одинъ изъ нихъ держитъ, какъ знамя, на длинномъ шестѣ, полосатую плахту, какую черкескія жены обыкновенно надѣваютъ вмѣсто юбки;

эта плахта тѣмъ замѣчательнѣе, что здѣшнія женщины не носятъ ея. Собранныя къ новобрачнымъ гости проводятъ день бракосочетанія въ питьѣ, въ пляскахъ, пѣняхъ, и притомъ по большей части на улицѣ. У этихъ казаковъ былъ прежде такой обычай, что если кто не хотѣлъ долѣе жить съ своею женою, то выводилъ ее на площадь и продалъ.

Вотъ какія обыкновенія при сочетаніи бракомъ у жителей Восточной Сибири, и преимущественно у Камчадаловъ. Когда кто намѣревается жениться, то, высмотрѣвъ себѣ невѣсту обыкновенно въ другомъ, а не въ своемъ острожкѣ, переселяется туда жить, и объявля невѣстину отцу или матери о своемъ желаніи, нѣсколько времени работаетъ у нихъ, стараясь выказать удалство свое и проворство, и услуживая всѣмъ пуще наемнаго работника, а наиболѣе своему будущему тестю, тещѣ и невѣстѣ, потомъ требуетъ позволенія *хватить невѣсту*. Если поступки его не нравятся родителямъ и сродникамъ невѣсты, а также и ей самой, то онъ получаетъ соизволеніе на свою просьбу; въ противномъ случаѣ или вовсе пропадаютъ его услуги, или отпускаютъ его съ нѣкоторымъ награжденіемъ. Иногда случается, что такіе женихи, ничего никому не сказавъ, приходятъ жить въ чужой острожекъ и работаютъ тамъ, хотя всякій, по ихъ услугамъ можетъ догадаться, съ какимъ намѣреніемъ они это дѣлаютъ, однако ихъ о томъ не спрашиваютъ и не говорятъ имъ ни слова, пока они или сами или черезъ другихъ, не объявятъ родителямъ невѣсты о своемъ желаніи.

Получивъ позволеніе хватать невѣсту, женихъ ищетъ такого случая, чтобы гдѣ-нибудь напасть на ней въ малолѣдствѣ, потому что она находится тогда подъ охраненіемъ

всего женскаго пола того острожка, и эти охранительницы ея рѣдко отъ ней всё отлучаются. Сверхъ того, во время хватанья она бываетъ опутана рыболовными сѣтями и обвязана ремнями, такъ что не можетъ поворотиться, и если жениху удастся улупить свою невѣсту въ малолѣтствѣ, то онъ со всѣхъ ногъ бросается къ ней и деретъ на ней платья и сѣти, чтобы коснуться ея груди, потому что въ этомъ заключается весь обрядъ бракосочетанія. Между тѣмъ, какъ сама невѣста, такъ и сопровождающія ея дѣвки и бабы производятъ ужасный крикъ, и хотя она не желала бы, да и не можетъ противиться, но проводницы ея поступаютъ съ женихомъ безъ всякой пощады и милосердія, бьютъ его, таскаютъ за волосы, царапаютъ у него лицо и употребляютъ всѣ уловки, чтобы не дать ему схватить невѣсту. Если жениху посчастливится, и онъ достигнетъ своей цѣли, то самъ отбѣгаетъ прочь отъ невѣсты, а она провозглашаетъ его побѣду умильнымъ или жалобнымъ голосомъ. Въ этомъ состоитъ весь брачный обрядъ; однако эта церемонія тянется иногда цѣлый годъ или больше, и послѣ каждаго хватанья женихъ принужденъ бываетъ поправлять свои силы и заживлять раны. Бывали примѣры, что нѣкоторые, послѣ семилѣтняго хватанья, вмѣсто невѣсты получали увѣчье, будучи сброшены бабами съ балагановъ. Кто схватитъ невѣсту, тотъ въ слѣдующую ночь приходитъ къ ней безпрепятственно; на другой день онъ увозитъ ее въ свой острожекъ, и для празднованія брака возвращается къ невѣстинимъ сродникамъ, но прошествіи нѣкотораго времени.

Женитьба дѣтей у калмыковъ зависитъ единственно отъ воли родителей, но прежде сватовства они приходятъ къ своему гелюню или главному духовному лицу, и объявляютъ ему имя жениха и невѣсты, годъ и число, когда они роди-

лись. Гелюнь справляется въ своемъ сударѣ и объявляетъ соизволеніе *бурхановъ*. Если, по его мнѣнію, предвѣщаніе о свадьбѣ будетъ худое, то бракъ ни подъ какимъ видомъ совершиться не можетъ; тогда отцы дарятъ гелюню столько, что онъ этими подарками можетъ и бурханское соизволеніе переимѣнить въ хорошее предзнаменованіе.

Получивъ отъ гелюня доброе предзнаменованіе, родители договариваются о колымѣ или выкупѣ при свидѣтеляхъ съ обѣихъ сторонъ. Невѣста обыкновенно должна принести въ приданое жениху новую кибитку, нѣсколько всякаго скота, и ясырь, т. е. прислужниковъ и прислужницъ.

Бракъ совершаетъ гелюнь во время новолунія: онъ сперва приводитъ новобрачныхъ къ бурханской присягѣ, во взаимной вѣрности, потомъ выводитъ ихъ изъ кибитки, приказываетъ имъ смотрѣть на солнце и читаетъ свои молитвы, при которыхъ женихъ съ невѣстою кладутъ земные поклоны. По совершеніи молитвъ гелюнь накладываетъ на нихъ руки, и этимъ все оканчивается.

Послѣ этой церемоніи, невѣсту сажаютъ въ кибитку за занавѣсь, а женихъ садится спереди, между тѣмъ родня жениха и невѣсты беретъ сырую овчину и тянетъ ее сколько силы есть; если женихова родня втянетъ въ кибитку невѣстину родню, то невѣстина родня принуждена бываетъ исправлять свадебную попойку, и обратно. При началіи пирушки невѣсту вводятъ въ ея кибитку, гдѣ она веселится съ женскимъ поломъ, при звукахъ музыкальных инструментовъ, состоящихъ изъ волюнокъ и гудковъ. Молодой воспрещается видѣться съ свекромъ и съ старшею мужниною роднею, даже отца своего можетъ она посѣтить не прежде, какъ по прошествіи года; тогда она получаетъ отъ

него назначенную ей долю, какъ-то: верблюдовъ, разныхъ скотъ и проч.

Калмыкамъ, по ихъ вѣрѣ, воспрещено имѣть много женъ, но этотъ законъ не такъ строго соблюдается, чтобъ у кого-либо изъ ихъ знатныхъ людей или начальниковъ не было по двѣ или по три жены; впрочемъ, такіе примѣры рѣдки. Хотя имъ не позволено разводиться съ женою, однако разводныя такого рода у нихъ довольно не рѣдки, особенно у знатныхъ. Если калмыкъ имѣетъ причину быть недоволенъ своею женою, или она сама пожелаетъ развестись съ нимъ, то ему предоставляется право раздѣть ее до нага и прогнать плетью; если же онъ хочетъ разстаться съ нею честнымъ образомъ, то сзываетъ ея родственниковъ къ себѣ на пиръ, даетъ женѣ ослѣдланную лошадь и столько скота, сколько хочетъ или можетъ дать, и съ этими дарами отпускаетъ ее отъ себя.

Древніе Россіане при брачныхъ сочетаніяхъ поступали слѣдующимъ образомъ: передъ поѣздомъ въ церковь, женихъ садился съ невестою рядомъ или на соболи или на какой-нибудь другой мѣхъ; сваха чесала имъ головы, обмакивая гребень въ медъ или въ винъ, которое держалъ нарочный въ ковши. Потомъ осыпали ихъ осыпаломъ, то есть, деньгами или хмѣлемъ. тутъ же зажигали брачныя свѣчи, которыя бѣгали слишкомъ по пуду, смотря по состоянію новобрачныхъ, а для зажигания употребляли особую богоявленскую свѣчку. Въ церковь возили съ собою вино въ стекляницѣ, и когда священникъ давалъ пить жениху и невестѣ, то при последнемъ разѣ женихъ разбивалъ стекляницу съ оставшимся виномъ объ полъ и топталъ бутылку ногою. Брачныя свѣчи скатывали потомъ вмѣстѣ, ставили въ кадку съ

пшеницею и оставляли на цѣлый годъ въ сѣнникѣ, у изголовья постели. Сѣнникъ приготовляли слѣдующимъ образомъ: ставили по вѣмъ четыремъ стѣнамъ иконы, въ головахъ постели, надъ дверьми вѣшали по воздвизательному кресту, по вѣмъ четыремъ угламъ втыкали по стрѣлѣ, на нихъ по соболю или по куницѣ и по калачу, а на лавкахъ по угламъ ставили по оловянному меду. Постелю стлали на двадцать одномъ ржаномъ снопѣ, и когда подавали на столъ последнее кушанье, то есть, жаркое, то дружка, обернувъ блюдо съ жаркимъ, калачемъ и солонкою, относилъ къ постелѣ въ сѣнникъ, куда потомъ отводили и молодыхъ.

Въ дверяхъ у сѣнника отецъ посаженный сдávalъ съ рукъ на руки новобрачную ея мужу, и говорилъ увѣщательную рѣчь о содержаніи супруги на узаконенныхъ порядкахъ. Когда подходили они къ постелѣ, жена тысяцкаго, надѣвъ на себя двѣ шубы — одну какъ должно, а другую наыворотъ, опять осыпала молодыхъ осыпаломъ, т. е., деньгами, хмѣлемъ и зернистымъ хлѣбомъ, и кормила ихъ уже въ постелѣ. По утру приходили тѣ же лица, которыя и наканунѣ участвовали въ свадебномъ обрядѣ, снимали одѣяло съ молодой и свидѣтельствовали ея невинность; потомъ водили молодыхъ въ мыльню, по выходѣ изъ которой кормили ихъ кашею, послѣ чего молодая надѣяла пришедшихъ гостей разными дарами и овощами. Когда молодой, на другой день послѣ брака, бывалъ въ мыльнѣ, тогда теща присылала ему все платье, то есть, такое, въ какомъ изъ мыльни или бани можно дойти до покосѣ.

Во время вѣнчанія, въ церкви подтипали молодымъ подъ ноги камку или другую какую-либо матерію, а сверхъ

ея растилали соболы или куницы, или другую мягкую рухлядь. Впрочемъ, во все время брачнаго торжества, когда молодой бралъ за руку свою молодую, то долженъ былъ вести ее до назначеннаго мѣста, не опуская ее руки, а иначе, какъ говорили, между ними было бы вѣчное несогласіе. У малоросіянъ жениховъ отецъ посылаетъ двухъ сватовъ къ неvěстину отцу и даетъ имъ хлѣбъ. — Если отецъ неvěсты изъявить свое согласіе, то сваты оставляютъ у него хлѣбъ въ залогъ, а на обмѣнъ отъ него берутъ другой, и потомъ назначаютъ день свадьбы. На все время свадьбы избирается изъ дѣвушекъ одна *свѣтила*, которая, сяди въ продолженіи стола въ большомъ углу, держитъ увитую калинными вѣтвями съ ягодами казацкую саблю; на этой саблѣ налѣплена восковая зажженная свѣча—тройчатка. Послѣ вѣчанія, вышедъ изъ церкви, новобрачные расходятся по своимъ домамъ, а пообѣдавъ, женихъ благословляется отъ отца и матери хлѣбомъ и солью и ѣдетъ къ неvěстѣ въ домъ. Посрединѣ неvěстина двора ставится квашня, накрытая скатертью, а на квашнѣ лежитъ хлѣбъ и стоитъ етъянка. Мать неvěсты выходитъ навстрѣчу въ вывороченной шубѣ, сяди на вилахъ или кочергѣ, и держа въ рукахъ горшокъ съ водою и овсомъ, она даритъ его зятю, а онъ выливаетъ изъ него воду на гриву своей лошади, и отдаетъ пустой горшокъ старшему дружкѣ; тотъ бросаетъ его въ сторону—и если горшокъ разобьется, то молодая родитъ сына, а если уцѣлѣетъ, то дочь. Потомъ братъ или сродникъ продаетъ неvěсту, говоря, что она въ пятнадцатилѣтнее пребываніе у нихъ съѣла пять бочекъ бураковъ, то есть, свеклы, три бочки капусты, четыре вола или быка, шесть кабановъ или борововъ, десять овецъ, сто гусей, двѣсти куръ, семьдесятъ пять утокъ, двадцать кулей хлѣба; выпила пять бочекъ пива, двѣ бочки меду,

пять бочекъ горѣлки, то есть, хлѣбнаго вина, за что получаетъ двѣ или три копѣйки. По выѣздѣ изъ дома неvěсты, женихъ стегаетъ ее нѣсколько разъ плетью, приговаривая: —покидай нравы отца и матери и привыкай къ моимъ.

При выѣздѣ въ домъ жениха, въ воротахъ зажигается пучъ соломы, черезъ который все должны переѣхать. Послѣ ужина, неvěста разуваетъ жениха, который бьетъ ее голенищемъ, и она получаетъ лежація у него въ сапогѣ деньги. Если неvěста сохранила свое дѣвство, то все гости идутъ въ домъ ея отца, и съ радости бьютъ у него окна, ломаютъ печи, лавки, столы, стулья и все, что ни попадется подъ руку,—за что отецъ не только не досадуетъ, но еще даритъ ихъ. Потомъ, взявъ неvěстину красную передникъ, по ихнему *затаску*, привязываютъ его на высокой шеѣ и выставляютъ у воротъ на цѣлый день въ знакъ цѣломудрія неvěсты. Отпраздновавши у всехъ, приходятъ опять въ домъ жениха, гдѣ свекоръ, взявши палку, тычетъ ею въ глаза неvěстку и спрашиваетъ у ней: не слѣпа ли она? потомъ подбиваетъ горѣлкою. — Это еще не все: дружка, женихъ и все гости идутъ опять въ домъ неvěсты и приносятъ съ собою курицу, окладенную вѣтвистою калиною и пирогами безъ начинки, называемыми *стульни*. Дружка разрѣзываетъ курицу и даетъ отцу голову и два пирога, тецѣ столько-жъ пироговъ и гузку; а потомъ всемъ гостямъ по куску пирога и курицы. Въ этихъ обрядахъ и пирешкахъ проходитъ цѣлая недѣля, и гости веселятся: идетъ у нихъ разливанное море, не умолкаютъ пѣсни и музыка. Описавъ свадебные обряды нѣкоторыхъ, наиболѣе замѣчательныхъ, обитающихъ въ Россіи племенъ, нельзя не замѣтить, что нигдѣ неvěсту, входящую въ домъ жениха, не поносятъ такъ, какъ въ городѣ Торонцѣ. — Тамъ женихъ

и все его домашние нарочно призывают для этого дѣвушекъ, которыя при входѣ невесты отъ вѣнца въ домъ ея будущаго мужа, стоять на порогѣ и поютъ:

«Намъ чилибы Василисчика во трехъ шубахъ, ажко она беременна, ты несешь ли люлечку, ты ведешь ли нянечку. Оглянись-ко ты назадъ, полюбовники стоятъ, да по грамоткѣ держать.

Баранъ каменный.—Камчадалы, когда желаютъ найдти неизвѣстнаго вора, похитившаго вещи, принадлежащія другому, жгутъ становаыя жилы этого барана, при многочисленномъ собраніи постороннихъ людей и въ присутствіи Шамановъ, потому что по ихъ мнѣнію, какъ сводить огнемъ жилы, такъ точно послѣ того судороги схватываютъ и корчатъ похитителя.

Береза.—Нѣкоторые изъ древнихъ Чудскихъ народовъ обитали въ такихъ мѣстахъ, гдѣ было очень мало лѣсу, а березовыхъ деревъ и вовсе не находилось. Наконецъ увидѣли они не только на стѣняхъ своихъ, но и внутри самихъ жилищъ возрастающія березовыя деревья. Это не свойственное странамъ ихъ, растеніе, покрытое бѣлою корою, привело суевѣрныхъ въ несказанный ужасъ. Они прибѣгли къ гаданію, и волхвы ихъ рассказали имъ, что это предвѣщаетъ завоеваніе ихъ земель бѣлымъ Царемъ, потому что это растеніе переселилось къ нимъ изъ его владѣній. Легкомысленный народъ, повѣривъ этому предсказанію, оставилъ свои города и жилища и перебрался въ другія мѣста.

Благовѣщеніе.—Суевѣрные утверждаютъ, что когда птица проспитъ благовѣщенскую заутреню или въ этотъ день завѣсть гнѣздо, то въ наказаніе отнимаются у ней на нѣсколько времени крылья, и она не можетъ летать, но ходить по землѣ.

Борода.—Раскольники почитаютъ этотъ пучекъ волосъ важнѣе всехъ прочихъ своихъ членовъ и дороже самой головы. По ихъ мнѣнію, они съ бородою составляютъ образъ и подобіе Божіе. Глухцы не размышляютъ о томъ, что Богъ есть Духъ, что плоть наша ни малѣйшаго подобія Его составить не можетъ и что если представляютъ Его въ образѣ человѣческомъ, то это для того только, чтобы Высочайшее Существо было какъ-бы осязательнѣе для нашихъ земныхъ чувствъ. Основываясь на такомъ ложномъ и превратномъ понятіи, раскольники готовы скорѣе лишиться головы, нежели бороды. Въ это заблужденіе ввели они многихъ легковѣрныхъ и въ исторіи Петра Великаго, приказавшаго брить бороды, мы видимъ много забавныхъ, любопытныхъ и даже кровавыхъ сценъ, къ которымъ лишеніе бороды подавало поводъ.

Большой иней, бугры снѣга, глубоко-промерзлая земля, — къ хлѣбородію.

Бѣлыя пятна на ногтяхъ пальцевъ — къ обновкѣ.

Брови свербятъ. — У кого засвербятъ брови, — тотъ будетъ смотрѣть на потныхъ лошадей, то-есть, на пріѣхав-

шаго къ нему издалека гостя, и ему клянутся; или клянутся будетъ за сдѣланное ему какое-нибудь благополучіе.

Браниться въ Егорьевъ день не совѣтуютъ потому по-вѣрью, что того убьетъ громомъ.

Блохи кусаютъ—передъ дождемъ; вши заходятъ—тоже; мухи становятся особенно назойливы—тоже.

Бородавки кто будетъ намазывать по нѣсколько разъ въ день пивными дрожжами, и не вытирая дастъ засохнуть—у того въ короткое время бородавокъ не будетъ.

Булавку давать не должно, чтобы не раздружиться, а ужъ если нельзя обойтись, то сперва уколоть того въ руку, кому давать приходится.

Бросаютъ горсть земли въ могилу, чтобы не бояться покойника.

Большакъ (банникъ)—живетъ исключительно въ банѣ. Ходитъ вечеромъ или ночью въ баню не только страшно, но и опасно, такъ какъ банникъ—духъ не добрый и можетъ принести человѣку смертельный вредъ.

Большуха начинать считать деньги. Посчитавши лѣ-

зетъ на голубецъ, открываетъ трубу и кричитъ тамъ, клича скотину по очереди и каждую по имени. Потомъ беретъ косу и дѣлаетъ видъ, что косить, потомъ серпъ и жнетъ потомъ молотило и молотить (все это въ избѣ, конечно); до прихода народа она еще сходить за вересомъ (т. е. можжевельникомъ—для паренья кринокъ) и, наконецъ, начинаетъ пахтать сметану. Возьметъ соли завернуть ее въ тряпку, обмакнетъ въ дружки и бросить въ печь. Эта «четверговая» соль употребляется отъ зубной боли.

В.

Водяной дѣдушка.—Онъ живетъ въ водѣ, особенно мутной, и возлѣ мельницъ, уноситъ купающихся безъ креста, а больше всего маленькихъ ребятишекъ, въ бездонную пучину, гдѣ воздвигнуты у него великолѣпные хрустальные чертоги, окруженные стадами золотыхъ и серебряныхъ рыбокъ.

Волосы.—Остригая волосы, также и ногти, суетѣрные люди берегутъ ихъ въ особомъ мѣстѣ, и кладутъ съ собою въ гробъ, вѣря, что на томъ свѣтѣ въ каждомъ ихъ волоскѣ потребуютъ отчета.

Воробей водяной.—Эта птичка водится въ Сибири и въ другихъ, прилегающихъ къ ней, мѣстахъ. Она ныряетъ въ самыя глубокія рѣки, собираетъ на днѣ ихъ мелкихъ водяныхъ червячковъ и выходитъ оттуда сухая. Многіе увѣряютъ, что если кровью или жиромъ этой птички, котораго

очень немного набрать можно, намазать человѣческіе члены то они всегда будутъ предохранены отъ мороза. Суевѣры почитаютъ воробьевъ проклятою птицею, вѣря сами и увѣряя другихъ, что они въ то время, когда распинали Христа, опять приносили ко кресту тѣ гвозди, которые ласточки, кравши у римлянъ, уносили. Въ наказаніе за это воробьи имѣютъ на ногахъ оковы, которыхъ люди видѣть не могутъ, и потому птички эти никогда не переступаютъ, а все перепрыгиваютъ.

Воскъ.—Изъ дому своего не должно выносить воску, потому что, какъ увѣряютъ, пчеловодство отъ этого будетъ не прибыльно. Такъ какъ въ простонародьи утверждаютъ, что разбойники заговариваютъ ружья, и никакая пуля въ такомъ случаѣ вредить имъ не можетъ; то, когда пулю облѣпляютъ воскомъ и стрѣляютъ ею, тогда никакой разговоръ на нее не дѣйствуетъ, и разбойникъ непремѣнно будетъ убитъ.

Встрѣча.—Когда покойникъ, женщина, дѣвица, свинья или лысая лошадь попадутся первые на встрѣчу, въ этотъ день успѣха ожидать не должно; если кто встрѣтится съ чѣмъ-нибудь полнымъ, т. е. съ полными ведрами воды или другимъ чѣмъ—это означаетъ успѣхъ въ предпріятіи.

Вороны въ кучу собираются—къ ненастью.

Вороны каркаютъ, стаяй летаютъ—къ ненастью; зимой—къ морозу.

Воронъ когда прилетитъ и сядетъ на кровль дома и будетъ кричать—то знаменуетъ, что непремѣнно въ томъ домѣ умереть кому-нибудь скоро должно.

Волкъ никакого зла не сдѣлаетъ овцамъ и прочей скотинѣ, если пастухъ носить при себѣ имя святаго Василія, написанное на бумажкѣ и привязанное наверху его посоха.

Въ дорогу отъѣзжай—во Вторникъ, либо въ Субботу.

Восприемники какъ другъ къ другу, такъ и къ родителямъ младенца становятся въ родственныя отношенія, называютъ другъ друга кумъ, кума, божать, божатка, крестникъ, крестница. Къ крещенію божатка приготовляетъ крестнику, рубашку, божать—крестикъ, или даетъ денегъ на крестикъ. Родильница иногда получаетъ отъ восприемника ситцевый платокъ. Въ Никольскомъ уѣздѣ въ день крестинъ пекутъ особые пирожки съ овсяной мукой, помазанные сверху масломъ; они зовутся кстинчики. Беременной женщинѣ нельзя воспринимать младенца: или онъ умретъ, или она не доноситъ, а если и доносить, то ея ребенокъ не будетъ жить.

Вступать съ гордымъ въ споръ—все равно, что въ огонь подкладывать дровъ.

Въ старину опоясывали дѣтей ниткой, спряденной невинною дѣвочкой,—для излѣченія отъ глистовъ.

Волденка (волнушка) раньше рыжика стала расти—не жди грибовъ. Если пошелъ крупный прямой дождь—грибы пойдутъ расти. (Грибовый дождь).

Вытрясать скатерть за окно до Вознесенія—Христа ушибешь; плевать за окно—въ него попадешь.

Вода воды ждетъ, т. е. если роса велика, то будетъ дождь.

Въ огонь плевать—пузыри на языкѣ вскочутъ; также если дунуть на свѣчку (а надо загасить её пальцами).

Вихти (стельки) изъ сапогъ нельзя вытрясать на такомъ мѣстѣ, гдѣ ходять: кто перешагнетъ—у того будетъ насмока; отлупить отъ себя насмоку можно обманомъ; придешь къ кому и спросишь: «чего съ озера возишь?» а иной съ-глупа и скажетъ—«осоку» — «такъ вотъ на мою насмоку высморкаешься», и кинь въ него сопли или можно потихоньку намазать сопли на скобу (дверную) сусѣду; кто возьмется за скобу—къ тому перейдетъ вся насмока.

Волосы и ногти хранить—было въ обычаѣ у нѣкоторыхъ суетѣровъ, которые думали, что на томъ свѣтѣ придется за

каждый волосокъ отдавать отчетъ. При расчесываніи оставить прядь волосъ не заплетенною—значить дорога изъ дому.

Воскъ изъ дому выносить самому не должно, такъ какъ это убыль пчеловодству.

Голубь въ окно влетитъ—быть пожару, или кому нибудь умереть; иногда быть вѣстямъ.

Вода, которой обмывали покойника, считается вѣрнымъ средствомъ отъ запоя, но опаснымъ. Даже кормятъ пищей, приготовленной на этой водѣ. По этому случаю разсказывается слѣдующая легенда. Одна женщина, чтобы отучить своего мужа отъ запоя, напоила его водой съ покойника. Вскорѣ онъ попросилъ ѣсть. Она накормила его пищей, приготовленной на той же водѣ. Всю поданную пищу мужикъ съѣлъ съ необыкновенною жадностію, а насытитъ не могъ и сталъ просить еще и еще.... Съѣвши все, что было въ домѣ, онъ принялся грызть свою жену и съ такимъ остервененіемъ, что сосѣди не успѣли сбѣжаться на ея крики, и она была уже загрызена.

Въ Кадниковскомъ уѣздѣ (Нодима) разсказываютъ, что на Новый годъ чертъ выгоняетъ коровъ пастись къ устью какой нибудь рѣчки, и если обойти это мѣсто съ иконой, то чертъ хотя и выскочитъ и коровы разбѣгутся, но двухъ—трехъ всетаки можно успѣть захватить. Коровы эти какія нибудь «хватанныя» или «проклятыя».

Въ Тройчинѣ Кадниковскаго уѣзда есть повѣрье, что кто желаетъ быть невидимымъ, тотъ во время христовской заутрени долженъ придти въ баню и найти тамъ «банника», который въ это время обыкновенно спитъ, снять съ него шапку и бѣжать съ нею, какъ можно скорѣе, въ церковь. Если успѣешь добѣжать до церкви, прежде чѣмъ банникъ проснется, то будешь обладать шапкой—невидимкой, иначе банникъ догонитъ и убьетъ.

Водяной—всегда злобный духъ, и его очень опасаются. Безъ креста никто не рѣшится купаться днемъ, а ночью и съ крестомъ на шеѣ опуститься въ воду въ глубокомъ мѣстѣ представляетъ большой рискъ.

Въ средѣ народа вращается масса рукописныхъ молитвъ, отрывковъ изъ евангелія съ толкованіями, акаѳистовъ и разныхъ сочиненій мистическаго характера. Въ числѣ этихъ рукописныхъ памятниковъ особеннымъ почетомъ пользуется «Сонъ Пресвятой Богородицы», который можно найти чуть не въ каждомъ домѣ. Онъ списывается обыкновенно въ тетрадку величиною въ осьмушку, такъ какъ этотъ форматъ удобнѣе всего для ношенія въ карманѣ или за пазухой. Отправляется-ли крестьянинъ въ дальнее путешествіе, или идетъ изъ деревни по дѣламъ въ городъ, онъ обыкновенно прихватываетъ тетрадку съ собою, если же въ судъ, то сонъ пресвятой Богородицы берется обязательно, «чтобы судьи были милосливы». Сонъ Богородицы кладутъ въ изголовье больнымъ. Думаютъ, что тотъ, кто спитъ «сонъ Богородицы» девять разъ и раздастъ девятерымъ, тотъ будетъ «святъ».

Всякія страшныя и гибельныя явленія природы, какъ выпаденіе града, ливни, бури, грозы, наводненія, считаются—или наказаніемъ, посылаемымъ отъ Бога, или дѣломъ дьявола. Во время грозы, напр., принимаются разные предосторожности, но обыкновенно суевѣрныя. Бѣтъ во время грозы что-либо считается грѣхомъ; всякія занятія оставляются. Подъ крышу втыкаютъ освященные въ Тройцынъ день березки для предотвращенія удара молніи; снимаютъ иконы и ставятъ ихъ на окно лицомъ на улицу; закрываютъ чѣмъ нибудь самоваръ, чтобы молнія его «не увидала»; зажигаютъ передъ образами крещенскія или христовскія свѣчи; выставляютъ на крыльцо желѣзную клюку, потому что молнія ея боится. При пожарѣ, происшедшемъ отъ молніи не позволяютъ кричать, пожаръ заливаютъ прѣснымъ молокомъ, дробинами изъ квасника или кидаютъ въ огонь сырое яйцо.

Во время пожара, происшедшаго отъ другихъ причинъ, затапливаютъ печь въ домѣ сосѣднемъ съ горящимъ, вѣря, что огонь противъ огня утишитъ пожаръ. Также баба, у которой въ это время мѣсячныя очищенія, оббѣгаетъ три раза вокругъ горящаго дома, чтобы дьяволъ не перенесъ огня на сосѣдніе дома. Во время пожара не позволяютъ ни курить, ни пѣть, ни свистать. Свистать вообще считается грѣхомъ, въ особенности въ избѣ, это подраженіе чертямъ. «Засвисталъ, какъ чортъ».

Въ Тройчинѣ, Кадниковскаго уѣзда, въ ночь на Новый годъ всѣ члены семьи берутъ по ложкѣ воды и выносятъ въ холодное мѣсто, а поутру смотреть: у кого вода застыла

съ углубленіемъ, тотъ умереть, у кого ровно или съ бугуркомъ—будетъ жить.

Въ день Симеона Столпника хоронятъ мухъ. Дѣлаютъ изъ рѣпы гробъ, кладутъ въ него муху и закапываютъ въ землю на улицѣ у передняго угла; приговаривая: «муха къ мухѣ идите мухъ хоронить».

Въ крещенскій сочельникъ стелютъ христовскую скатерку, садятся за столъ, ничего не говоря, и наблюдаютъ, чтобы на скатерку не упало крошекъ. Когда отуживаютъ, снимаютъ скатерку и смотрятъ подъ столъ; тамъ иногда находятъ три зерна: ржаное, ячменное и пшеничное. Это признакъ того, что годъ будетъ хлѣбородный. Если нѣтъ, то на оборотъ. Вообще, зерна подъ столомъ находятъ только въ благочестивыхъ семьяхъ.

Въ великій четвергъ, когда большуха проснется, то будить ребятъ и велить имъ кусать пальцы рукъ и ногъ сквозь воротъ своей рубахи, какъ это не трудно,—для того, чтобы не болѣли пальцы. Потомъ беретъ ведро, идетъ на колодезь и, принеся воду, опускаетъ въ нее серебряшку (монету). Этою водой всѣ умываются. Дѣвушки берутъ воду и бѣгутъ на хмѣльникъ «до вороны» (т. е. пока она еще не закаркала) и умываются тутъ, приговаривая: «какъ хмѣль любитъ добрыя люди, такъ бы и меня любилъ».

Вся семья въ этотъ день (т. е. въ великій четвергъ) окуривается, т. е. шагаетъ чрезъ горящій на сковородкѣ можжевельникъ для того, чтобы очиститься отъ грѣховъ и чтобы весь годъ не знать болѣзней.

Въ Вологодскомъ уѣздѣ въ великій четвергъ ходятъ въ лѣсъ кричать для того, чтобы не было хищныхъ звѣрей. Кричатъ: «волки, медвѣди изъ слуха вонъ; зайцы, лисы къ намъ въ огородъ! При этомъ стучать въ сковороды, звонять въ коровьи колокольчики и т. п. Также гребутся пальцами въ золѣ въ печуркѣ для того, чтобы находить утиный гнѣзда (для яицъ).

Г.

Георгіевъ день, 23 Апрѣля.—Въ этотъ день непременно должно выгонять скотину въ поле. Говорятъ, что кто въ этотъ день заводитъ шумъ, то увѣряютъ, что того непременно убьетъ громомъ.

Громъ.—Простолюдины говорятъ, что когда громъ гремитъ, то это Ілія Пророкъ по небу ѣздитъ на огненной колесницѣ и пускаетъ стрѣлы въ прогнѣвавшего Бога дьявола, который тогда старается укрыться, и, обращаясь въ разные виды, особливо въ младенцевъ, проситъ у людей прибѣжища, но ему нигдѣ нѣтъ пощады. Громовая стрѣла, убивъ дьявола, уходитъ въ землю, выходитъ оттуда уже по проше-

ствии трехъ лѣтъ. Она состоитъ изъ кремня. Въ случаѣ колотья ее окачиваютъ водою, которою обливаютъ больного. Простолудины увѣряютъ, что ежели кто часто или всегда ѣсть гнилой хлѣбъ, то будто тотъ грому бояться не будетъ. Услышавъ въ первый разъ громъ, зимою умываются съ серебра, чтобы получить бѣлизну и красоту тѣла, а также и здоровье.

Гусь красный.—Калмыки думаютъ, что въ этой птицѣ живетъ злой духъ, и потому, когда нечаянно увидитъ красного гуся, то клянуть его и отвращаютъ отъ него лицо свое, какъ отъ нечистой птицы.

Глаза свербятъ, или зудъ подъ глазами—значить, что въ тотъ день плакать.

Галки и вороны, сидящія съ крикомъ передъ домомъ, особенно утромъ—къ худу.

Гулъ въ трубѣ—душа покойника пришла.

Гроза—милость Божья въ прямомъ и переносномъ смыслѣ.

Голубь и ласточка—любимыя Богомъ птицы.

Губы зудятъ—къ поцѣлуямъ.

Глупый, всегда громко хохочетъ, а человѣкъ благоразумный—едва тихо улыбается.

Д.

Двойни.—У русскихъ простолудиновъ рождающіеся двойни предзнаменуютъ счастье дому, а у калмыковъ считается это за величайшее несчастье, и вѣрятъ, что одному изъ родившихся непременно должно будетъ умереть. Тоже самое предсказываютъ и о родившемся въ дурную погоду; но его иногда примиряютъ съ бѣсами.

Деньги мѣдныя.—Деньги мѣдныя, видѣнныя во снѣ, означаютъ слезы.

Дидъ или дидо.—Богъ Славянскій, о которомъ часто упоминается въ старинныхъ пѣняхъ. Онъ почитался богомъ, отвращающимъ любовь, такъ какъ братъ его Лель—возбуждающимъ эту страсть.

Додода.—Славянскій зефиръ. Его почитали богомъ, производителемъ тихаго и пріятнаго вѣтра и ясной погоды.

Дождь.—Если кто отправляется въ дорогу и въ то время пойдетъ дождь, то это означаетъ благополучный путь; и вообще дождь, при всякомъ предпріятіи, почитаютъ за счастливое предзнаменованіе.

Доки.—Такъ называются въ деревняхъ люди, которые могутъ отговорить, то есть, отвратить всякое чародѣйство и порчу, но сами никакого чародѣйства производить не въ силахъ.

Домовой.—Суевѣрные люди говорятъ и даже твердо убѣждены въ томъ, что во всякомъ домѣ водится чортъ, подъ именемъ домового: онъ ходитъ въ домъ по ночамъ въ образѣ человѣческомъ, а когда полюбитъ какую скотину, то всячески ее откармливаетъ, а когда не полюбитъ, то скотина похудѣетъ и переведется, что и называется, что она *не ко двору пришла*. Говорятъ, что онъ любимымъ лошадямъ заплетаетъ на гривѣ косы и подкладываетъ сѣно, также и мужикамъ, которыхъ полюбитъ, завиваетъ бороды. Но бѣда лошадямъ, не имѣющимъ счастія пользоваться благоволеніемъ его; у нихъ онъ расплетаетъ и почти выдергиваетъ всю гриву, и какъ будто-бы подбиваетъ ихъ подъ ясли, отчего лошадь поднимаетъ въ конюшнѣ великій стукъ, иногда же находять ее всю въ поту или въ мылѣ.

Когда домовой покажется ночью спящимъ людямъ, то смѣльчаки спрашиваютъ его: къ добру или къ худу? и онъ отвѣчаетъ то или другое, что и сбывается будто бы на самомъ дѣлѣ.

Ежели домовый кого не полюбитъ въ домѣ, то дѣлаетъ ему всякаго рода безпокойства, бросаетъ въ него, что ни встрѣтилось-бы ему подъ руки, однакожъ не попадаетъ, хлопаетъ дверьми, наваливается на спящихъ, такъ, что они ни однимъ членомъ подвинуться не въ состояніи, хотя и сохраняютъ память; и ежели придавленный имъ ощущаетъ его мохнатымъ, то это значить къ добру. Передъ бѣдою онъ воетъ, даже щиплетъ до сини, но боли на томъ мѣстѣ не бываетъ; когда же хозяину умереть, то домовый во всю ночь воетъ.

Вотяки называютъ домового Албасть и Кобольтъ; последнее названіе даютъ ему также и нѣмцы. Онъ живетъ въ пустыхъ домахъ, въ деревняхъ, и шалитъ не только тамъ, но даже и въ баняхъ; по этому суевѣрные деревенскіе жители сожигаютъ свои ветхія избы и другія строенія.

Дорога.—Выѣзжать на дорогу въ Понедѣльникъ не должно, потому что, какъ увѣряютъ она благополучна быть не можетъ, также не предвѣщаетъ добра, когда перебѣжить черезъ дорогу заяцъ или другое животное. Если разстаются съ кѣмъ нибудь и желаютъ опять скорѣе съ нимъ увидѣться, то должно, при послѣднемъ съ нимъ прощаніи, на возвратномъ пути домой, оглянуться назадъ.

Дѣтей отнимать (отъ груди) въ такой день, когда нѣтъ Св. мученика.

Дождю на «радонницу» (вторник, на Өоминой) не обра-
дуются.

Чтобы дѣти мужескаго пола не были трусливы,—на-
добно тотчасъ по рожденію ихъ, дать имъ въ руку шпагу.

Дворовая птица ошипывается—къ ненастью.

День Благовѣщенія—суевѣры увѣрены, что въ этотъ день
птица гнѣзда не вьетъ, а если завьетъ, то у нея отни-
мутся крылья и она будетъ въ силахъ только ходить; а
между тѣмъ, если въ этотъ день воръ что либо украдетъ,
то ему будутъ на весь годъ—удачи.

Для облегченія родовъ, бабка разстегиваетъ воротъ ру-
бахи—своей и родильницы, расплетаетъ у нея косу, выни-
маетъ серги изъ ушей, при родовыхъ мукахъ велитъ зажечь
вѣнчальные свѣчи, окачиваетъ водой обручальные кольца и
этой водой поить родильницу; мужъ же идетъ къ попу и
проситъ отворить царскія двери въ церкви.

Думаютъ, что если бросить на улицу тряпку, которой
перевязывался больной, то тотъ, кто ступитъ на нее, не-
премѣнно заразится.

Для облегченія смертной агоніи стараются говорить тихо
и не шумѣть, а больного закрываютъ чѣмъ нибудь бѣлымъ.—

Пока больной не умеръ никто не смѣетъ «ревѣть» (т. е.
голосить). Матери плакать объ дѣтяхъ грѣхъ, потому что
«который младенецъ померъ, то это Богу свѣчка ушла».
Ребенокъ до семилѣтняго возраста пойдетъ непремѣнно въ
рай, а младенецъ двухъ или трехъ лѣтъ можетъ даже «по-
ступитъ въ ангелы».—Если умеръ больной, то и рукъ не
надо, а если маленькій, то *тамъ* съ нимъ водятся.—«Роди-
тели не должны плакать по дѣтѣмъ, отъ этого они (дѣти)
уходятъ глубже, а если не плачутъ, то возносятся». Но по
родителяхъ слѣдуетъ плакать.

Е.

Если женщина беременна мальчикомъ, это признается
изъ того, когда она чувствуетъ, что плодъ у нее лежитъ
больше въ правой сторонѣ; она съ удовольствіемъ ку-
шаетъ дичь и даже суровую нишу, и сидя протягиваетъ
правую ногу. Но когда дѣвочкой,—то плодъ у нее лежитъ
въ лѣвой сторонѣ живота; она съ удовольствіемъ слушаетъ
музыку и смотритъ на танцы и сидя протягиваетъ лѣвую
ногу. (Старинныя женскія простонародныя замѣчанія).

Если съ утра дождь—до полдня дождь, съ полдня дождь—
весь день дождь. Если солнце закатывается безоблачно—
день будетъ на завтра ясный. Если въ тучѣ дождевой кру-
тая радуга—къ ведру, полагая къ сильному продолжитель-
ному дождю. Пузыри на лужахъ послѣ дождя—къ пущему
дождю; или бабочки выскакиваютъ—тоже къ сильному до-

жду. Куры, вороны, галки ошпыиваются—къ дождю. Куры и воробьи купаются въ пыли—передъ дождемъ. Кошка свертывается клубкомъ—передъ ненастьемъ. Камни отпачиваютъ передъ дождемъ.

Если поперекъ дороги перебѣжить заяцъ—ждетъ полная неудача, даже лучше воротиться; тоже дурной признакъ—встрѣтить попа, дѣвку или кошку, а собаку или нищаго—хорошій; если у нищаго полная корзина—еще лучше.

Если кто будетъ съѣдать каждый день по яйцу или по яву, свареннымъ въ сметку и приправленнымъ горчицею и будетъ продолжать это мѣсяца два, тотъ никогда не будетъ имѣть ни геммороя, ни гемородальныхъ припадковъ.

Если во время метенія пола обмести ноги парня,—то его не будутъ любить дѣвки, или ему не найти невѣсты: невѣста будетъ обѣзжать.

Если не мытыми руками брать хлѣбъ—будутъ изжоги.

Если обтирать руки объ скатерть, то на пальцахъ будутъ заусѣнцы, или сойдетъ съ ладони кожа.

Если народится много жеребятъ—травы будутъ худы и зимою сѣно будетъ дорого.

Если во время святокъ погода стоитъ пасмурная, снѣжная, то и во время сѣнокоса—будетъ дождливая, сырая и хлѣба худы и—наоборотъ

Если лѣтомъ парить въ воздухѣ, какъ въ банѣ (особенно послѣ дождя)—передъ грозой. Ворона ходитъ разинувъ ротъ и усиленно каркаетъ—тоже. Зарница хлѣбъ зоритъ т. е.—онъ высыпѣваетъ

Если весна холодная—осень будетъ теплая, потому и поговорка: «сѣешь въ шубѣ, жнешь въ рубахѣ». Весна дождливая и протяжная—осень такая же и—наоборотъ.

Если ночь на Рождество звѣздная, такая-же на Новый годъ и на Крещеніе—то лѣтомъ будетъ много ягодъ и грибовъ.

Если кто сидя къ нему (къ мѣсяцу) спиною играетъ въ карты—то непременно проиграетъ.

Если кто перешагнетъ черезъ дитя, играющаго или ползающаго на полу—то дитя худо роста будетъ.

Если голубъ влетитъ въ растворенное окно въ комнату, вѣрять, что это предвѣщаетъ: или конецъ жизни кому нибудь въ домѣ, или пожаръ.

Если хворый ложится на бокъ лицомъ къ стѣнѣ—умреть.

Если къ дому, гдѣ лежитъ больной, бабы проторять дорогу—то ему умереть.

Если при соборованіи, свѣчи упадутъ камлемъ къ порогу—то больной умреть.

Если крошки изо рта валятся—къ смерти.

Если сонный отпыхиваетъ—то умереть.

Если ожидаютъ къ умирающему священника съ дарами, то кладутъ на столъ ножъ, для острастки смерти.

Если бѣлаго голубя бросить на пожаръ—погаснетъ.

Если пчелы во время суровой погоды въ ульяхъ находятся въ сильномъ движеніи и сильно жужжать,—предвѣщаетъ хорошую погоду.

Если мѣсяцъ очень чистъ и крутые имѣетъ рога, то будетъ хорошая погода, а если имѣетъ великіе и темноватые рога—то надобно ждать дождя.

Если снѣгъ идетъ мелко и рѣдко, то должно ожидать большой и долговременной стужи; когда-же идетъ густой снѣгъ и хлопьями, тогда будетъ теплая погода.

Если въ день именинъ неудачно испекутся пироги,—то именинникъ умретъ въ томъ же году.

Если упадетъ со стола ножъ—къ гостю, а ложка—къ гостѣ.

Если скатерть накрыта лѣвой стороною къ верху—ѣсть не набѣться.

Если послѣ метенія пола остались отъ вѣника листья, это признакъ того, что будутъ гости.

Если дѣвушка не чисто вымела полъ,—у нея будетъ «корявый» мужъ.

Если солнце съ красною зарею заходитъ, то слѣдующій день будетъ ясный.

Если солнце восходитъ съ свѣтлою зарею, то день, также будетъ ясный.

Если солнце восходитъ въ туманѣ,—то бываетъ дождь.

Если каша въ печи выплываетъ изъ горшка—то случится что-нибудь неприятое.

Ежели кто, выходя изъ дому и затворяя за собою дверь, самъ, или кто другой, прищемить или прихлопнуть оними полу или подолъ платья, то сіе значить, что быть назади, то есть, опять возвратиться въ тотъ домъ.

Ежели кто, плюя, попадаетъ къ себѣ ненарочно на платье, то оное значить, что имѣть ему неотмѣнно въ скоромъ времени обнову, или терпѣть напраслину.

Ежели кто за столомъ, положивши первый кусокъ въ ротъ или пивъ первую рюмку, — поперхнется, — то сіе значить, что кто-нибудь спѣшить къ нему обѣдать.

Если кто, неся къ печкѣ дрова, выронить полѣно—быть гостямъ.

Если горячая головешка вываливается изъ печки—быть гостямъ.

Если воронъ сядетъ на крышу дома,—то будетъ покойникъ.

Ежели кто одѣвшись застегнетъ пуговицы не по по-

рядку, то вѣрять, что въ тотъ-же день быть ему пьяну или битому.

Ежели нечаянно просыплется на столъ соль, то въ тотъ день непременно въ этомъ домѣ будетъ ссора.

Если кто за столомъ принужденъ будетъ подать другому соль, тотъ долженъ въ эту-же секунду засмѣяться или улыбнуться, или бросить въ солонку кусочекъ хлѣба и сказать:—«хлѣбъ съ солью не бранятся», а иначе послѣдуетъ ссора.

Если гуси и лебеди отлетаютъ рано—быть скорой и прочной зимѣ.

Если въ день 40 мучениковъ—морозное утро, то весной будетъ еще 40 утренниковъ.

Если въ Благовѣщеніе день ясный,—то все лѣто будетъ красное.

Если найти камень съ дырой и повѣсить въ курятникъ, то куры будутъ цѣлы.

Если первый громъ съ полудня (съ юга),—то грозное лѣто будетъ.

Если повѣсить убитую и засушеную сороку тамъ, гдѣ много водится мышей, отъ сего въ короткое время мыши всё выведутся.

Если положить нѣсколько пучковъ сушеныхъ цвѣтовъ черныбыльника и тысячелѣтника въ такія мѣста, гдѣ много водится таракановъ и пруссаковъ, то въ короткое время не будетъ ихъ.

Если кто будетъ каждую субботу сжигать въ печи вѣ-
никъ, которымъ въ продолженіи цѣлой недѣли мели полъ тамъ, гдѣ много водится клоповъ, утверждаютъ, что въ короткое время не будетъ тамъ ни одного клопа.

Если кто изъ охотниковъ до употребленія рѣдки или рѣдски, будетъ рѣзать её съ низу, а не съ верху, ножикомъ, начиная съ ростка, то хотя и много ее употребить, отрыжки рѣдечной не будетъ.

Если мыши проѣдятъ гдѣ-нибудь бѣлье,—тому должно опасаться неприятностей.

Если ребенокъ не по лѣтамъ уменъ или очень рѣзвъ, то думаютъ, что онъ недолговѣченъ. Широкое темя у ребенка означаетъ, что онъ живучъ, а острое—признакъ недолговѣчности. Большихъ размѣровъ голова вообще служить признакомъ большого ума, хотя и замѣчаютъ, что не всегда большоголовые — умны. «Лобъ широкъ, да въ головѣ-то мохъ».

Если въ деревнѣ появилась горячка, то обыкновенно изъ того дома, гдѣ есть больные, не позволяютъ выходить никому и другихъ туда не пускаютъ, такъ что остающіеся здоровыми люди чуть что не должны умирать голодною смертію. Если же въ домѣ слегли всё, то положеніе этихъ несчастныхъ становится по истинѣ ужаснымъ. Причиною горячки, какъ и вообще всѣхъ острыхъ заразительныхъ болѣзней, признается: наказаніе Божіе или «злое повѣ-
терье».

Есть примѣта, что если умершій смотреть, то скоро будетъ въ домѣ еще покойникъ. Если умерли двое въ одинъ годъ, то не миновать и третьяго. Думаютъ, что покойникъ все слышитъ, пока ему не бросятъ на глаза земли.—Если на покойникъ былъ металлическій шейный крестъ, его снимаютъ и надѣваютъ кипарисный, потому что Спаситель былъ распятъ на кипарисномъ крестѣ.

Ж.

Жена, заставившая гнѣвливаго мужа своего носить при себѣ кусочекъ оленьяго рога, будетъ имѣть удовольствіе видѣть его постоянно въ добромъ съ собою согласіи.

З.

Золотая баба.—Богиня нѣкоторыхъ славянъ. Храмъ ея стоялъ при рѣкѣ Обиго. Въ рукахъ держала она младенца, называвшагося ея внукою; возлѣ истукана лежало множество музыкальныхъ орудій, отъ которыхъ въ храмъ повсѣминутно происходилъ шумъ. Она почиталась пророчицею и давала отвѣты. Никто не смѣлъ пройти мимо богини, не принеся ей какой-нибудь жертвы, а ежели ничего не имѣлъ, то вырывалъ у себя волосъ, подносилъ его къ Золотой Бабѣ, кланяясь въ землю, и этимъ думалъ ее умилостивить.

Зубы.—Когда у дѣтей падаютъ зубы, то велятъ ребенку стать къ запечкѣ задомъ и бросить зубъ за печку, съ слѣдующею приговоркою: *мышка, мышка, на тебѣ зубъ рѣпной, а ты дай мнѣ* костяной, вѣря, что отъ того зубы растутъ скорѣе и безъ всякой боли.

Закладывая избу, кладутъ подъ уголь деньги для богатства, шерсть—для тепла, ладонь—для святости.

Заговѣнье.—Суевѣрныя женщины въ заговѣнье не шьютъ и вѣрятъ, что отъ этого непременно сдѣлаются заусѣнцы или погтобда неизлѣчимая.

Забывать гробовую крышку въ томъ домѣ, откуда вынесли покойника, значитъ—быть въ томъ домѣ другому покойнику въ скоромъ времени.

Звукъ церковнаго колокола въ вечернее время бываетъ ясенѣе или слышнѣе передъ хорошей погодой. Если въ лѣтнее время вечеромъ крикнуть въ полѣ и происходить эхото слѣдующій день будетъ хорошій.

И.

Изурочить.—Кто кому вдругъ подивится, или скажетъ: слава Богу, здоровенекъ! и тотъ похудѣетъ или занеможетъ, про того говорятъ, что онъ изурочилъ, что у него слово худо, а если кто поглядитъ только, и отъ того человѣкъ или скотина захвораетъ, про того говорятъ, что онъ сглазилъ, что глазъ у него не хорошъ, дурень, изурочилъ.

Икать.—Если кто икаетъ легко, то вѣрятъ, что его въ это время кто-нибудь поминаетъ, а если тяжело, то его бранятъ.

Икнулось—по добру-ли вспомнулось?

Икать тяжело—быть обругану, легко—помянулъ кто-нибудь.

Икона упадетъ—къ покойнику.

К.

Каша.—Когда варившаяся въ печи каша выйдетъ на поверхность горшка и эта выпуклость будетъ имѣть наклоненіе въ задъ печи, то это предзнаменуетъ счастье и изобиліе, а когда будетъ обращено къ устью печи, то предвѣщаетъ хозяину разореніе дома и бѣдность.

Кладъ.—Когда въ ночное время или днемъ покажется теплющаяся свѣчка или какое-нибудь животное, однимъ словомъ, что бы ни было, то должно по этому животному или по этой вещи тихонько ударить, сказавъ: *аминь, аминь, разсытись*, и тогда представившееся явленіе обратится котломъ или кубышкой съ деньгами. Это называется кладомъ. Котлы обыкновенно находятъ по явленію какого-нибудь животного на полѣ, въ лѣсу или въ саду и такая экспедиція бываетъ опасна и сопряжена со многими страшными представленіями, ибо въ то время, какъ вынимаютъ котелъ, выбѣгаютъ изъ лѣсу черти и кричатъ: рѣжь, бей, губи! При такомъ случаѣ берутъ всегда въ помощь колдуна.

Клады зарываютъ въ землю такіе-же суевѣры и не объявляютъ объ нихъ даже при самой своей смерти. Они думаютъ, что и на томъ свѣтѣ могутъ пользоваться тѣмъ имѣніемъ, которое при жизни утаили отъ другихъ.

Кликуши.—По народному суевѣрію кликушами бываютъ испорченныя женщины, которыя, приходя какъ-бы въ неистовство, говорятъ всякій вздоръ, по временамъ кричатъ

голосами разныхъ животныхъ и выкликаютъ имя того, кто ихъ испортилъ.

Колоча трава.—Когда дымомъ этой травы окурить ружье, то никакой колдунъ заговорить не можетъ.

Кукушка.—Эта птица почитается суевѣрными людьми за предсказательницу. Сколько разъ она прокричитъ, столько лѣтъ и остается жить тому человѣку, которому она кукуетъ!

Кусокъ хлѣба.—Ежели кто, обѣдая или ужиная, отломить кусокъ хлѣба, недоѣстъ его и, забывшись, отломить другой, то это означаетъ, что кто-нибудь изъ родныхъ его терпитъ голодъ.

Когда отправляются куда-нибудь въ путь, нехорошо, если печь открыта, если печь въ это время топится, то ставятъ въ устье лучинку, какъ-бы закрывая её.

Кто въ дождь выйдетъ—предвѣстье благополучной дороги, какъ и во всякомъ предпріятіи.

Кто божится напрасно, въ шутку или безъ нужды, или во лжи, а также, кто имѣетъ привычку сквернословиться—того, рано или поздно, постигнуть несчастья.

Кто огорчает отца своего и мать свою,—того непременно постигнуть несчастья.

Когда встрѣтившій тебя на дорогѣ спросить:—куда ты идешь?—Надобно воротиться домой, иначе случится какаянибудь неудача.

Кто призывает нищаго, тотъ никогда не будетъ богатъ.

Когда журавли высоко, тихо, безъ крика и правильно летятъ, то навѣрное можно ожидать ясной и сухой погоды.

Кто часто и много смѣется, тотъ не безъ глупости, и не можетъ ничего смолчать.

Кто очень мало смѣется, тотъ остроуменъ и трудолюбивъ.

Кто плюнетъ на платье нечаянно—къ обновѣ.

Курица на одной ногѣ стоитъ—къ стужѣ.

Когда каша варится въ печи и выйдетъ на поверхность горшка и сія выпуклость имѣть будетъ наклоненіе въ задъ печи, сіе знаменуетъ: счастье и изобиліе, а когда въ устьѣ печи, то предвѣщаетъ—раззореніе дома и бѣдность хозяину.

Кошка моется лапою,—то предвѣщаетъ хозяину въ тотъ день гостя.

Когда кошка спитъ подвернувши рыло подъ брюхо, то предвѣщаетъ: лѣтомъ—непогоду, а зимою—морозъ.

Кровь кому во снѣ пригрезится, то значить, что имѣть свиданіе съ кровнымъ, то-есть — родственникомъ, который пріѣдетъ издалака.

Кусокъ хлѣба, ежели кто обѣдая или ужиная, отломивъ, будетъ ѣсть и, не доѣвъ его, забывшись, оставитъ и, отломитъ другой, то сіе знаменуетъ, что кто-нибудь изъ родныхъ его терпитъ голодь.

Когда собака завоетъ, то увѣряютъ, что быть тому дому худо, а ежели на кого собака потянется, то предвѣщаетъ ему обнову.

Когда отъ горъ и лѣсовъ послѣ тумана выходятъ пары,—то будетъ ненастье.

Красные облака, при восхожденіи и закатѣ солнца, бывающіе, предвѣщаютъ дождь.

Когда умершему нѣютъ саванъ, то должно шить его

рѣдко, что называется «на живую нитку» и иглою не къ себѣ, но отъ себя, ибо вѣрять, что въ противномъ случаѣ, весь тотъ домъ — вымреть.

Когда услышишь въ первый разъ кукованіе кукушки, то будешь богатъ весь годъ, если въ то время была въ карманѣ хоть какая нибудь монета; если слышишь кукушку вправо отъ себя — жить благополучно и богато, а влѣво — то несчастливо, а если въ сѣчь (въ лицо) — то много лѣтъ здравствовать, а если въ задъ (позади себя) — то скоро умрешь. Когда кукушка кукуетъ, загадываютъ: сколько разъ она крикнетъ, столько лѣтъ проживешь.

Когда вынимаютъ пироги изъ печи и пирогъ перевернется — къ прибылому.

Когда человѣкъ выходитъ изъ избы и его колонуть по спинѣ рукой, хотя бы и нечаянно — счастья ему не будетъ.

Если береза передъ ольхой листь распуститъ, то лѣто будетъ сухое; если ольха напередъ — мокрое лѣто будетъ.

Если грибовно, — такъ и хлѣбовно.

Кто носить въ кошелѣ орѣхъ двойчатку — богатъ будетъ.

Кто при первой ласточкѣ умоется молокомъ — бѣлъ будетъ.

Если дѣти не живутъ — бери перваго встрѣчнаго въ кумовья.

Кто обрѣзываетъ ногти во вторникъ и четвергъ, — тотъ получаетъ заусѣнцы на пальцахъ.

Когда въ лѣвомъ ухѣ звонитъ, тогда наши друзья вспоминаютъ насъ, а если въ правомъ, то — непріатели.

Кто нечаянно завидитъ свѣтъ въ своемъ домѣ — жди счастья.

Кирпичъ выпалъ изъ печки — къ худу.

Каша изъ горшка вылѣзаетъ изъ печи — къ худу, въ печи — къ добру.

Кукушка кукуетъ на сухомъ деревѣ — къ морозу.

Если собака ночью воеетъ, то перевернуть подъ головами подушку и сказать: «на свою голову» и она замолчитъ.

Когда собака крохъ не ѣсть послѣ больного, то онъ скоро умереть.

Конь воина обнюхиваетъ—убитымъ быть.

Кто вербу посадить,—самъ на себя заступъ готовить (умреть, когда изъ вербы можно будетъ вытесать лопату).

Кто умереть на пасху—яичко въ руку.

Комъ могильной земли къ сердцу—скорбь отляжетъ.

Кто обмиралъ и былъ на томъ свѣтѣ, тому подъ большимъ страхомъ запрещено говорить три слова, неизвѣстно какихъ.

Кто плѣсневый хлѣбъ ѣсть,—хорошо плавать будетъ и не станетъ бояться грозы.

Какъ осина задрожитъ,—такъ и скотъ въ полѣ сытъ.

Крикъ филина по близости селенія—къ большой бѣдѣ, къ пожару.

Крикъ вороны на кровлѣ предвѣщаетъ въ тотъ день—снѣгъ или дождь.

Кто вставая утромъ надѣваетъ сапогъ или башмакъ на лѣвую ногу, у того никогда не будутъ болѣть зубы.

Курица пѣтухомъ поетъ—не къ добру; тогда суевѣрные хозяева свертываютъ ей голову и бросаютъ чрезъ порогъ, приговаривая: «на свою голову, не пой курица пѣтухомъ». Отсюда даже возникла пословица: «Не пой курица пѣтухомъ, не бранись баба съ мужикомъ».

Кому вынется—тому сбудется, хорошему не минуется.

Кто ворожить, на того головою наложить.

Конь ко двору пришелся,—сусѣдко коלטунъ сколтунилъ.

Куры дерутся—къ гостямъ.

Кошка моется,—гостей зазываетъ.

Кто при первомъ соловкѣ скинетъ рубаху—того блохи не будутъ кусать.

Куры кричатъ на насѣсти—къ домашней ссорѣ.

Кто идучи домой споткнется—у того дома ссора.

Когда одинъ хлѣбъ вынуть раньше прочихъ и разрѣ-
жуть,—то всѣ хлѣбы испортятся.

Когда хлѣбъ печется, не мети избы—спорыню выметешь.

Кузнечикъ куегъ: когда онъ заберется въ покои и бу-
детъ трещать, то это значить по народному повѣрью—вы-
живаегъ хозяевъ изъ дому.

Кто разорить гнѣздо ласточки,—у того веснушки будутъ.

Когда ты бабушка ворожить стала, то тогда хлѣба не
стало.

Кто бѣлъ горючъ камень-Алатырь изложеть,—тотъ мой
заговоръ переможетъ.

Кудью да Кудеью волости—не изойдешь.

Коли дѣдушка не перезывать съ собою въ новую избу,
то станетъ прокудить.

Коли домовой душить, то спрашивай: «къ добру, аль
къ худу»?—замѣсть отвѣта станетъ легко, или тяжело.

Каравай хлѣба начинай рѣзать съ головы (съ края, ко-
торый нѣсколько повыдался).

Кто сидеть ѣсть, не закрывъ книгу—заѣсть память.

Кто спать съ кошкой, у того лягушки въ головѣ за-
водятся.

Кто родится въ новолуніе—живучъ, долголѣченъ.

Кумъ дарить крестъ, кума—ризки, (или на крестикъ
на ризки).

Когда еобака перебѣжитъ дорогу, то бѣды нѣтъ, но и
большаго успѣха въ лѣсу не будетъ.

Когда тѣло зарюютъ, провожавшіе покойника садятся на
могилу, ѣдятъ и пьютъ водку. Затѣмъ, уходя, берутъ съ
собою земли съ могилы, чтобы не бояться покойника. Вер-
нувшись, открываютъ заслонку и смотрятъ въ печь, а землю
кладутъ въ рукомойникъ и водою съ этой земли умываются.

Въ Кадниковѣ, для того, чтобы не бояться покойника, когда гробъ опущенъ въ могилу, на него кидаютъ платокъ.

Кому случается проходить мимо кладбища, гдѣ лежатъ его родные, тотъ останавливается и кланяется трижды. Послѣ каждой церковной службы считаютъ долгомъ «привернуть» къ покойнику на могилу и поклониться ему.

Кикимора—духъ, имѣющій видъ дѣвушки въ бѣлой рубашкѣ или въ другой какой одеждѣ; она живетъ въ гумнахъ до святокъ, а послѣ святокъ куда-то уходитъ. Видѣть ее случается очень рѣдко.

Крещение въ Кадниковскомъ уѣздѣ зовется «водокрещеніе». Въ этотъ день крестятъ рукой или ножомъ по воздуху окна и двери въ избѣ, а также ставятъ кресты мѣломъ, краской или углемъ. Это дѣлается во избѣжаніе того, чтобы не вошли кикиморы и нечистые духи, такъ какъ тѣ и другіе во время освященія воды кидаются всюду.

Л.

Лошадь.—Когда лошадь въ дорогѣ распряжется, то думаютъ, что въ домѣ кто-нибудь сдѣлался нездоровъ, а по большей части предполагаютъ, что жена измѣнила мужу.

Лучина.—По народному суевѣрному вѣрованію, ежели кто имѣетъ привычку бить домашнихъ своихъ лучиною, то

весь его домъ будетъ нездоровъ и всеъ иссохнутъ, какъ лучина.

Лѣшій.—Суевѣрные люди увѣряютъ, что лѣшіе бываютъ мужскаго и женскаго пола и представляются то въ маломъ видѣ, то въ огромной величинѣ. Ходя между травой, становятся наравнѣ съ нею, а бѣгая по лѣсамъ, принимаютъ ростъ выше столѣтнихъ деревьевъ; кричатъ ужаснымъ голосомъ, хлещутъ въ ладоши и откликаются, когда зовутъ; обходятъ кругомъ ходящихъ по лѣсу людей,—черезъ что затмѣваютъ ихъ память, принуждаютъ блуждать до ночи, а потомъ уносятъ въ свои жилища.

Лѣшіе вѣшаютъ въ лѣсахъ по деревьямъ, у поселянъ, работающих въ лѣсу, выпрашиваютъ кусокъ пирога или хлѣба, и взявши отходятъ и кричатъ: *шелъ да нашелъ*; крикъ этотъ сопровождается громкимъ хохотомъ. Лѣшіе уносятъ также маленькихъ дѣтей въ свои подземныя жилища и тамъ содержать ихъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ эти похищенные дѣти освобождаются посредствомъ пѣнія за нихъ молебновъ, если только они, бывши у лѣшнихъ въ гостяхъ, ничего не ѣли.

Лѣшіе всеъ косматые и большіе охотники до женскаго пола. Уносимые ими дѣти бываютъ по возвращеніи дики и насилу привыкаютъ говорить и съ людьми обращаться. Лѣшіе сами выносятъ ихъ на то мѣсто, откуда взяли.

Ежели лѣшій въ лѣсу обойдетъ человѣка, и тотъ потеряетъ дорогу, то долженъ все, находящееся на немъ платье выверотить и надѣть на изнанку. Тогда пройдетъ сила обоеденія, и человѣкъ, нашедши дорогу, по которой

надобно выйти ему изъ лѣсу, можетъ избавится отъ лѣшаго.

Эти страшилища, наводящія ужасъ на людей своимъ неистовымъ хохотомъ, раздающимся во мракъ дремучихъ лѣсовъ, почитались у славянъ лѣсными богами.

Вотяки называютъ лѣшаго Алида и увѣряютъ, что онъ имѣетъ обыкновенное свое пребываніе въ лѣсахъ. У него одна только нога, да и та наизворотъ, одинъ большой глазъ и пребогшая титька, которую втискиваетъ онъ людямъ въ ротъ, и тѣмъ ихъ задушаетъ.

Лягушка.—Яицкіе казаки вѣрятъ дѣйствительно, что ежели во время багренія на Уралѣ рыбы попадется кому лягушка на багоръ, то тотъ во всю зиму ни одной рыбы изловить не можетъ, хотя будетъ перемѣнять багры и мѣста.

Локоть когда свербитъ или чешется у кого, то значитъ— что спать ему на новомъ мѣстѣ.

Лучина.—Ежели кто имѣетъ привычку бить своихъ домашнихъ лучиною, то весь его домъ будетъ нездоровъ и изсохнутъ все такъ, какъ лучина.

Ложка, забытая на столѣ—къ гостю.

Лобъ свербить—челомъ бить: съ правой стороны—мужчина, съ лѣвой—женщина.

Листъ осыпаясь осенью съ дерева лежитъ лицомъ къ верху—къ недороду на другой годъ, а изнанкой—къ урожаю.

Ледъ весенній тонетъ—на тяжелый (безхлѣбный) годъ.

Лошади фыркаютъ въ дорогѣ—къ радостной встрѣчѣ.

Лѣвый глазъ свербить—къ слезамъ, правый, на любого глядѣть.

Ладонь чешется—по мнѣнію суевѣровъ: въ тотъ день деньги считать, если правая—получать, лѣвая—отдавать.

Ладонка.—Въ предохраненіе отъ колдовства и «сглаза» подвязываютъ на томъ-же шнуркѣ вмѣстѣ съ крестомъ также и сумучку съ ладонемъ. А тотъ, кто «родился въ сорочкѣ», носить ее до смерти.

Лучина.—Есть у нѣкоторыхъ, изъ простаго народа, примѣта, что кто бьетъ домашнихъ или дѣтей лучиною—тому будетъ грѣхъ, потому что отъ этого можетъ высохнуть всѣхъ семейныхъ въ домѣ.

М.

Масляница.—Вмѣсто приготовленія себя воздержаніемъ къ великому посту, простолюдины почти всю эту недѣлю имѣютъ безъ сниманія наполненный столъ особымъ на этой недѣлѣ приготовляемымъ кушаньемъ, разнаго рода блинами, оладьями, преженцами и прочимъ, которое все вообще называется *масляницею*, и отъ утра до вечера, оставляя прочія упражненія, пьютъ и ѣдятъ. Ходятъ ко всѣмъ для прощанья; а къ кумовьямъ и къ кумамъ носятъ пряники, и также большіе косяки мыла, катаются на горахъ въ различномъ и смѣшномъ одѣяннѣ, также въ харяхъ и маскахъ. Въ послѣдній вечеръ сырной недѣли не должно ни огня разводить, ни свѣчъ зажигать.

Мертвецъ.—Пригрезившійся во снѣ мертвецъ значить, что будетъ снѣгъ.

Муравейникъ.—Должно найти пару лягушекъ, положить ихъ въ буракъ, надѣлавъ на немъ дырокъ, бросить въ муравейникъ и бѣжать не оглядываясь, потому что произойдетъ великій крикъ отъ демоновъ, которые будутъ просить, чтобы бѣгущій оглянулся; но когда онъ оглянется, тогда сдѣлается ихъ добычею. Пришедъ черезъ три дня, должно вынуть буракъ и въ немъ окажутся однѣ косточки, между которыми найдутся вилочка и крючекъ. Эти вещи имѣютъ особенную силу въ чародѣйствѣ. Кто хочетъ, чтобы какая-нибудь женщина его полюбила, тотъ долженъ потя-

нуть непримѣтно крючкомъ за ея платье; если же хотятъ, чтобы женщина разлюбила, то стоитъ только отпихнуть ее вилочкой, и она въ ту же минуту забудетъ того человека, который былъ любимъ ею.

Мухоморъ.—Камчадалы почитаютъ этотъ грибокъ богомъ пьянства и обладателемъ злыхъ зелій. Употребляющіе мухоморъ бредятъ какъ въ горячкѣ; имъ представляются разные видѣнія веселыя или страшныя, смотря по различію темперамента. Одни пляшутъ, другіе плачутъ, или находятся въ великомъ ужасѣ, имъ скважины кажутся большими дверьми, а ложка воды—моремъ. Нѣкоторымъ мухоморъ приказываетъ удавиться, для того, что люди будутъ имъ дивиться, а другимъ утопиться или заколоться. Употребляющіе этотъ грибокъ умѣренно чувствуютъ веселье, ловкость, и отважность такъ какъ турки, которые наѣдаются опиума.

Мышь.—Торговые крестьяне и даже нѣкоторые купцы вѣрятъ, что ежели изъ купленнаго товара мышь въ скоромъ времени что нибудь попортитъ, то товаръ скоро и съ барышемъ сойдетъ съ рукъ.

Младенцамъ не давать цѣловаться долго—нѣмы будутъ.

Много комаровъ—готовъ коробовъ (корзинъ на ягоды).

Много мошекъ—готовъ лукошекъ (по грибы).

Младенецъ, родившійся въ первое число, бываетъ долго-
вѣченъ.

Маріонтъ—темнокрасный, прозрачный и блестящій ка-
мень, привозится изъ Индіи. Утверждаютъ, что онъ, носи-
мый на шеѣ, имѣетъ силу—прогонять падучую болѣзнь и
меланхолю.

Мураши въ домѣ—къ счастью, кони ржутъ къ добру.

Мыши изгрызутъ одежду—къ смерти.

Мухи зимою въ избѣ—къ покойнику.

Мѣрку съ покойника кладутъ съ нимъ въ могилу.

Много лѣтъ (жить) кукушка бабѣ накуковала,—да об-
манула.

Много раковъ—къ хорошему улову рыбы.

Мышь укусить кого въ домѣ,—тому непріятность, или
несчастье.

Мышь, если попортитъ какой нибудь товаръ,—къ ско-
рой продажѣ или прибыли.

Мать старается кормить ребенка грудью какъ можно
долѣе по примѣтѣ, что пока кормить одного, новаго не по-
несетъ. «На сырое молоко живо пристанетъ» Иногда не
отнимаютъ ребенка отъ груди до трехъ лѣтъ.

Н.

Ногти.—Суевѣры и по большей части такъ называемые
старообрядцы и раскольники, остригая ногти, кладутъ ихъ
въ особый мѣшечекъ; приказываютъ по смерти своей класть
ихъ съ собою въ гробъ, вѣри несомнѣнно, что на томъ
свѣтѣ спросятъ у нихъ отчетъ во всякомъ остриженномъ
или отрѣзанномъ кускѣ ихъ ногтя, а для того аввакумовцы
задѣлываютъ ногти въ перстни.

Бухарки красятъ у себя ногти на рукахъ измятою гвоз-
дикою въ желтый цвѣтъ.

Не играй ножемъ—ссора будетъ.

Надобно всегда на случай имѣть дома у себя осколокъ
того дерева, которое разбито молніею. Маленькій кусочекъ
этого дерева, положенный на больной зубъ—мгновенно исцѣ-
ляетъ сего отъ боли.

На ночь избу подпахать, чтобы ангеламъ было чисто про-
хаживаться.

Не клади пряслицы на столъ, — 40 грѣховъ наживешь.

Носъ чешется — въ рюмку глядѣть; носъ чешется — къ ста-
ростѣ.

Носъ чешется — къ покойнику.

Нитку первоученку — пряжа должна сжечь и съѣсть.

Не покидать нитокъ на веретенѣ къ воскресному и празд-
ничному дню, — чтобы не рвались.

Насѣдку сажать — нужно класть подъ нея яйца изъ шапки,
или изъ шубы, вообще изъ мѣховой вещи, — чтобы было при-
плода больше.

Насѣдка сажаетъ подъ себя цыплятъ — къ ненастью.

Наканунѣ Нового года узнають судьбу слѣдующимъ обра-
зомъ: ложась спать, крестятъ подушку и говорятъ: «что во
снѣ увидится, то и содѣется». Это вызываетъ вѣщіе сны.

Не усмирённый конь бываетъ свирѣпъ, — избалованный
сынъ становится дерзкимъ.

Найденную иглу, булавку или другое острое орудіе, не
должно поднимать, если оно лежитъ остриемъ къ нашед-
шему его.

Ножикъ тупъ — хозяинъ глупъ, скатерка черна — хозяйка
глупа.

Не пей нападкой — подтолкнетъ чортъ лопаткой (напад-
кой — ставши на колѣни, или легши на животъ).

На себѣ платье зашивать, пуговку пришивать — пришьешь
память.

Не плюй на право — тамъ ангелъ хранитель, плюй на
лѣво — тамъ діаволъ.

На правду чихается, на сонъ позѣвается.

Ногти цвѣтутъ — къ обновѣ, гостинцу, къ перемѣнѣ
жизни.

На молодомъ мѣсяцѣ — рыба клюетъ.

На очепъ (колыбельный) ничего не вѣшай—ребенокъ спать не будетъ.

Надѣтая въ пятницу рубашка приманиваетъ блохъ.

На сошествіе Св. Духа развиваютъ березки, бросаютъ вѣнки въ воду: если тонетъ—къ несчастію, плаваетъ—къ добру.

На Вознесеніе завиваютъ березку: если она не завянетъ до дня Пятидесятницы, то тотъ, на кого она завита—проживетъ этотъ годъ; дѣвка—выйдетъ замужъ.

На Удорѣ, въ Яренскомъ уѣздѣ, младенца для крещенія никогда не носятъ въ церковь, а по старинному обычаю, всегда крестятъ дома. Въ кумовья, тоже по обычаю, берется первый попавшійся на улицѣ. Если родился мальчикъ, при крещеніи бываетъ одинъ крестный отецъ, а дѣвочка, то—одна крестная мать.

На могилу самоубійцы сыплютъ нѣсколько пшеничныхъ зеренъ и наблюдаютъ издали: если птица не клюетъ, то не надо и поминать покойника, исключая Дмитріевой субботы да Всѣхъ Святыхъ, когда покупаютъ крендели и пряники и раздаютъ людямъ, а богатые раздаютъ яйца. (Одно яйцо стоитъ 40 поклоновъ). Если же видятъ, что птица клюетъ

зерна, то кидаютъ ихъ и потомъ на могилу въ продолженіи года и даже двухъ, «сколько не напостынетъ». Рассказываютъ, что одинъ самоубійца являлся во снѣ и просилъ не поминать его, потому что отъ этого онъ опускается глубже, говорилъ, что ихъ шестеро носятъ сатану на головѣ, а подошвы ихъ сосутъ.

На перекресткахъ черти собираются и играютъ въ бабки или бьются на кулачкахъ, любятъ тоже собираться на колокольняхъ, а въ жаркую пору дня забираются подъ густыя нависшія вѣтви большихъ елей, гдѣ темно и прохладно; въ городахъ собираются на чердакахъ и часто поднимаютъ бѣготню и драку, и если войдутъ съ огнемъ, то они обращаются въ кошекъ и разбѣгаются. Чтобы разогнать чертей, надо ихъ «изматюкать» (обругать по матерному); черти вообще не любятъ и боятся такого рода ругательства.

Навечеріе Богоявленія зовется въ Кадниковскомъ уѣздѣ «сочевникомъ». Въ этотъ день варятъ въ особомъ горшкѣ кутью, состоящую изъ гороха съ пшеницею съ примѣсью сока изъ конопляннаго сѣмени или меду. Молодые дѣвки берутъ кутью и, ходя по деревнѣ, кидаютъ кутью съ ложки въ лицо встрѣчному. Въ сочельникъ всѣ старые и пожилые не ѣдятъ до вечерней зари, а когда звѣзды взойдутъ, напьются освященной воды и закусываютъ сочнемъ изъ ржаной муки.

На святкахъ наряжаются всячески, кому какъ вздумается и надѣваютъ маски изъ бумаги или изъ бересты. Мѣстами

одинъ изъ наряженныхъ запасается большой корзинкой и стоитъ на улицѣ, а ребяташки (тоже въ личинкахъ) въ то время воруютъ въ той избѣ, куда они зашли, хлѣбъ или пироги и передаютъ стоящему на улицѣ. Кромѣ того, ребята нахватываютъ всевозможныхъ вещей съ повѣти: сани, пошевни, сохи, бороны, утаскиваютъ куда нибудь подъ гору и сваливаютъ въ кучу. Такъ какъ считается, что на святкахъ всѣмъ «вольво», т.-е. можно дѣлать, что угодно, то и выскивать за такія шалости и ругаться хозяину нельзя, а лучше караулить свое добро, чтобы его не растащили и не изломали. Большіе парни лезятъ на крыши и затыкаютъ трубы соломой, перевертываютъ возы вверхъ колесами и т. п.

О.

Оборотни.—Вѣдьмы оборачиваются въ разныхъ животныхъ и оборачиваютъ въ нихъ на время другихъ людей по злобѣ на нихъ и въ наказаніе.

Отламывать лишній кусокъ хлѣба, когда есть недоѣденный, означаетъ по примѣтамъ старожиловъ, что кто нибудь изъ родныхъ того чловѣка—голоденъ.

Обнова.—Ежели кто нечаянно плюнетъ себѣ на платье, то вѣрять безъ сомнѣнія, что имѣть ему на себѣ въ скоромъ времени обнову, то есть:—новое платье, шляпу, шапку, сапоги или проч.

О душахъ самоубійцъ думаютъ, что онѣ идутъ къ діаволу. «Душу діаволу отдай». Есть поговорка о самоубійцѣ: «чорту баранъ».

Овинникъ обитаетъ въ овинахъ; это духъ добрый. Когда засушиваютъ овинъ въ первый разъ, то просятъ овинника, чтобы онъ все сохранилъ въ цѣлости отъ невзгодъ и напастей, а когда кончатъ работу, то кланяются и говорятъ: «спасибо тебѣ, батюшка овинникъ, послужилъ вѣрой и правдой».

П.

Плевать.—Ежели кто плюнетъ нечаянно на свое платье, то это значить, что имѣть въ скоромъ времени обнову или терпѣть напраслину.

Примѣты.—Простолюдины утверждаютъ, что если кто родится злымъ чловѣкомъ, то на того природа кладетъ особый знакъ: онъ бываетъ или косъ, или рыжъ, или картавъ; напротивъ того, кто хорошъ лицомъ, тотъ злымъ быть не можетъ.

Пуговицы.—Если кто одѣвшись, застегнетъ пуговицы не по порядку, то вѣрять, что въ тотъ день быть ему пьянымъ или битымъ.

Пятница.—То есть, пятый день недѣльный, Пятокъ. Ежели кто въ сей день и въ Понедѣльникъ, что-нибудь предпринимаетъ, то успѣха будто-бы изъ того ожидать не должно; въ этотъ день прясть и шить почитаютъ бабы за грѣхъ, и ожидаютъ въ наказаніе или погтобды злой, или заусеницы неизлечимой.

Переносе чешется—о покойникѣ слышать.

Прощаться или здороваться черезъ порогъ—поссориться.

По пятницамъ мужики не пашутъ, бабы не прядутъ.

Правая ладонь чешется—къ прибыли, лѣвая—къ убытку.

Плевать на воду, все равно—что матери въ глаза.

Подаренный ножъ или другое острое орудіе—пресѣкаетъ дружбу, почему многіе, при подобныхъ подаркахъ, имѣютъ обыкновение платить небольшую монету тому, кто будетъ дарить.

Послѣ утрени въ первый день Пасхи ходятъ христосоваться съ усопшими: зарываютъ яйцо въ могилу.

Порожнюю зыбку не позволяютъ качать, чтобы ребенокъ спалъ хорошо, покойно; если же качать порожнюю, это вредно для ребенка и у матери отъ этого скоро родится другой ребенокъ; также не даютъ качать двоимъ разомъ. На качулю не вѣсятъ пеленокъ, иначе дитя будетъ спать неспокойно. Если ребенокъ смѣется во снѣ, это значить, что его «тѣшатъ ангелы».

Покойника обмываютъ непременно вдовы, въ Кадниковѣ мужчину обмываютъ мужчины же. Солому, на которой обмывали покойника, уносятъ за хлѣбные магазины или скигаютъ. Образъ, стоявшій передъ покойникомъ, опускается на воду. Мѣстами щепки и стружки отъ гроба сжигаютъ, мѣстами же кладутъ въ гробъ, а что останется, зарываютъ въ землю или бросаютъ въ рѣку. Если стружки отъ гроба принести въ домъ, то будетъ новый покойникъ. Если гробъ сдѣлаютъ великъ не въ мѣру, или если, кладя покойника въ гробъ, замѣтятъ, что онъ еще не совсѣмъ окостенѣлъ, это есть признакъ близости другого покойника.

При послѣднемъ прощаніи съ покойникомъ, одинъ изъ родственниковъ обходитъ три раза гробъ съ топоромъ въ рукахъ, держа лезвее впередъ; при послѣднемъ разѣ ударяетъ обухомъ по гробу и тогда уже гробъ поднимаютъ и несутъ въ церковь.

Покойника обмываютъ и одѣваютъ, какъ должно, но вмѣсто верхняго платья надѣваютъ холщевую рубаху, разрѣзанную спереди и подпоясанную, а на голову шапку. Въ

гробъ кладутъ листья отъ вѣника, и въ головы вмѣсто подушки куделю. Гробъ дѣлаютъ на улицѣ подѣ окномъ и всѣ орудія кладутъ въ гробъ. Когда гробъ внесутъ въ избу и покойника опускаютъ въ гробъ, то орудія вынимаютъ. Щепки отъ гроба сгребаютъ и сжигаютъ, а всѣ обмывавшіе и одѣвавшіе покойника грѣютъ у этого огня руки для того, чтобы руки потомъ не боялись холода. Когда покойника везутъ въ церковь, то хозяинъ дома долженъ, наклонившись къ землѣ, взглянуть изъ подѣ саней на ноги лошади для того, чтобы лошадь потомъ не спотыкалась, или же въ хомутъ втыкаютъ иглу безѣ ушей. Во время похоронъ на могилѣ раздаютъ милостыню нищимъ, при чемъ бабы голосятъ. Есть повѣрье, что ангелъ покойника живетъ въ домѣ 40 дней, и потому въ это время никто не садится подѣ божницу. Тутъ-же на гвоздѣ виситъ полотенце, до котораго никто не смѣетъ дотрогиваться. Въ 40-й день одна или двѣ бабы провозжаютъ ангела съ хлѣбомъ, солью, пивомъ и голосятъ.

Производителемъ грозы считается повсемѣстно пророкъ Ілія. Громъ—это шумъ отъ его колесницы. Ілія начинаетъ преслѣдовать чертей и тѣ прячутся, куда попало. Если человекъ не оградился крестомъ, дѣволъ залѣзетъ и въ него, и тогда человекъ легко можетъ быть убитъ молніей. Въ Васьяновской волости Кадниковскаго уѣзда, Ильинская недѣля зовется грозною. Въ Тройчинѣ того же уѣзда Ильинъ день празднуютъ по очереди—одинъ годъ въ одной деревнѣ, на слѣдующій годъ въ другой и т. д.; въ той деревнѣ, гдѣ приходится праздновать, варятъ пиво, а въ самый день праздника приносятъ образъ пр. Ілія и служатъ молебны, почему это празднество и носитъ названіе «мольбы». Мѣстами варятся не пиво, а сусло.

Послѣ христовской заутрени (и обѣдни) бѣгутъ домой со всѣхъ ногъ (хотя бы нѣсколько верстъ), потому что кто первый прибѣжитъ домой, «у того работа пойдетъ въ году всѣхъ круче».

Р.

Русалки—дѣволы женскаго рода, живущіе въ горахъ, рѣкахъ и болотахъ. Онѣ имѣютъ весьма долгіе волосы; простаки увѣряютъ, что часто ихъ видятъ бѣгающими по горамъ и сидящими на берегахъ рѣкъ, гдѣ онѣ чешутъ длинныя свои волосы, и когда только увидятъ онѣ человека, то тотчасъ бросаются въ воду. Древніе славяне почитали ихъ богинями водъ и лѣсовъ, поклонялись имъ и приносили жертвы. По мѣвнью ихъ, онѣ имѣютъ весьма долгіе зеленые волосы.

Руки дрожать—воръ.

Ребенку до-году изъ новаго холста рубахи не шить.

Ребенку не показывать зеркала,—чтобы не былъ пугливъ.

Ранняя кукушка (прежде листа на деревѣ)—ворамъ неудача.

Руки, ноги, голову ломятъ, пальцы горятъ, мозоли болятъ—къ ненастью.

Разбирать встрѣчи да примѣты—съ печи не слѣзаетъ.

Родится Пахомъ съ большимъ костылемъ. (Предсказаніе юродиваго о рожденіи Петра перваго).

Родинка на такомъ мѣстѣ, что самому видно—къ худу, а не видно—къ добру.

Рождественскій сочельникъ мѣстами зовется *кутейникомъ*. Невѣсты гадаютъ на кутьѣ, возьмутъ ложку кутьи и плеснуть на двери; кто послѣ этого первый отворить двери и начнетъ что нибудь говорить, то замѣчаютъ предметъ его разговора: соотвѣтственно этому будетъ и женихъ у гадавшей невѣсты. Мѣстами за два дня до Рождества дѣвицы сообща пекутъ пироги и каждая участница приноситъ съ собою соль и рыбу. Пироги ѣдятъ сами и угощаютъ парней.

С.

Собака воетъ. — Когда въ которомъ домѣ собака завоетъ, то увѣряютъ, что быть тамъ несчастію; а ежели на кого собака потянется, то предвѣщаетъ ему обнову.

Семикъ.—Этотъ день и слѣдующіе за нимъ еще три, древніе славяне праздновали сладострастному богу Туру, употребляя при этомъ роскошь и веселіе. Дѣвки и бабы, собираясь хороводами, плясали и, свивая изъ вѣтвей вѣнки, цѣловались сквозь оныя съ мужчинами, а потомъ бросали въ воду, загадавши: ежели вѣнокъ поплыветъ, то быть тотъ годъ замужемъ, а когда потонетъ, то остаться еще дома, а притомъ вмѣшивались тутъ и всякія любовныя дѣйствія въ честь и жертву идолу Туру.

Сочельникъ.—Сіи дни преданіемъ церковнымъ установлены для пощенія, что и названіе значить, и набожные люди въ эти дни воздерживаются отъ пищи, до звѣзды, то есть, до захожденія солнечнаго; но наши простаки перемѣняютъ то въ иное, и вставая рано, смотрятъ на звѣзды, которыя восхожденіемъ солнечнымъ помрачятся еще не успѣли, и тутъ принимаются за пищу, не поставляя себѣ преступленіемъ сего преданія и говоря, что они ѣли при звѣздѣ.

Столъ.—Когда садутъ за столъ тринадцать человѣкъ, то должно одному непременно выйти вонъ, или четырнадцатаго добавить, а тринадцати обѣдать никакъ нельзя, по увѣренію суевѣровъ, которые желаютъ выводить изъ того великія бѣды. Также ежели кто просыплетъ за столомъ соль, то предвѣщаютъ изъ того неограниченную домашнюю ссору.

Стѣны трещатъ.—Ежели въ какомъ домѣ, хотя-бы то и въ новомъ было,—трещать стѣны, то значить, что

изъ сего дома живущимъ въ скоромъ времени перебираться должно.

Соли за столомъ подавать другому не должно, ибо вѣ-
рять безъ сомнѣнія, что то бываетъ причиною ссоры, и
когда необходимо случится то сдѣлать, то, принимая, вѣлать
разсмѣяться, отчего будто вся сила предвѣщанія ссоры—
разрушится.

Суевѣрные люди во Франціи и въ Англіи пятницу счи-
тають пагубнымъ днемъ. Тамъ никто изъ нихъ не начнетъ
дѣла въ пятницу, такъ точно, какъ у насъ въ понедѣльникъ.

Строевой лѣсъ руби въ новолуніе, вырубленный на
ущербъ—сгниваетъ.

Сухой Мартъ, а Май мокрый—дѣлають хлѣбъ добрѣе.

Сынъ отъ послѣднихъ родовъ слегка кусая больное мѣ-
сто, избавляетъ отъ лажу въ костяхъ.

Скотину выгоняй въ поле въ первый разъ (на Юрія)
вѣткой съ вербнаго воскресенья.

Самою заразительною болѣзною считается «худая бо-
лѣзнь»—сифилисъ. Дѣйствительно, если въ семьѣ заболѣлъ

одинъ человѣкъ, то отъ него неизбѣжно заражаются всѣ,
такъ какъ и ѣдятъ, и пьютъ, и спятъ вмѣстѣ, и парятся
въ одной печкѣ. Пораженный сифилисомъ крестьянинъ жи-
ветъ дома и работаетъ, пока не свалится, и не обращается
за помощью къ врачу или фельдшеру, и тѣмъ болѣе не
ложится въ больницу, зная, что лѣченіе сифилиса продол-
жительно. Домашнее-же лѣченіе этой болѣзни ограничивается
обыкновенно питьемъ настоя «дорогой травы», т. е. сасса-
парели.

Столбъ пыли, вихрь, поднимающійся на дорогѣ, произво-
дится дьяволомъ, который начинаетъ вертѣться и подымаетъ
пыль. Если въ такой столбъ, бѣгущій по дорогѣ или по
полю, бросить ножъ, то ножъ окажется въ крови. Опытъ
этотъ, однако, очень опасенъ, такъ какъ раненый дьяволъ
непремѣнно отомститъ. Если наклониться и взглянуть на
такой столбъ между ногъ, то можно увидѣть дьявола. Въ
иныхъ мѣстахъ думаютъ, что въ каждомъ вихрѣ заключены
мужчина или женщина, которые: «запрокляты». Если
крикнуть «вызы, вызы!» вихрь становится злѣе, но если
закричать: «натолку чесноку да въ с....ку забью», то вихрь
совершенно взбѣлится и можетъ надѣлать бѣдъ, напр.
кинуться на домъ и сорвать крышу, сломить дерево или
оборвать съ него всѣ листья, повалить всю рожь въ полѣ
и т. п.

Среда 4-й недѣли великаго поста зовется «средокресье»,
потому что исполняется половина поста. Вечеромъ этого дня
молодые парни стараются обмануть какого-нибудь подростка,
говоря ему: «сядь подъ кузовъ, услышишь, какъ говѣные

переломится». Если тотъ повѣритъ и сидеть, то его обливаютъ водой и потомъ смѣются: «слышалъ, какъ говѣнье переломилось?».

Старыя помела выбрасываютъ въ окно для того, чтобы хищныя птицы не хватали куриць. Если въ избѣ развелось много таракановъ, то баба беретъ помело и клюку между ногъ и въ одной рубахѣ объѣзжаетъ три раза свой домъ, приговаривая: «гребу и мету лишнихъ таракановъ и посылаю ихъ за богатствомъ».

Т.

Табакъ.—Раскольники траву сію почитаютъ проклятою и ставятъ въ тяжкій и непростительный грѣхъ ея употребленіе. Когда случится кому въ ихъ избѣ курить табакъ, то они послѣ его курятъ трое сутокъ безпрестанно ладномъ; а гдѣ упало нѣсколько крошекъ онаго, то тѣ же трое сутокъ скоблятъ и моютъ оное мѣсто, дабы не токмо его, но и духъ или запахъ оный вывести совершенно.

Тараканы.—Эту гадину почитаютъ предвѣствующею, и когда въ которомъ домѣ быть пожару, то увѣряютъ, что всѣ тараканы дня за два изъ того дома станицами выйдутъ.

Такъ какъ въ теченіи свѣтлой недѣли двери въ рай бываютъ отворены, также, какъ и царскія двери въ церкви, то кто умретъ на этой недѣлѣ, пойдетъ прямо въ рай. Во время христовской заутрени, когда въ первый разъ запоютъ «Христосъ воскрес!» все, что пожелаешь,—исполнится. Этимъ пользуются нерѣдко и съ дурными цѣлями. Такъ, на возгласъ священника: Христосъ воскрес! любитель играть въ карты отвѣчаетъ: три туза да козырная! и отъ этого ему весь годъ должно везти въ игрѣ. Про удачныхъ охотниковъ говорятъ: «вѣрно онъ въ христовскую заутреню просвиру разстрѣлилъ», что охотники и дѣлаютъ.

У.

Уши горятъ.—У кого горятъ уши, того гдѣ нибудь въ то время переговариваютъ, то есть, пересмѣиваютъ; когда же въ ушахъ звенитъ, то, загадавъ что-нибудь, спрашиваютъ: въ которомъ ухѣ звенитъ? И когда отгадаютъ, въ которомъ ухѣ звенитъ, то непременно загаданное сбудется.

У кого вошка, у того и денежка. Что вошь,—то грошь, что гнида—то гривна.

У счастливаго волосъ, у несчастнаго—ноготь, т. е., у кого быстро растутъ волосы—человѣкъ счастливый, у кого ногти—несчастный.

У младенцев до-году ногтей и волос не стригутъ.

«Уроди Богъ повальный хлѣбъ!» (приговариваютъ, когда валяютъ «попа», для урежаю, по нивѣ).

Уши свербятъ—по новорожденному у знакомыхъ людей.

Уши разгорѣлись—кто нибудь ругаетъ.

Уши горятъ у кого-нибудь—про того судятъ.

Уголья скачутъ изъ печи—передъ гостями, и угасаетъ передъ гостемъ.

У кого нѣтъ рѣсницъ, тотъ считается чертомъ, или во всякомъ случаѣ, весьма подозрительнымъ человѣкомъ, такъ какъ «у нехорошаго нѣтъ рѣсницъ». Подозрительными считаются и люди прихрамывающіе, потому что дьяволъ, какъ извѣстно, прихрамываетъ.

Узнать достовѣрно, былъ-ли человѣкъ колдунъ, можно передъ его смертью. Въ смертный часъ колдунъ или колдунья начинаетъ бѣгать по избѣ, бросаться на что попало, кричать, пѣть, смѣяться и т. п. Всякая колдунья должна передъ смертью всѣхъ «своихъ» чертей передать другой колдунѣ или колдуну и наоборотъ. «Такъ черти отъ одного

къ другому и переходятъ». Если желаютъ убить колдуна, то обыкновенными средствами этого сдѣлать нельзя, а лишь вооружившись телѣжною осью. Для того же, чтобы колдунъ не могъ вредить послѣ своей смерти, ему надо подрѣзать жилы подъ колѣнками. Колдунъ нерѣдко уноситъ спорышью (приполонь) съ хлѣба. Для этого онъ обходитъ поле съ серпомъ и сжинаетъ по нѣсколько колосевъ въ разныхъ мѣстахъ.

У покойника отрубаютъ украдкой палецъ и съ этимъ пальцемъ ходятъ воровать. Если обойти съ пальцемъ домъ, гдѣ есть мертвецъ, то всѣ въ домѣ уснутъ такъ крѣпко, что можно войти и дѣлать что угодно, никто ничего не услышитъ.

Ф.

Филинъ.—Птица сія почитается предвѣстницею пагубы, и когда, прилетѣвъ на кровлю чьего-либо дома, станетъ кричать, то кому-нибудь изъ того дома умереть вскорѣ, или чувствовать бѣду. Суевѣры носятъ при себѣ ея когти, дабы привести себя въ безопасность отъ чародѣйства.

Филинъ-птица въ народѣ считается пагубною, потому что предвѣщаетъ несчастье.

Филинъ когда прилетитъ и сидеть на домъ и начнетъ кричать—къ несчастію; суевѣрные люди носятъ при себѣ его когти, чтобы охранить себя отъ несчастій.

Ч.

Черныя книги.—Такъ называются мнимыя волшебныя книги, которыя содержатъ въ себѣ дьявольскія навожденія; онѣ написаны волшебными знаками, а большею частию нолями или кружками; находятся всегда у волшебниковъ, по которымъ призываютъ они дьяволовъ; когда-же попадутъ они нечаянно не колдуну, то какъ скоро откроетъ онъ ихъ, то приступить множество чертей, и начнутъ просить работы. Когда не можетъ онъ имъ дать работы, если и дать, то легкую, которую они тотчасъ сдѣлаютъ, то утащатъ его въ адъ; а черно книжники, зная по ихъ наукѣ, какихъ черти работу окончить не въ состояніи, такія имъ и даютъ, на примѣръ: приказываютъ вить канаты изъ песку, воды, или изъ солнечныхъ лучей, и таскать оными китовъ изъ моря, или другія какія тяжести, то черти болѣе къ нимъ и не пристають, понеже и за то наказаны бываютъ, что дѣлать не умѣли.

Чистый Понедѣльникъ.—Такъ называется Понедѣльникъ на первой недѣлѣ великаго поста. Во многихъ городахъ по утру собираются кучами ребята и, держа въ рукахъ ухваты, кочери, помелы и сковородни, обернутыя тряпками, кричать, подходя къ каждому дому: мы масля-

ницу прокатали, святые вечера проиграли, мы рожественъ постъ пропряли. Свѣтъ наша Масляница дорогая, гдѣ ночесъ ночевала, подъ кустомъ на дорожкѣ, ѣхали скоморошки, вырѣзали по пруточку, сдѣлали по гудочку, и вы гудочки не гудите, и вы Масляницу не будите.

Чихать.—Когда придетъ кому какая-нибудь въ голову мысль, а случится, что въ то время нечаяннымъ образомъ другой чихнетъ, то это значить, что задуманное дѣйствительно сбудется.

Черезъ порогъ не здороваться—не бесѣдовать.

Чихнешъ въ понедѣльникъ на тощакъ—къ подарку; во вторникъ—къ пріѣзжимъ; въ среду—къ вѣстямъ: въ четвергъ—къ похвалѣ; въ пятницу—къ свиданію; въ субботу—къ исполненію; желанія въ воскресенье—къ гостямъ.

Что-то позѣвывается, зная наши спать ложатся или ужинать садятся.

Чтобы имѣть счастливый успѣхъ во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ и избавиться бѣдствій, говорятъ, что нужно только списать и всегда носить при себѣ «сонъ Пресвятой Богородицы». Сей талисманъ находятъ у многихъ набожныхъ старушекъ.

Чтобы приворожить жениха, надо покормить его съ за-
слонки, также и пѣтуха, и при этомъ говорить:—«какъ-бы
эта заслонка держалась своего устья, такъ-бы и пѣтухъ
держался своего дому».

Чтобы дитя раньше ходило—провести его по полу во
время утрени Св. Пасхи.

Ш.

Шапка-невидимка добывается слѣдующимъ образомъ: надо
найти цѣтокъ «адамову головку», который разцвѣтаетъ
около Иванова дня, и положить его въ церкви подъ пре-
столъ, чтобы онъ пролежалъ тамъ сорокъ дней. Затѣмъ, когда
его вынуть, онъ получаетъ такую чудодѣйственную силу,
что, если держать его въ рукѣ, то будешь видѣть дьявола,
чертей лѣшихъ, словомъ—всю «отпадшую» силу. Тогда
можно сорвать съ лѣшаго шапку, надѣть на себя и станешь
такъ-же невидимъ, какъ и лѣшій. Въ этой шапкѣ можно дѣ-
лать что угодно, никто не увидитъ и не узнаетъ. Передъ
смертью надо бросить шапку въ рѣку, чтобы черти взяли ее
обратно.

Ъ.

Ъсть въ потемкахъ—дѣти воры будутъ.

Э.

Эхо.—Когда кто кричитъ въ лѣсу или на берегу рѣки,
то эхо обыкновенно повторяетъ слова его. Суевѣрные утвер-
ждаютъ, что это отзывается лѣшій, имѣя намѣреніе зама-
нить въ жилище свое того человѣка, который кричитъ
или играетъ на какомъ-нибудь музыкальномъ инстру-
ментѣ.

Ю.

Юбка.—Юбка, у замужней женщины при надѣваніи юбка
завернется, то это по суевѣрію бабъ считается, что въ тотъ
годъ, та женщина родитъ.

Я.

Яга-баба.—Подъ симъ именемъ почитали славяне адескую
Богиню, изображая ее страшилищемъ, сидящемъ въ желѣзной
ступѣ, и имѣющую въ рукахъ желѣзный пестъ; ей прино-
сили кровавую жертву, думая, что она питается ею двухъ
своихъ внучекъ, коихъ ей присвоили, и усаждается при томъ
и сама пролитіемъ крови.

Яйца.—Когда занимаетъ кто яйцо у кого для насѣдки, то черезъ воду, то есть рѣку или каналъ переносить ихъ не должно, увѣряютъ, что плода отъ нихъ ожидать уже будетъ невозможно; а когда кладутъ яйца подъ насѣдку, то полагаютъ прежде въ шапку, и изъ ней уже подъ курицу, вѣря, что отъ того всѣ цыплята будутъ мохноногіе и съ хохлами. Дѣлаютъ еще и другое, но здѣсь сказать о томъ не прилично.

Ярко восходящее солнце и потомъ скоро темнѣющее—предвѣщаетъ дождь.

Яйца, подъ насѣдку назначенныя, не должно переносить черезъ рѣку или каналъ, потому что отъ этого не будетъ цыплятъ, а нужно непременно въ шапкѣ переносить съ мѣста на мѣсто, чтобы куры были съ мохнатыми ногами и съ хохлами.

Ячмень на глазѣ.—Чирышекъ если сидеть на глазу, то, чтобы онъ уничтожился, стоитъ только не въ примѣту тому, кто его имѣетъ, слегка плюнуть въ больной глазъ или поднести къ больному глазу кукишь, говоря: «ячмень, ячмень! вотъ тебѣ кукишь, что хочешь, то и купишь; купи себѣ топорокъ, сѣки себя поперекъ»,—и увѣряютъ, что отъ этого болѣзнь скоро проходить.

НАРОДНЫЯ ХОЗЯЙСТВЕННЫЯ ПРИМѢТЫ.

*Ай, ай, мѣсяцъ Май,
Теплѣ, да холоднѣ.*

Уроди Боже всякаго жита по закрому, на весь креще-
ный міръ.

Народныя хозяйственныя примѣты.

Я Н В А Р Ь.

5-е.

Яркія звѣзды подѣ Крещеніе породятъ бѣлыхъ ярокъ.

6-е.

На Крещеніе день теплый—будетъ хлѣбъ темный.

Если на воду идутъ (на Іорданъ) въ туманѣ—хлѣба бу-
детъ много.

На Крещеніе мятель—на Святой мятель.

Мететь снѣгъ (въ этотъ день) хлопьями—къ урожаю.

Звѣздная ночь—урожай на горохъ и ягоды.

—
8-е.

Коли на Омеляна (Емеліана) подуетъ отъ Кіева—лѣто грозно.

—
10-е.

На Григорія Нисскаго иней на стогахъ—къ мокрому году.

12-е.

Солнце входитъ въ знакъ Водолея.

—
18-е.

На Афонасія ломоноса—береги носъ (морозы).

Помело метлой на Маслину—придетъ государыня мятельная.

Въ полдень солнце—весна ранняя.

—
22-е.

Тимофѣевскіе морозы—ползимы.

24-е.

На Аксинью полузимницу дорогу перемететь—кормъ подмететь.

Ведро—весна красная.

Какова Аксинья, такова и весна.

=====

ФЕВРАЛЬ.

=====

Февраль бокогрѣй воду подпуститъ, а Мартъ подберетъ.

—
2-е.

На Трифона звѣздно—весна поздняя.

Срѣтенскіе морозы и оттепели.

Какова погода на Срѣтенъ, такова и весна.

На Срѣтенъ снѣжокъ—весной дожжекъ.

Капель—урожай на пшеницу.

Отъ 3-го до 11-го—семь крутыхъ утренниковъ: три до Власія, четыре послѣ Власія.

—
11-е.

Св. Власія—сшиби рогъ съ зимы.

Власевскіе морозы.

15-е.

Онисима Овчарника, окликають звѣзды для плодородія овецъ.

28-е.

Василія капельника.

М А Р Т Ъ.

И Мартъ на нощь садится (морозъ).

Ни въ Мартѣ воды, ни въ Апрѣлѣ—травы.

Коли въ Мартѣ снѣжокъ за долинами—у ай на родину и ярицу.

Сухой Мартъ обѣщаетъ великое плодородіе, а когда дождливъ, то рѣдко хорошій урожай бываетъ.

Частые туманы въ Мартѣ, предвѣщаютъ дождливый годъ.

1-е.

Пролѣтъе, Авдотья Плющиха, подмочи порогъ.

Пришли Евдокеи—мужику затѣи.

Евдокія весну сряжаетъ.

Красный день на Евдокіи—урожай на огурцы и грузди.

Новичекъ на Евдокію съ дождемъ—быть лѣту мокрому.

На Евдокію снѣгъ—урожай; теплый вѣтеръ—лѣто мокрое; сѣверно—холодное лѣто.

Съ Евдокеи погоже—все лѣто пригоже.

Съ Евдокіи вѣтры и вихри.

Отколь вѣтеръ въ Евдокеи, оттоль и во все лѣто.

2-е.

На Федота наносъ—все сѣно снесетъ (долго травы не будетъ).

4-е.

Герасима гречевника.

Коли грачи прямо на гнѣздо летятъ—дружная весна.

9-е.

Сорокъ мучениковъ—сорокъ утренниковъ (впереди будетъ).

17-е.

Алексеѣя—съ горъ вода.

Каковы на Алексеѣя теплые ручьи—такова и пойма.

25-е.

Если до восхожденія солнечнаго погода будетъ ясная во весь день, тогда можно надѣяться плодороднаго года и изобильнаго сѣнокоса.

Весна на Благовѣщеніе—много морозовъ впереди.

На Благовѣщеніе дождь—родится рожь, морозъ—урожай на грузди, гроза—къ теплomu лѣту и орѣхамъ, мокро—къ грибамъ.

Зимній путь кончается или за недѣлю—до Благовѣщенія или спустя недѣлю—послѣ Благовѣщенія.

А П Р Ъ Л Ъ.

Въ Апрѣлѣ земля прѣветъ.

Апрѣль съ водою—Май съ травою.

Апрѣль сипитъ да дуетъ—тепло бабамъ сулитъ, а мужикъ глядитъ, что-то будетъ.

Мокрый Апрѣль предвѣщаетъ хорошую пашню и изобиліе въ сѣнокошѣ.

Сухой Апрѣль предвѣщаетъ для пашни и сѣнокоса не доброе.

1-е.

Марья зажги снѣга, заиграй овражки.

Если розливъ—травы много.

5-е.

Пришелъ Федулъ—тепльнѣе раздулъ.

9-е.

Солнце входитъ въ знакъ Тельца.

12-е.

Василья Парійскаго—весна землю паритъ.

15-е.

На св. Пуда—доставай пчелъ изъ подъ спуда.

16-е.

Ирина—сѣй капусту на разсадникахъ.

18-е.

На Козьму—сѣй морковь и свеклу.

23-е.

Егорій съ росой, Никола съ травой, Егорій съ тепломъ,
Никола съ кормомъ.

Егорій съ ношей, Никола съ возомъ.

Юрій запасаеъ коровъ, Никола коней.

Коли на Ярія березовый листь въ полушку къ Успѣнью
клади хлѣбъ въ кадушку.

Юрій (Георгій) весну начинаеъ, а Илья лѣто кончаеъ.

На Юрья дождь—скоту легкій годъ, а гречи не родъ.

На Юрья роса не надо овса; свѣтъ (крупя)—урожаи на
гречу.

Морозъ—будеъ просо, овесъ и гречи хороши.

Ясно утро—ранній свѣтъ, ясный вечеръ—поздній свѣтъ.

30-е.

Теплый вечеръ и звѣздная ночь—къ урожаю и ведрому
(сухому) лѣту.

М А Й.

Мѣсяцъ Май—коню сѣна дай, а самъ на печь полѣзай.

Коли въ Маѣ дождь—будеъ и рожь.

Май холодный—годъ хлѣбородный.

Май холодный предвѣщаеъ много сѣна.

Сухой и теплый Май—предвѣщаеъ плодородіе.

Если наканунѣ Троицына дня вечеромъ прольется дождь,
тогда можно надѣяться на плодородіе земли.

Если послѣ Троицына дня начнеъ прекрасная погода
чрезъ три недѣли сряду, тогда можно ожидать изобиліе дре-
весныхъ плодовъ.

1-е.

Коли на Еремѣя погоже—уборка хлѣба пригожѣ.

2-е.

Борисъ—соловиный день.

На Бориса—самъ боронися.

Борисъ и Глѣбъ—сѣють хлѣбъ.

5-е.

Ирины разсадницы.

6-е.

Иова горошника, росенника, большая роса—къ урожаю
огурцовъ.

8-е.

Ивана пшенишника.

9-е.

Николая বেশний—праздникъ конюховъ.

Лягушка квачетъ—овесъ скачетъ.

Сади картофель.

11-е.

На Мокія мокро, или туманно—все лѣто мокро.

Всходъ солнца багряный—все лѣто грозное.

12-е.

Солнце входитъ въ знакъ Близнецовъ.

13-е.

Лукерья комарницы.

14-е.

Прошли Сидоры—прошли сиверы.

15-е.

На Пахомія бокогрѣя поздній овесъ и пшеницы.

Пришелъ Пахомъ—понесло теплою.

18-е.

Семь дѣвъ сѣютъ ленъ.

Пришелъ Ѳедотъ—берется земля за свой родъ.

Если на Ѳедота на дубу макушка съ опункой—будешь мѣрить овесъ кадушкой.

19-е.

На Ивана долгаго—сажай огурцы.

21-е.

На Олену—сѣй ленъ, ярицу, гречу, ячмень, сѣй огурцы.

Леонтія огуречника.

26-е.

Съ Иванова дни пошли медвяныя косы.

29-е.

Феодосіи колесницы.

І Ю Н Ъ.

Конецъ полѣтья—начало лѣта.

Если въ этомъ мѣсяцѣ ночи будутъ теплыя, тогда навѣрное можно ожидать изобилія плодовъ.

—
1-е.

Красно утро на Устина—красный наливъ ржи.

Дождливый и пасмурный день—урожай на ленъ и коноплю.

—
3-е.

На Луку полуденный вѣтеръ—къ урожаю яровыхъ; сѣверозападный—къ сырому лѣту; восточный—къ повѣтріямъ.

На Троицкой недѣлѣ дождь—много грибовъ.

—
8-е.

Гроза на Федора лѣтняго—плохая уборка сѣна.

—
12-е.

Солнце входитъ въ знакъ Рака.

Петра солнцеворота, капустника.

Солнце за зиму,—лѣто на жары.

—
13-е.

Акулины гречишницы (гречиху сѣютъ за недѣлю до Акулины, либо чрезъ недѣлю—послѣ).

—
23-е.

Акулины купальницы.

—
24-е.

Ивана купала—1-й покосъ.

До Иванова дня просите дѣтки дождя у Бога, а послѣ Ивана я самъ упрошу.

Сильная роса на Ивана—къ огурцамъ.

—
27-е.

На Сампсона сѣногная дождь—7 недѣль дождь.

—
29-е.

Съ Петрова дня красное лѣто—зеленый покосъ.

Зарница хлѣбъ зорить, коли дождь на Петровъ день—сѣнокосъ мокрый.

На Св. Петра день дождь—урожай не дурной, два дождя—хорошій—три—богатый.

І Ю Л Ь.

Сѣнозарникъ, страдникъ.

Въ этомъ мѣсяцѣ жары съ умѣренными дождями и ночными испареніями обыкновенно умножаютъ плодородіе хлѣба и все скоро созрѣваетъ.

Въ Іюлѣ мѣсяцѣ слѣдовало-бы всѣмъ и каждому воздерживаться отъ употребленія горячихъ напитковъ и забавъ, разгорящающихъ кровь.

—
1-е.

Начало покоса.

Кузьма и Демьяны пришли—на покосъ пошли.

—
8-е.

Коли на Казанскую черница (черника ягода) поспѣла—поспѣла и рожь.

Зажинъ ржи.

—
12-е.

Солнце входитъ въ знакъ льва.

Св. Прокла—отъ росы поле промокло (великія росы).

—
19-е.

Коли на Марину мокро—страда (полевая работа) не-настная.

—
20-е.

Илья жниво zaczynaеть, лѣто кончаеть.

Начинаются утренники.

На Ильинъ день до обѣда—лѣто, послѣ обѣда—осень.

До Ильина дня въ сѣнѣ пудъ меду, послѣ Ильина дня пудъ навозу (значить хорошо сѣно скоосить до Ильина дня, поспѣшить надо, а то гнить будетъ).

—
22-е.

• На Марью—сильныя росы—льны будутъ сѣры и косы.

—
25-е.

Коли утренникъ холодный, и зима холодна.

—
29-е.

Пронеси Господи Калиника марокомъ (туманомъ), а не морозомъ.

АВГУСТЪ.

Въ этомъ мѣсяцѣ солнечное сіяніе обыкновенно споспѣшествуетъ созрѣнію всѣхъ произрастаній.

Овсы да льны въ Августѣ смотри.

1-е.

Во что Маккавей, въ то и розговѣнье.

Съ перваго Спаса хорошая роса.

3-е.

На Исаія вихри—къ крутой зимѣ.

6-е.

Со втораго Спаса начало засѣва озими.

Пришелъ второй Спасъ, бери рукавицы про запасъ. (Значить могутъ и руки озябнуть).

Осенины.

10-е.

Коли на Лаврентія вода тиха,—осень будетъ тиха, и зима безъ вьюги.

15-е.

Солнце входитъ въ знакъ Дѣвы.

Оспожинки, обжинки.

На Успѣние огурцы солить, на Сергія капусту солить.

16-е.

Третій спасъ хлѣбный.

Молодое бабье лѣто (съ 15—29).

Сѣй озими до Фрола.

18-е.

Фрола и Лавра—лошадиный праздникъ.

Начало утренниковъ.

21-е.

Если будетъ день ясный, то надобно ожидать, что еще четыре недѣли будетъ хорошая погода.

23-е.

На Св. Луппа, овесъ морозомъ лупить.

Первые заморозки (лупенскіе).

Коли брусника поспѣла и—овесъ дошелъ.

С Е Н Т Я Б Р Ъ.

Сентябрь зарешникъ. (Зарень).

Если въ этомъ мѣсяцѣ много будетъ на дубахъ желудей, то много будетъ и снѣгу предъ Рождествомъ.

Частые и большіе туманы бывающіе въ семъ мѣсяцѣ, особенно безъ вѣтру, причиняютъ различныя болѣзни людямъ, слабаго здоровья.

Много желудей—къ теплой зимѣ и плодородному лѣту.

1-е.

Въ Семень день—сѣвалка съ плечъ.

Осенины, первая встрѣча осени.

Бабе лѣто по Спасовъ день (8 число).

Бабій праздникъ и бабы работы.

Не постно оно, осень сухая.

Много тенетника—осень ясная, зима холодная.

8-е.

Малая пречастая Пасиковъ и Луковъ дені.

Осенины. Вторая встрѣча осени.

11-е.

Всякому лѣту—аминь.

13-е.

Солнце входитъ въ знакъ вѣсовъ.

14-е.

Воздвиженіе—кафтанъ съ плечъ сдвигаетъ, тулупъ надвигаетъ.

Начало капустныхъ вечеровъ, или капустниковъ.

15-е.

Никиты гусепролета, рѣпорѣза.

Стрижка овецъ.

18-е.

Коли журавли полетятъ, то будетъ на Покровъ морозъ, а нѣтъ, то позже.

24-е.

Феклы заревницы—замолотки.

27-е.

Савватія—пчельника.

О К Т Я Б Р Ь.

Этотъ мѣсяцъ почти одинаковое имѣетъ свойство съ Сентибремъ.

Октябрь—грязникъ, ни колеса ни полоза не любитъ.

Поздній листопадъ—на тяжелый годъ.

Коли листь дуба и березы упалъ чисто—легкій годъ, не чисто—къ строгой зимѣ.

Листъ ложится на земь вверхъ изнанкой (мохнатою стороною)—къ урожаю.

Добрая отава—къ озими.

Первый снѣгъ за сорокъ дней до зимы.

Ива рано инеетъ покрылась—къ долгой веснѣ.

1-е.

Покровъ—первое позимье.

Вѣтеръ съ востока—зима холодная.

Не покрытъ Покровъ снѣгомъ—не покроетъ и Рождество.

7-е.

Съ Сергія зима начинается.

Съ Матрены (1 Ноября) черезъ четыре седмицы становится.

9-е.

Іаковъ братъ Господень, крупицу пошлетъ

13-е.

Солнце входитъ въ знакъ Скорпіона.

14-е.

На Грязниху порошиху—грязь 4 седмицы до зимы.

Прасковы Ляяницы.

29-е.

Авраамія печерника, Настасьи стригольницы.

Н О Я Б Р Ъ.

Если выпадает снѣгъ на мерзлую землю, тогда навѣрное можно ожидать въ будущемъ году хорошаго урожая хлѣба.

Снѣгу надуется—хлѣбъ придуется, вода разольется—сѣна наберется.

Мокрый снѣгъ на озимь,—тотъ-же наземь.

Безъ воды зима не станетъ.

Первый прочный снѣгъ въ ночи и на мокрую землю.

Коли ледъ на рѣкѣ становится грудями—будутъ хлѣба груды.

1-е.

Козьма, Демьянъ съ мостомъ—Никола—съ гвоздемъ.

Козьма, Демьянъ—закуетъ, Михайла раскуетъ.

8-е.

Михайла съ полумостомъ.

Коли на Михайла закуетъ—на Николу раскуетъ.

9-е.

Съ Матрены зима встаетъ на ноги.

11-е.

Федоръ Студить, землю студить.

12-е.

Солнце входитъ въ знакъ Стрѣльца.

Коли дождь—то оттепели до Введенія.

15-е.

Гурій напѣгой кобылѣ (грязь и снѣгъ).

16-е.

На Матвѣя земля прѣе.

21-е.

Введенье ломаетъ леденье.

Введенскія оттепели.

Введенскіе морозы зиму не ставятъ.

26-е.

Юрій съ мостомъ, а Никола съ гвоздемъ.

Д Е К А Б Р Ъ.

Большой иней, бугры снѣга, глубоко промерзлая земля—
къ урожаю.

Коли снѣгъ привалить вполоть къ заборамъ—плохое лѣто;
коли есть промежутки—урожайное.

4-е.

Трещить Варюха—береги носъ да ухо! (Морозъ).

Варвара мостить, Савва вострять (или салить), а Никола
гвоздить.

Коли въ Николинъ день слѣдъ замечаетъ — дорогъ не
стоять.

9-е.

Опока на деревьяхъ—къ урожаю.

12-е.

Спиридона Солнцеворота.

Солнце на лѣто—зима на морозъ.

13-е.

Солнце входитъ въ знакъ Козерога.

16-е и 17-е.

Иней—теплые святки.

Коли на Агея сильный морозъ, то онъ простоятъ до Кре-
щенія.

24-е.

Какова опока на деревьяхъ, таковъ будетъ цвѣтъ на
хлѣбъ.

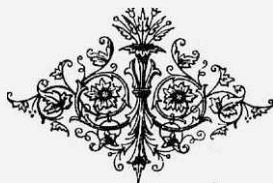
25-е.

Если отъ дня Рождества Христова до Богоявленія будетъ
прекрасная погода, то на будущее лѣто ожидайте всего въ
изобиліи.

Ясный день—къ урожаю.

Небо звѣздисто—къ большому приплоду скота, къ ягодамъ и гороху.

Тропинки черны—къ урожаю гречи.

Народныя примѣты по солнцу и облакамъ.

Солнце съ красною зарею заходитъ, а съ свѣтлою вос-
ходитъ—къ ведрю и ясному дню.

Красная вечерняя заря—къ вѣтру.

Въ тучу, темное облако садится—къ дождю.

Въ туманъ—тоже.

Солнце при закатѣ сіяетъ—къ большому вѣтру.

Тупые и рѣдкіе лучи солнца при закатѣ или восходѣ—
къ дождю.

Свѣтлое облако предъ восходомъ солнца—хорошій день.

Темноватое—пасмурный или дождливый.

Мѣняющее цвѣта облако—къ дождю.

Красные облака къ дождю.

При полудневномъ вѣтрѣ—къ порывистому вѣтру и непогодѣ. Если-же при этомъ лучи солнца темнѣютъ—то ожидай грозы.

Кучю облака при восходящемъ солнцѣ—къ переменной погодѣ.

Изъ темнаго облака солнце появляется съ большимъ жаромъ—къ грозѣ.

Солнце парить и тишина въ воздухѣ—къ большой грозѣ и дождю.

Краснаго цвѣта солнце на восходѣ—къ большому вѣтру. Солнце въ туманѣ—къ дождю.

Различнаго цвѣта лучи восходящаго солнца—къ пасмурной или дождливой погодѣ.

Тоже предвѣщаетъ желтый, бѣлый или зеленый восходъ солнца.

Кругъ около солнца, не раздѣляющійся при исчезновеніи, —къ доброй и сухой погодѣ.

Если кругъ разорвется, то со стороны разрыва кольца, будетъ вѣтеръ.

Если кругъ темноватый зимою—предвѣщаетъ стужу, лѣтомъ—дождь и вѣтеръ. Кругъ зеленоватый или красноватый

предъ восходомъ или заходомъ солнца—дождь или вѣтеръ на нѣсколько дней.

Ярко восходящее солнце, и потомъ скоро темнѣющее, предвѣщаетъ дождь.

Если солнце изъ темнаго облака восходить съ большимъ блескомъ, то должно того дня ожидать грома.

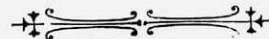
Свѣтлое сіяніе, во время дождей бывающее, означаетъ переменѣ пасмурной погоды на хорошую.

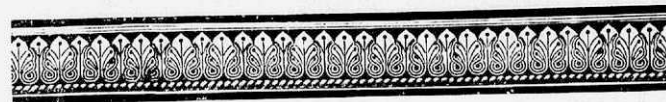
Если солнце заходитъ въ тучѣ, изъ которой предъ захожденіемъ солнца, или послѣ захожденія блистала молнія, то на другой день бываетъ гроза съ дождемъ.

Если послѣ пасмурныхъ и дождливыхъ дней солнце безъ всякихъ облаковъ заходитъ, и при томъ повѣетъ легкій восточный вѣтерокъ, тогда навѣрное можно ожидать продолжительной ясной погоды.

Если при захожденіи солнца покажется радуга слабаго цвѣта, тогда надо ожидать продолжительнаго дождя.

Когда солнце при захожденіи бываетъ красное, и этотъ цвѣтъ сообщаетъ облакамъ, то послѣдуетъ бурная погода съ дождемъ и это тѣмъ вѣрнѣе бываетъ, чѣмъ чаще облака измѣняются въ цвѣтѣ.

Примѣты по лунѣ.

Если вѣтеръ въ три дня обглядится, то весь мѣсяцъ будетъ ведрянный.

Когда мѣсяцъ родится внизъ рогами (съ юга), то зимою будетъ теплый, а лѣтомъ жаркій мѣсяцъ; когда рогами вверхъ, то зимою холодный, а лѣтомъ вѣтряный.

Рога къ вѣтру, но нижній крутой, верхній отлогій, то первая половина мѣсяца зимой холодная, лѣтомъ вѣтренная; если-же верхній рогъ круче, а нижній отложе, то та-же примѣта на вторую половину мѣсяца.

Рога луны остры и ярки— къ ведру. Круты—къ морозу. Отлоги рога—къ ненастью.

Тусклый мѣсяцъ—къ мокротѣ. Ясный—къ суху. Въ свѣтъ—къ дождю, въ краснѣ—къ вѣтру, съ ушами—къ морозу.

Ясная, кругловатая луна—зимой къ стужѣ. Лѣтомъ—къ ведру.

Кольцо вокругъ луны—къ вѣтру.

По звѣздамъ.

Когда млечный путь свѣтитъ, то будетъ хорошая погода. Когда же кажется, что звѣзды въ немъ словно бѣгутъ, то будетъ вѣтеръ.

Черные круги около звѣздъ—къ дождю. Бѣлые и красные—къ ведру. Темные, зеленые и блѣдные круги—къ дождю.

Сильно блестятъ звѣзды лѣтомъ—къ жарѣ.—Зимой—къ морозу. Темнѣютъ—къ переменной погодѣ, вѣтру и грозѣ.

Мало звѣздъ видно—къ пасмурной погодѣ и дождю, а откуда лучи звѣздъ будутъ длиннѣе,—оттуда будетъ вѣтеръ.

Примѣты по воздушнымъ явленіямъ и
другимъ физическимъ признакамъ.

Громъ зимой—къ сильнымъ вѣтрамъ.

Пушистые иней—къ ведру.

Вечерняя роса—къ ведру.

Туманъ падаетъ (не поднимается)—къ ведру, поднимается—къ ненастью.

Высокая и круглая радуга—къ ведру, пологая и низкая—къ ненастью.

Большіе дождевые пузыри—къ ненастью и пущему дождю.

Ранняя роса лѣтомъ, а осенью иней—къ ведру.

Дымъ столбомъ—къ морозу или къ ведру.

Когда дымъ безъ вѣтру бьетъ къ землѣ, лѣтомъ — къ дождю, зимой къ снѣгу.

Когда отъ горъ и лѣсовъ послѣ тумана выходятъ пары, то будетъ ненастье.

Если на равнинахъ и низкихъ мѣстахъ по захоженіи солнца густо разстилается туманъ, то ожидайте хорошей и ясной погоды.

Густой туманъ, ввечеру бывающій, предвѣщаетъ на зарѣ другого дня дождь.

Если при захоженіи солнца покажется радуга слабого цвѣта, тогда надобно ожидать продолжительнаго дожда.

Если послѣ дожда земля скоро сохнетъ, и сырость съ камней скоро исчезаетъ, то навѣрное можно ожидать продолжительнаго дожда.

Когда вовсе нѣтъ утренней росы, или когда столь много бываетъ, что какъ будто-бы шелъ сильный дождь, то должно ожидать скорого дожда.

Шумъ волнъ со стороны востока по захоженіи солнца предвѣщаетъ сухую погоду.

Шумъ волнъ съ запада предвѣщаетъ пасмурную и дождливую погоду.

Когда въ тихую погоду вдругъ сдѣлается вихрь, который древесныя листья, соломѣ и другія легкія тѣла поднимаетъ на воздухъ, то послѣдуетъ дождь и бурная погода.

Если во время грозы молнія часто блистаетъ, а громъ гремитъ очень рѣдко, то должно ожидать повсемѣстнаго дожда.

Когда покажутся двѣ или три радуги яркихъ цвѣтовъ, то бываетъ продолжительный дождь.

Когда при восточномъ вѣтрѣ пойдетъ дождь, то онъ будетъ продолжаться нѣсколько дней.

Когда облака густо стоятъ и большими отдѣленіями поднимаются къ верху, тогда должно ожидать тихой хорошей погоды.

Громъ съ скорымъ дождемъ не опасенъ, но тѣмъ чернѣе туча, тѣмъ больше дожда бываетъ.

Если больше грому, а меньше молніи, то со сторонъ большой бури ожидать должно.

Красная молнія самая опасная, потому что она зажигаетъ и убиваетъ.

Если снѣгъ мелко и рѣдко идетъ, то большой и долговременной стужи ожидать должно. Когда же идетъ густой снѣгъ и хлопками, тогда будетъ теплая погода.

Когда нѣтъ морозовъ въ послѣдней половинѣ Февраля и въ первой половинѣ Марта, то въ Апрѣлѣ и въ первой половинѣ Мая бываетъ стужа.

Примѣты по чувствамъ животныхъ.

Скотъ ложится подъ кровлю — къ ненастью, а на дворѣ — къ ведру.

Свинья чешется — къ теплу. Визжитъ — къ ненастью; солону таскаетъ — къ бурѣ.

Лошадь хрипѣть — къ ненастью, фыркаетъ — къ дождю, трясетъ головой и закидываетъ къ верху — къ ненастью.

Собака валяется — къ ненастью.

Траву ѣсть — къ дождю.

Кошка лижется — къ ненастью.

Кошка моется, лижетъ лапу — къ ведру.

Кошка морду хоронитъ — къ морозу, либо къ ненастью; въ печурку садится — къ морозу, непогодѣ; скребетъ полъ — къ вѣтру и мятели; стѣну деретъ — къ непогодѣ; крѣпко спитъ — къ теплу; лежить брюхомъ или рыльцемъ къ верху — къ теплу.

Когда журавли высоко, тихо, безъ крика и правильно летать, то навѣрное можно ожидать ясной и сухой погоды.

Когда комары при захожденіи солнца собираются на воздухъ въ видѣ кружащагося столба, тогда ожидайте хорошей погоды.

Когда пчелы далеко отлетаютъ отъ своихъ ульевъ и даже по захожденіи солнца возвращаются — предвѣщаетъ хорошую погоду.

Если пчелы во время суровой погоды въ ульяхъ находятся въ сильномъ движеніи и сильно жужжатъ — предвѣщаетъ хорошую погоду.

Когда дождевые черви по захожденіи солнца во множествѣ выползаютъ изъ земли, то вѣрно будетъ худая погода и дождь.

Когда куры вечеромъ раньше обыкновеннаго собираются въ курятникъ, то вѣрно на другой день послѣдуетъ дождь.

Когда свиньи безпрестанно визжать и таскаютъ въ хлѣвъ разный соръ, должно ожидать дождя.

Когда овцы вечеромъ не охотно и принужденно съ пастбища идутъ домой, то должно ожидать дожди.

Когда вороны и лѣсные птицы купаются въ рѣкахъ и озерахъ, то послѣдуетъ бурная погода и дождь.

